

Ли́дия СЫЧЁВА

ВРЕМЯ БОЯНА

ISBN 978-5-4253-0172-7

9 785425 301727 >

Лидия СЫЧЁВА

**ВРЕМЯ
БОЯНА**

Книга о русской поэзии
и художественном слове

Москва
2011

УДК 82-4
ББК 84
С95

Сычѳва Л.А.

С95 **Время Бояна. Книга о русской поэзии и художественном слове. – М.: ИД «БУКИ ВЕДИ». – 208 с.**

ISBN 978-5-4253-0172-7

От автора

В 2002 году в Челябинске вышла моя книга «Тайна поэта», посвященная жизни и творчеству Валентина Сорокина. Мне казалось, что я закрыла тему, и добавить что-то принципиально новое к этому исследованию будет сложно.

Но с того времени написано и опубликовано несколько книг о Валентине Сорокине – «Беречь Россию не устану...» Юрия Прокушева, «Красивая мудрость слова» Николая Захарова, «Культовый поэт русских клубов Валентин Сорокин. 15 тайн русского сопротивления» Александра Байгушева; вышел в свет очерк Анатолия Белозѳрцева «Журавлиная высь» (в сборнике «Священного призвания огонь»). В литературной периодике то и дело вспыхивала полемика по поводу творческой и общественной деятельности поэта. У Валентина Сорокина выходили новые книги, его стихи публиковались в «Литературной газете», газете «Завтра», «Нашем современнике», «Московском литераторе», «Приокских зорях», «Подъеме», «Слове», «Литературном меридиане» и многих других изданиях. Жизнь шла своим чередом и получала отражение в очерках и эссе, интервью и статьях, прямо или косвенно посвященных творчеству поэта. Мои новые работы по данной теме были напечатаны в журналах «Москва», «РФ сегодня», «Поэзия», «Молодая гвардия», «Полдень», «МОЛОКО», газетах «Танкоград», «Литературная Россия», на сайтах АПН, «Русская народная линия».

Так родилась книга «Время Бояна». Надеюсь, она будет интересна всем, кто любит русскую поэзию и художественное слово.

УДК 82-4
ББК 84

ISBN 978-5-4253-0172-7

© *Сычѳва Л.А., 2011*

**БЕСЕДЫ
О РУССКОЙ ПОЭЗИИ**

Природа русского образа

«Мню я быть мастером, затосковав о трудной работе», – писал когда-то молодой Павел Васильев. Стихи – трудная работа. А всего-то и кажется – невесомая строчка на белой бумаге... Но «останавливать мрамора гиблый разбег и крушенье» способны лишь настоящие мастера – герои античности, титаны Возрождения, витязи русской поэзии – золотого, серебряного и бронзового веков. Правда, очень часто мы драгоценный мрамор путаем с гипсом подделок. С поэтом Валентином Сорокиным, автором многих стихотворных и публицистических книг, мы говорили о мастерстве. И не только...

БЕДА ЧУЖИХ

– Валентин Васильевич, у меня в руках недавно изданный томик стихов Осипа Мандельштама. В сборнике приводятся слова Георгия Адамовича: «Стихи Мандельштама – наперекор всем его суждениям об искусстве – всего только бред. Но в этом бреде яснее, чем где бы то ни было, слышатся еще отзвуки песен ангела, летевшего «по небу полуночи»...» Честно говоря, лично я больше согласна с первой половиной этого высказывания. Можем ли мы вместе с вами разобрать несколько мандельштамовских стихотворений?

– Пожалуйста.

– Тогда читаю стихи, датированные 1912-м годом.

Образ твой, мучительный и зыбкий,
Я не мог в тумане осязать.
«Господи!» – сказал я по ошибке,
Сам того не думая сказать.

Божье имя, как большая птица,
Вылетело из моей груди.
Впереди густой туман клубится,
И пустая клетка позади.

– Ну, совершенно безотчие, русскоязычные, имитационные стихи.

– А мне они кажутся просто слабыми...

– Первые строчки читайте.

– «Образ твой, мучительный и зыбкий...»

– Уже плохо – «мучительный и зыбкий». Что ж за образ-то такой? Она что, туберкулезом болеет, эта девочка? Ну ладно, пусть. Он мучается, и она далеко где-то... Пусть так. Дальше читайте.

– «Я не мог в тумане осязать...»

– Мало ему, что образ расплывчатый, зыбкий, так еще и в тумане! Ну, как бы в кислом молоке даже.

– «Господи!» – сказал я по ошибке, Сам того не думая сказать...»

– А почему по ошибке? Сказал: «Господи!», – что ж тут за ошибка?! А что он: «Сталин», – хотел сказать?! То есть разорванная логика, понимаете? Набор русских междометий, восклицаний, неясностей, смятений, но они все неестественны, они как бы приткнуты друг к другу. Всё это не взхлёб сказано, а так: ходил поэт по комнате, может быть, даже щи хлебал перед этим.

– «Божье имя, как большая птица, Вылетело из моей груди...».

– Ужасно! Представляете, мокрый гусь вылетел! Это просто неряшливо сказано: «Божье имя, как большая птица, Вылетело из моей груди». Я представляю, у него грудь какая! Что это, сарай, что ли?! Это плохо очень!

– Говорят же так: вздох вылетел...

– А-а-а! Сказал бы, как жар-птица, птица, а причем тут эпитет «большая»? Если птица большая из его груди вылетела, представьте, какой он сам! А он был щедущный, болезненный.

– «Впереди густой туман клубится...»

– Ну было уже – «в тумане»!

– Было... «И пустая клетка позади».

– Грудная клетка, что ли? Ах, птица улетела, и клетка пустая осталась... Ну это вообще, патология какая-то! Стихотворение – пародийное! «И пустая клетка позади», – птица улетела и у него грудная клетка пустая. А если это тюремная клетка позади, то ещё хуже – за что сажать-то, он ни в чем не виноват?! О стихах этих можно сказать: с миру по нитке.

– Да?

– Да. С миру по нитке.

Я пригвожден к трактирной стойке.

Я пьян давно. Мне всё – равно.

Вон счастье моё – на тройке

В серебристый дым унесено!..

Попробуй раскуй, попробуй оторви хоть одно звено! Александр Блок. И состояние как передается! И всё так должно быть сковано! Вот красивая женская ладонь, узкая, а вот мужская, пятипалая, она, может быть, грубая, но всё равно красивая, понимаете? Отними любой палец – изувечишь, красоту искалечишь! И в стихах так. А тут он набрал внешнего – серебрится имя мучительно-зыбкое, в тумане, слово Бог по ошибке сказал... Вроде бы хорошо, но потряси это стихотворение, и оно, как после огромного зноя сосёнка, которая высохла – все иголки осыпятся. Типичные стихи, написанные не самоощущением, а иллюзией ощущения. Это не его ощущения, это иллюзия. Ему всё лишь кажется!

– Вы говорите, и так волнуетесь...

– Ну как же! Я же плачу над стихами! Вот если лошадь распрячь, она идет на зелёную траву. Так и я. Я – рабочая лошадь. Творец, рабочий, ну, допустим, как скульптор. У меня всё время под

руками этот мрамор дробящийся! А как же – это ведь тяжелейшая работа! «Господи!» – сказал я по ошибке...» Тогда «Товарищ Сталин», – сказал бы... Что за вольность?

И беда не в том, что я так говорю, а беда в том, что народ наш настолько околпачен, что похож на человека, который ест несолёное, и не знает, что это несолёное. Это сцена – Мандельштам играет поэта! Ему не до горя! А когда поэт не играет, а говорит, он не знает, он весь в этом, а человек падает от его горя! Поэт даже не понимает, какое у него глубокое горе, он весь в нём! Вот как ветер в море вошел, волны кипят вокруг, но ветру наплевать на то, что валы встают за ним, он творит свою трагедию! Так и поэт. А здесь всё рассчитано.

– Сборник из которого я читаю, называется «Избранное». В него вошли лучшие, по мнению составителей, стихи Осипа Мандельштама.

Как подарок запоздалый
Ощутима мной зима -
Я люблю её сначала
Неуверенный размах.

Хороша она испугом,
Как начало грозных дел, -
Перед всем безлесным кругом
Даже ворон оробел.

Но сильнее всего непрочно -
Выпуклых голубизна -
Полукруглый лед височный
Речек, бающих без сна...

– Вообще, Осип Мандельштам как русскоязычный поэт отличается от своих соплеменников очень сильно. Прежде всего, он отличается искренностью. Потом, не случайно же он так пострадал – на искреннего человека всегда огонь власти накатывается быстрее, чем на кого-либо другого. Но вот это стихотворение... Есть закон: технически мы должны быть точными, как гвозди в

стене, заколоченные с одного удара мастером. Иначе – грош нам цена. Или я пишу белый свободный стих, и всё равно я правлю ритмом, мелодикой стиха, иначе я его развалю, и он никому не будет нужен – это как шла бы машина и вдруг распалась на запчасти... «Зима – размах», – он потерял рифму. Он работает в классической ритмической манере. Ритмы его стихов – классика, они не нарушаемы, значит, рифмы должны соответствовать им. Я не могу надеть голубую рубашку с ярко-зелёным галстуком – это будет некрасиво! Или у меня будут черные туфли, костюм, галстук в тон и ярко-красный портфель возьму – и буду выглядеть как дурачок с погремушкой. Вот в чём дело! А имитация стихии – это имитация поэта. Прочитайте еще раз первую строфу.

– Пожалуйста:

Как подарок запоздалый
Ощутима мной зима -
Я люблю её сначала
Неуверенный размах.

– Звучит слово «зима» и у нас сразу же возникает картина – это время года может быть буйным, тихим, метельным, солнечным – в общем, это довольно спокойное, неопределенное слово. А «размах» – такое сильное слово, да еще кончается на «ах», и он «съел» эту рифму. Ту тихость, ту созерцательную интеллигентность он словом «размах» приколотил, и получилось так, что он стукнул огромной кувалдой по соломенной шляпе. Ощущения-то у него нормальные, он хотел написать, что зима только начинается, что она покажет потом свою силу, а сейчас она делает как бы разбег, взрослеет на его глазах, вот он что хотел сказать! А всё съел!

– Вторая строфа:

Хороша она испугом,
Как начало грозных дел, -
Перед всем безлесным кругом
Даже ворон оробел.

– Это ничего. Ворон. «Перед всем безлесным кругом», – видимо, поэт видит поляну, она очертилась снегом... Что-то блоковско-фетовское.

– И заключительная строфа:

Но сильнее всего непрочно -
Выпуклых голубизна -
Полукруглый лед височный
Речек, бающих без сна...

– Но сильнее всего непрочно – это очень плохо. «Богатырь я, богатырь – туберкулезный». Тогда уж оставь или «сильнее всего», или «непрочно». Это всё равно что две кобры бросить друг на дружку – взаимоуничтожение слов. В распахнутую дверь ко мне вошел стройный горбун, – я ж не могу так сказать! Здесь – отсутствие понимания художественно-психологической несопричастности слов друг другу. Как монтажники говорят – нестыковки. Он ставит на конец стиха – слово «непрочно», и получается «но сильнее всего непрочно» – путаница.

– «Выпуклых голубизна...»

– И это плохо. Дальше он объяснит, но у читателя сразу недоумение – чего «выпуклых голубизна»? Глаз? Существительное ведь далеко!

– «Полукруглый лед височный...»

– Во-первых, это очень непонятно, абстрактно, во-вторых, стихотворение написано не по наитию, а по неясным, идущим далеко-далеко, еще даже неподавшим своего голоса ощущениям. Поэт имеет на это право, но только он. А почему я должен пользоваться тем правом, которое он сам для себя не понял? Вот в чем дело! Всё ведь искренне здесь, мы видим мятущегося поэта, а картины нет! Потом, соединение «непрочно – височным». Тут много от человека деталей, а сам он нагнетает природу. Несовместимость, я бы так сказал, на языке огрубления – росы и пота. И в результате – отвращение.

Человек-то он хороший, очень порядочный и честный по своему, стремился к русской стихии. Стихии интеллигентно

управляемой, красивой и летящей. Ну, как скакун, допустим, выдрессированный.

Я знаю, как он погибал, Борис Ручьев мне рассказал. Подбежали к нему, к Ручьеву, заключенные, говорят: иди, там твой поэт умирает. Зона общая, но в помещениях они были разных. Когда Ручьев пришел, Мандельштам лежал на нарах один. Кость и кость – до того исхудавший! Он уже умирал, и просил пить. Несколько минут еще прожил. И Ручьев мне рассказывал: «Я, – говорит, – Валя, нашел пятаки и по русскому обычаю перекрестил его, глаза ему закрыл и положил на них монеты».

Ручьев человек был очень честный. Он мне говорит: «Я не могу писать, – в нем страх еще очень жил – представьте, двадцать лет отмолчал, – а ты будешь седым, расскажешь». Хорошо, говорю. Я слушал его воспоминания, переживал страшно. Ручьев тепло о нем говорил. Но поэт Мандельштам слабый...

– Давайте всё-таки еще одно стихотворение посмотрим.

После полуночи сердце ворует
Прямо из рук запрещенную тишь.
Тихо живет – хорошо озорует,
Любишь – не любишь – ни с чем не сравнишь...

– Хорошо!

– Любишь – не любишь, поймешь – не поймаешь...
Не потому ль, как подкидыш, дрожишь,
Что пополуночи сердце пирует,
Взяв на прикус серебристую мышь?

– Ну всё испохабил! Взял мышь – и ешь, не обязательно угощать всех! Первая строфа хорошая, но «подкидыш, дрожишь» – это плохо. Многие интерсочинители – поэты, прозаики, критики – лишены русской опрятности. Я с юности это понимал. Там, где русский человек обойдет, русскоязычный литератор обязательно скажет об этой «краске»! Это, видимо, вызвано тем, что у

них отношение к сковороде, к зарезанному поросёнку, к быту совершенно другое, чем у нас. Все стихи, посвященные любви, в русской поэзии настолько чисты, будто серебро вынутое из какого-то состава, который еще и серебро очищает! Вот какие стихи у нас! Даже мат: «Что ж ты смотришь так синими брызгами, или в морду хошь?» – Есенин говорит, – это у него хулиганские стихи, специально написанные разгневанным поэтом, а грязи в них нет! А прочитанные стихи лиричные, любимой посвящены, и все в грязи! Такое впечатление, что поэт неряшлив, небрит, и не успел умыться даже. Вы не согласны?

– Я согласна, я просто удивляюсь какой у вас абсолютный поэтический слух! Это невозможно приобрести, с этим надо родиться.

– Да, мне это говорили всё время, когда я начинал писать и еще не печатался даже. Первый мой учитель был Александр Яковлевич Гольдберг, еврей, который знал Мандельштама, и он мне говорил: «У Сорокина абсолютный поэтический слух, абсолютный вкус к слову!» Ну, а что, как меня опровергнешь? Это всё равно что вы меня пригласите в гости: «Я вас жду, картошки наварила», – а я приду, она сырая, недоваренная. Он же загубил стихотворение – «мышь в зубах держу»! Может быть, в пустыне Синяя это и нормально смотрится – вышел «эпик», держит мышь в зубах. А у нас это не пройдет... Ещё одно стихотворение прочтите, и всё – много чести ему.

– Хорошо.

Ночь на дворе. Барская лжа:
После меня хоть потоп.
Что же потом? Хрип горожан
И толкотня в гардероб.

Бал-маскарад. Век-волкодав.
Так затверди ж назубок:
Шапку в рукав, шапкой в рукав -
И да хранит тебя Бог!

– Это, видимо, Новым годом навеяно, но текст разорванный, отрывочный, который он решил склеить. Стихотворение – бесстрастное, написано только бездельем и величайшим напряжением ума.

– Пожалуй, вы правы. Виктор Шкловский писал в воспоминаниях: «По дому, закинув голову, ходил Осип Мандельштам. Он пишет стихи на людях. Читает строку за строкой днями. Стихи рождаются тяжелыми. Каждая строка отдельно».

– Прав я не потому, что я прав! Вот Сергей Есин. Он говорит, допустим: «Я знаю! Я читал Иванова!» Он совершенно уверен в том, что от Москвы и аж до Пекина никто ни читал Иванова! Он говорит – он видит. Но поэт-то говорит так, что идущие за ним иногда видят даже больше, чем он говорит! Потому что он летит, как птица, которая сейчас над нами – она летит и нас видит, а за ней, может быть, тысячи человек следят! А Мандельштам не думает об этом. Толпа, очередь в гардероб. Какая очередь? Давайте будем гадать: семья большая на Новый год собралась, шляпа у них одна на всех, они её ищут, или это очередь в коридоре – все соседи хотят выйти на улицу, на новогоднюю ночь посмотреть... Что это такое, вообще?! Потом, в каждой строке – бытовщина. Кстати говоря, почти все, не прикипевшие кровью к России люди, такие. Он никак не раскинет крылья и не скажет – ах, какая необъятная моя Русь! Везде серебряная мышь им чудится, всё время у них теснота в стихах – их сжимает внутреннее чувство. И вот он говорит какими-то отрывочными фразами, как будто разломил карандаш и пуляет его в толпу.

Ну, а последнее, что я хочу сказать, Мандельштам – родной брат Пастернаку...

– Тогда я читаю вам лучшее, на мой взгляд, стихотворение Бориса Пастернака из сборника «Лирика».

– «Свеча горела...»?

– Нет, оно почему-то в эту книгу не включено... Называется стихотворение «Ночной ветер».

– Хорошо, хорошее название.

– Да, «Ночной ветер».

Стихли песни и пьяный галдеж.
Завтра надо вставать спозаранок.
В избах гаснут огни. Молодежь
Разошлась по домам с погулянок.

Только ветер бредет наугад
Всё по той же заросшей тропинке,
По которой с толпою ребят
Восвояси он шел с вечеринки.

Он за дверью поник головой.
Он не любит ночных катавасий.
Он бы кончить хотел мировой
В споре с ночью свои несогласья.

Перед ними – заборы садов.
Оба спорят, не могут уняться.
За разборками их неладов
По дороге деревья толпятся.

– Стихотворение очень искреннее, хотя могло бы быть и трагичнее. Но он не нашел смысла в середине произведения! Закончил – мне нравится очень: «За разборками их неладов. По дороге деревья толпятся». Какая-то опустошенность, что-то прошло, ушло, они даже и не поняли, эти ожившие деревья... Хотя в начале рифма «спозаранок – с погулянок» – корявая. Но ладно. Дело в том, что ложку дегтя – не специально – он всё-таки в стихотворение влил. Он не нашел груза главного. И у него получилось облегчённое стихотворение. Не будь концовки, оно бы вообще было ничтожным.

Но это беда их, потому что нельзя на равных петь чужой мир. На равных с русскими поэтами. Это не получится. Даже у Пастернака – он честно старается, но – не получается!

В рассказе и то должна быть сквозная логика – как свет. Солнышко взойдет, и оно всю квартиру пронзит – хоть как ты её занавешивай. Везде логика! А уж в стихах логика должна быть абсолютной!

КУДА УШЛА НАША СИЛА?

– Валентин Васильевич, вы говорите, что «народ наш настолько околпачен, что похож на человека, который ест несолёное, и не знает, что это несолёное». Почему же люди с абсолютным поэтическим слухом стали рождаться всё реже?

– Никто же на эту тему не говорит, что произошло с нашим народом. Его уничтожали в войнах, спаивали, стреляли, потом стали возвращаться домой инвалиды. Бабы здоровые от них рожали. И на какой-то грани народ наш стал физически ниже. Сколько молодежи у нас сейчас щуплой, хилой, из ста одного парня здорового, красивого найдешь! Качественно мы стали мельчать и это сильно сейчас заметно. Посмотрите, насколько чечены физически крепче нас! Это просто в глаза бросается. А искусство, особенно поэзия... Больной поэт ничего не создаст. Поэт здоровым должен быть, физически крепким, потому что должна быть гармония в поэте – он соединяет в себе силу, тревожность, пронзительность. Посмотрите, Есенин, Блок... Ахматова писала: «Разбойный посвист молодого Блока!..» Есенин – его трактором не задавишь!.. Дерзость, воля, разум и красота.

Я сегодня ехал в электричке, зашли в вагон чечены. Крепкие, с русскими бабами. Цинично смотрят на них. А бабы всё равно с ними – мужиков русских нет... И запомните, чем ни сильнее, ни гуще поколение, тем больше оно дает учёных. Вот поколение перед революцией и после неё сразу дали мощных поэтов, потому что народ наш еще не успел угробиться. Ещё были года... Ответьте мне на вопрос: почему не родили нивхи, ненцы, уйгуры, нанайцы Пушкина?

– Их мало...

– Вот вы и всё сказали. А в Китае великих – целые армии.

– Понятно. Допустим, что родился поэт с абсолютным поэтическим слухом. Что-то его в жизни может сбить с толку?..

– Нет, ничего его не собьет. Только пуля. И я вам должен сказать, что КГБ это хорошо учитывало. Там не церемонились...

Купола Кремля золотоголавы,
Голубой, весенний ветровей,
Никогда не посрамлю я славы
Родины восторженной моей!

Уверенность какая! Я ведь очень молодой был, когда писал эти строки – тридцати мне не было. А стихи – гранит! Даже пусть с похвальбою.

Дух её, в святых победных драках
До горячей вражеской земли,
На подковах, на мечах, на траках,
Русские гвардейцы пронесли.

Это стихотворение когда вышло, так «Литгазета» обрушились на меня: «Шовинист! Как начинает, захлёбывается!» Ну, сила какая, это же не надо даже понимать – школьнику, например, звук р-р-р будит всё – чувства, историческую память, силу. Нет, поэзию также легко отличить, как воробья от орла. Я сразу это вижу. Мы, поэты, начинаем между собой говорить, и Юрий Кузнецов, например, он никогда со мной не спорит, берется за голову и всё.

– Тогда я вам прочитаю строфу из поэмы Юрия Кузнецова «Путь Христа».

– Давайте!

– Отговорила моя золотая поэма.
Всё остальное – и слепо, и глухо, и немо.
Боже! Я плачу и смерть отгоняю рукой.
Дай мне великую старость и мудрый покой!

– «Отговорила роща золотая», – не надо бы так Есенина перепевать. Как бы на поминках... Ну, ладно, пусть. Но «я плачу и смерть отгоняю рукой» – пожалуйста, если можешь, отгоняй ногой.

– А чем же её можно отгонять?

– Да смешно это! Потом, «и слепо, и глухо, и немо» – нельзя собирать на себя самого такие определения... Допустим, мне нужно сказать плохие слова о Гитлере, или о соседе своём, которого я ненавижу. Я могу три, четыре, двадцать эпитетов в три строчки

вколотить и так их расставить, что читатель будет идти по ним, как по мраморным ступеням и звенеть каблуками. А если я хочу сказать о себе положительно, а собираю самые оплеушные и мокрые лягушьи слова и хочу, чтобы они у меня имели положительный смысл – это не получится! «И слепо, и глухо, и немо» – уже плохо. А вот если бы он так сказал: «Золотая моя поэма! Ты искришься, ты вся горишь светом купольным, а я – ослеп!», – тогда трагедия какая-то была бы.

– А вот я вам прочитаю стихи одной, рано ушедшей из жизни, сибирской поэтессы, Лиры Абдуллиной.

...Мне неможется, мне неможется.
Что с тобою? – друзья тревожатся.
Головами качают вслед.
Что со мною? Со мною – снег.
Десять месяцев до весны.
Десять месяцев белые сны.
Десять месяцев невпопад
Всё мерещится листопад.
И подушка моя горяча,
И не надобно мне врача...
Есть лекарственные слова:
Что растёт на земле трава,
Что на свете есть тёплый дождь,
Что на свете есть листьев дрожь.
Вы простите мне эту малость,
Эту малость – мою усталость:
Десять месяцев невпопад
Всё мерещится листопад.

– Очень искренне, очень чувственно сделано, никакой лжи нет, но надо было середину выкинуть. Слово «лекарство» сюда не надо тащить. Потом «дрожь – дождь»... Всё это болезнь периферии – они не умеют себя редактировать. Читайте сначала.

– Пожалуйста.

...Мне неможется, мне неможется.
Что с тобою? – друзья тревожатся.

– Пусть бы она сказала не два раза «неможется», а то смешно получается, а как-то разбавила строку, другим словом. Ладно, оставляем так. Дальше.

– Что с тобою? – друзья тревожатся.
Головами качают вслед.
Что со мною? Со мною – снег.

– «Со мною – снег» – плохо. Если бы она сказала, допустим, «снится снег», и то было бы лучше. Потом, на концовке рифма завершает смысл полной строфы. Рифма должна быть очень точная. «Вслед» и «снег» – неточно. Если бы «снег» стоял в середине, на месте «вслед», а «л» звук сильный, он пожирает даже звук «р», то рифма как бы припечатала строку. А здесь такая расслабленность психологическая получилась – вы бежали, допустим, поцеловать своего Ромео, раз, и не добежали... Воля её покинула. А так нормально всё. Давайте дальше.

– Десять месяцев до весны.
Десять месяцев белые сны.
Десять месяцев невпазд
Всё мерещится листопад.

– Великолепно! Просто великолепно! Представьте себе, если бы здесь стихотворение закончилось, и хромающей рифмы со снегом не было бы. Это было бы не стихотворение, а перстень золотой! Или зелёный лист на ладони. Читайте.

– И подушка моя горяча,
И не надобно мне врача...

– Всё, испортила стихотворение. Ну, не надо врача – вызови скорую помощь, в конце концов. Врач будет долго идти, а тут бригада приедет, сделает укол... К чему это?!

– Есть лекарственные слова:
Что растет на земле трава...

– Ну зачем всё это надо было городить?! Сама с собой не справилась! Представьте: бежит волк на охотника. Огромный, лохматый, злой волк. Охотник стреляет. Убил, а этот волк месяцев пять не ел. Тощий, и шкура вся испорчена. Так и поэтесса – сама себя перехитрила. Сейчас мы это стихотворение отредактируем, чтобы вы поняли. Читайте сначала.

– ...Мне неможется, мне неможется.
Что с тобою? – друзья тревожатся.
Головами качают вслед.
Что со мною? Со мною – снег.
Десять месяцев до весны.
Десять месяцев белые сны.
Десять месяцев невпопад
Всё мерещится листопад.

– Изумительно! Дальше.

– И подушка моя горяча,
И не надобно мне врача...

– Выбрасываем строку про врача. «И подушка моя права, – грубо я говорю, – Что растет на земле трава». Это не лишне будет, а там мы выбросили.

– Что растет на земле трава,
Что на свете есть тёплый дождь,
Что на свете есть листьев дрожь.
Вы простите мне эту малость,
Эту малость – мою усталость:
Десять месяцев невпопад
Всё мерещится листопад.

– Прекрасные стихи! И как на месте будет «дрожь» – никто и не заметит, что это банально.

Очень важно, чтобы по теме вашего произведения рождался словарь. Вы, допустим, нарисовали березу, у вас есть световое решение, и всё вроде бы на месте. А вот есть такие слова, которые художнику ни в коем случае произносить нельзя. Особенно из области медицины, техники, железной дороги. Слово «родиться» – изумительно, слово «рожать» – уже другое, оно должно быть грубо вколочено куда-то. Допустим, «Не мешайте русским думать и рожать!», – что-то такое. Поэтесса говорит: «Есть лекарственные слова», – а ведь могла бы сказать, что есть молнии, гроза, жизнь большая – могла бы усилить стихотворение!

– А Маяковский в стихи нес новые слова и не стеснялся.

– И вот видите, он много зеленых и красных фонарей сбил, и теперь никому не нужен. Нет, он будет в литературе, его всё время будут волочить, как комбайн на ремонт через все хутора. Но я люблю его. Знаете, что погубило его? Грузия. Он рос на этой взвинченности грузинской, на этой зелени пьяной, на восклицаниях их громких, он это с детства впитал – среда же влияет. А язык у него русский, энергия постижения русская, а окружение, природа – нерусская, другая. Это же какое противоречие для него, представляете?! Поэтому стал весь выворачиваться, сразу прямиком к этим футуристам побежал, потому что в родной, казачьей стихии он не жил. А вот представляете, Маяковский родился и жил бы в Рязани, какой поэт он был бы огромный! Мамонт кричащий. Я люблю Маяковского.

Он ведь сразу заявил себя как трагический поэт, живущий на разломе двух времен, а не получилось, вышел обычный нервный ор. Потом все эти его агитки... Ну, он зарабатывал много, Брики и их окружение его просто уничтожили. Ему-то ничего этого не нужно было.

– «И кроме свежевывмытой сорочки, скажу по совести, мне ничего не надо...»

– Вот Россия! Или «Вот и жизнь пройдет, как прошли Азорские острова». В нем много есть силы... Да, я стихи сразу чувствую.

Василий Федоров на одном из совещаний молодых писателей говорит собравшимся: «Пусть Валентин ведет занятие! Он лучше меня это сделает».

– А у Федорова был абсолютный слух?

– Нет. Но слух у него был хороший, он музыкальный поэт. У Федорова знаете, что отсутствовало? Но это ему не мешало, он очень крупный поэт. У него не было насмешливости – не в произведениях, а в душе. Он был верен Ильичу.

– То есть Ильич был вне критики?

– Я с ним сижу, говорю, а он мне: партия – ум, честь и совесть эпохи. А я ему: вы что, боитесь что нас КГБ подслушивает? Или у вас мания, что вас записывают?

– Ну, наверное, у Твардовского-то точно был абсолютный поэтический слух?

– Не скажите. Федоров нежней его поэт. Но у Твардовского другая нежность есть – у него много от матери, много от рассказа женщины, крестьянки пережившей. «Мать родная, столица! Москва, Москва!» Это же бабий крик! «Земля крошится, как пирог, хоть подбирай да ешь», – мать же говорит!..

ЧУВСТВО ЛЮБВИ, КАК ВКУС ХЛЕБА – ОДИНАКОВО У ВСЕХ

– ...Вы спрашиваете меня о силе, о том, как поэты приходят. Вот 1909-1914 годы, посмотрите, кто родился: Павел Васильев, Дмитрий Кедрин, Алексей Недогонов, Павел Шубин, Борис Ручьев – представляете, какая плеяда! Все перед революцией. Борис Корнилов еще. Ну, это же гениальная группа! Разве она уступит пушкинскому «набору»?! Лермонтовскому? Поэты рождаются букетом, как снопы ромашек! Окружение Пушкина выжило, а этих почти всех уничтожили.

– То есть критик Владимир Бондаренко прав, когда рассуждает о детях 37-го года?

– Нет, он не прав, потому что ему опять надо привести

огромного Синайского верблюда и сказать: я привел, смотрите! А дети 37-го года... Мы все, вся страна – дети 37-го года, ни у одной семьи не найдешь островка, если жизнь назовем мы речкой, то не найдешь островка, на берегу которого не расстреливали бы, такой семьи нету. И говорить о том, мы – дети 37-го, дети 41-го года... Да русская нация до сих пор из окопов еще не вышла.

И посмотрите: где Павел Шубин? Погиб. Где Кедрин? Погиб. Где Недогонов? Погиб. Где Павел Васильев? Расстрелян. Где Корнилов? Расстрелян. Где Ручьев? Двадцать лет – каторга. Представьте, я вам говорю: идемте, покажу вам город. Небольшой, мы его в течение часа пройдем. И я вам показываю великолепный дворец, а дальше – разрушенный дом. Бомба упала, кругом развалины. Дальше идем – красивое здание, газон, а рядом – опять руины. Какое у вас будет впечатление от города? Или: я вам говорю – мы пойдем в бор, в кедровый бор, вы увидите красивые деревья, вечные, бессмертные. Приходим. И вы видите – каждое второе дерево спилено, завалено хвоей, ветками, топоры лежат. Как вы себя почувствуете?!

Наше поколение поднималось, мы не знали их стихов, но мы знали – Павел Васильев – расстрелян, Корнилов – расстрелян, Кедрин – убит, Шубин – из окна выбросился. Какое у нас было впечатление?! А если бы нам их стихи последовательно, красиво преподавались?! Мы же тоже травмированы их судьбами, понимаете?

Это вот всё равно, что в семье растёт один ребенок. Девочка, допустим. Она живет, у нее есть подруга, друг, вырастет, будет муж, свекровь, свёкор. Но она никогда не узнает, что такое чувство сестренки! Что такое быть старшей сестрой, младшей, что такое брат, что такое жена брата, его дети. Есть мир – вокруг дерева всегда бывает в пустыне песок, внизу бывают родники, которые питают это дерево, над ним облака идут, ливни ходят, в России вокруг дерева бывает трава, кусты, можжевельник, ромашка возле дерева стоит у корней... Но разве человек глупее и бессмысленней создан природой? Разве он одиночей дерева? Нет, он кустистой дерева. А это всё искусство. И это всё жизнь. И когда мы прерваны, мы через поколение все равно начинаем соединяться. Но вокруг нас выпала огромная страна поэтическая, потому что творения

наших мастеров были разрушены. А вместо их кого нам давали? Безыменных? Межировых?

И в конце концов всё это сказалось на вашем литературном поколении и на вашем творчестве. Сказалась вот эта подспудная опустошенность. С одной стороны трагическая – колымская опустошенность, с другой стороны – безверье, и с третьей стороны опустошенность евтушенок и рождественских. Пустые, глупые – это ведь тоже имитация чувства и имитация лица поэта, которого нет. Вот ваш хлеб...

Мне до тебя никак не дотянуться,
Весёлая, ты канула вдали,
А ветер свищет, и деревья гнутся,
И ветками касаются земли...

Красиво же сказано?

– Да, очень...

– При Советской власти я мог бы с моей энергией быть самым богатым, самым большим депутатом. А я с ними воевал... Или стихи о любви: «Это платье твое летит, красным облаком надо мною!...» Сила какая, удаль! А это всё... «Зыбко», «мучительно-зыбко», «образ твой»...

– Может быть, вам такое чувство любви незнакомо, когда всё «мучительно-зыбко»...

– А это не чувство любви. Чувство любви – как вкус хлеба, одинаково у всех. Вот кто его как мычит и выражает, это дело другое. Или буханка тебе досталась или крошка... Почти Островский: «Мучительно больно за бесцельно прожитые годы...»

В молодости я много и горячо выступал, и на меня не обижались за мою резкость. Потом шли все пить и обнимали меня. Но ведь я сразу мог и плакать над стихами, не только смеяться! Например, папа мой пел, голос у него – изумительный, лучше чем у Лемешева голос, лицо такое горькое, гармошка, и как он запоет... А мама сидит, восемь ребятишек родила ему, подпевает. Он поет, а я – плачу...

Давайте я свои стихи прочитаю. Ничего здесь, никакого хвастовства нет. Лучше меня многие пишут, не в этом дело. Вот, допустим мы говорим о любви к родине, о трагедии пережитой. И я начинаю:

Иноземцу меня не осилить,
И уже невозможно пресечь,

О каком времени я говорю и почему – всё ясно, недомолвок нет.

Я недаром родился в России,
И пою её горе и меч.

Пою! Плакать же охота, правда?

Вырастал я за сына и брата
Из тяжелой и злой маеты,
Вам, которые ложью распяты,
Вам, которые пулей взяты.

Смолкни ветер над миром разбоя,
Эхо смерти не шастай в лесу,
Я боюсь, что однажды с собою
Тайну века во тьму унесу.

Будет каждая крыша согрета,
Вспыхнет праведный свет навсегда,
Если в грозную память поэта
Залетает вселенной звезда.

Если выстояв, выдюжив, визнав
Я поднялся – и солнце в груди,
Если вещая мать-Отчизна
День и ночь у меня впереди!

Одно из самых любимых моих стихотворений. Только читать тяжело мне его на сцене!

Струны совести, памяти стрелы
Красной масти на поле цветы,
Это чувства и слова пределы,
Это ты моя родина, ты!

Это стихотворение невозможно победить, правда? Невозможно!

– Да, у него есть боль и стихия, похожая на вас.

– А еще здесь такая беззащитность: «Вырастал я за сына и брата, Из тяжелой и злой маеты, Вам, которые ложью распяты, Вам, которые пулей взяты». Я многие стихи писал, плача, многие. А потом я думаю: «Дурак я, дурак, что ж я такой слабовольный!» И вспомню: «Над вымыслом слезами обольюсь...»

ПОД ЛАДОНЯМИ КРАСОТЫ

– Валентин Васильевич, вы много своих работ – очерков, статей, цикл поэтический «Ока моя лебязья» посвятили Есенину...

– Понимаете, что есть Есенин для русских... Мне сложно это даже выразить. Вот я в поле выбегаю – я, ребенок, и я впервые увидел солнце на этом поле, траву зеленую, цветы яркие, а там, вдали, может быть, ива наклонилась и плачет. Цветы радуются, ива плачет, солнце смеется, а я ребенок, да? А вот бывает так, что я седой, но выбегаю на поэтическое поле как ребенок, я, проживший много, переживший много трагедий, совершивший много хорошего и, наверное, есть у меня и какие-то поступки которые нельзя назвать хорошими, которые могут мешать моей радости, я – человек... И вдруг я вижу, что Есенин меня возвращает к этому состоянию, мудрого, седого, как будто бы я выбежал один на это поле и впервые увидел мир этот и увидел, что я из этого мира сам вырос, вместе с ивой плачущей, вместе с улыбающимися солнышками, вместе с радостными цветами, пестрыми. Есенин говорит – а критика наша никогда это не увидит, критика только ест, и когда ей вкусно на языке, она понимает – вкусно, и опять ест, ест, ест... А её спроси: что ты ешь? Она и ответит: поэта ем, поэта, вот уже пятый или десятый год ем, поэта, буду есть его, ем и никому не

уступлю... Вот это критика. А посмотрите: «Не бродить, не мять в кустах багряных Лебеды и не искать следа. Со снопом волос твоих овсяных Отоснилась ты мне навсегда». Не только эта картина, а вся философия крестьянского уклада, русской жизни тяжелой, с борьбой вековой, с похоронами бесконечными, трагедиями памяти её, ведь лебеда в народе зовется забвень-лебеда, в пословицах говорят: былъем да лебедой поросло, бедой-лебедой поросло; в былинах и поэмах лебеда и беда рифмуются бесконечно.

И вот Есенин: «Не бродить, не мять в кустах багряных Лебеды и не искать следа», – всё, что мать ему рассказывала, может быть, о молодости своей, всё, что сам пережил – входит сюда. Ушла любовь его, любимая, радость его, и былъем поросла тропина, по которой они ходили в родном своем Константинове, на холме бывали, у речки, у Оки – всё лебедой поросло. Значит, навсегда он простился с первой любовью, с радостью, с красотой. И всё это вот на таком былинном, на таком калитковом даже, на таком скамеечном – возле окошка – мире и языке чувствует он.

А дальше говорит: «Со снопом волос твоих овсяных Отоснилась ты мне навсегда». Да был бы я идиотом, или был бы я, минимум, после ВПШ – Высшей партийной школы кандидатом наук, если я бы не увидел, что Есенин эту любовь свою, девчонку, или девушку, или невесту, или, может быть даже молодую жену чью-то, он её видел такую овсяную, с золотистыми косами, среди ометов, на поле, на полосе – рожь ли там сверкала, золотилась, пшеница ли, овес ли, но она же из этого мира выросла! И опять быт какой, история какая, и село – привязанность его какая! Он ребенок, взрослый, 15-ти или 30-летний ребенок удивился, что всё у него отобрано временем, неумехами или же ими самими. Он сказал, но он еще не успокоился. Посмотрите, картина продолжается дальше: «Отоснилась ты мне навсегда». То есть красоту, молодость, любовь, теперь даже и во сне уже вот эта грядда-лебеда отодвинула, она уже и во сне ему мешает. Ведь реветь же охота, понимаете?

Дальше он говорит: «С алым соком ягоды на коже, Нежная, красивая была!» Для кого не знаю как, а для меня я знаю: вот и сад зашумел, сад этой деревни, судьбы его – сад, ведь надо так сказать:

«С алым соком ягоды на коже!» Ведь почти «физиология», но красота перед тем такая, овсянно-золотая, солнечная, такая поляновая, что мы даже эту физиологию воспринимаем как продолжение той красоты.

И опять он не успокоился и ещё трагичней говорит, еще картинней и художественней, беспощадней в красоте своей и страстях! Посмотрите: «Зерна глаз твоих осыпались, завяли, Имя тонкое растаяло, как звук». Ну надо быть полнейшим идиотом, глухонемым, жестоким, злым человеком, чтобы не ощущать в этих словах звон поля, звон ливня, тоску закатную, вечернюю, одиночество плёса этого, ну как это не ощутить! «Зерна глаз твоих», – опять же идет вот от этих хлебных полей, от этого солнечного крика, изумления природой, идет. Картина настолько живая – как крик человека, он вырастает из этой земли и его ничем не сломишь, не победишь! «Зерна глаз твоих», – ну ведь даже крестьянин, даже мать, морщины проступают здесь, а это поэт говорит, сильный, мощный, глазастый. Мудрость какая! «Имя тонкое растаяло, как звук», – успокойся, правда? Но русский человек не успокоится, пока не нарвется на пулю или сам не умрет. Вот такие мы! Так вот мы под ладонями красоты и погибнем, если мы не отрезвеем и не ожесточимся.

«Но остался в складках смятой шали Запах меда от невинных рук». Боже мой! Боже мой... В Библии – Бог меня простит – я не найду такой красоты. Я найду, может быть, более мудрые, более страстные слова – Библия очень страстный учебник жизни, но такой красоты и такого покаяния нет – «Но остался в складках смятой шали Запах меда от невинных рук». Каким же надо быть слепым, чтоб не видеть омет золотистый, звенящую рожь, овес, бегущий под ветром, серебристый, лицо этой красавицы, девушки, невесты, взошедшей из всего этого – солнечного, светоносного! И предметность опять какая – шаль! И вот я думаю: ну, мало судьбы, что она ушла, красота, судьба трагическая – шаль, это значит, печаль вот эта, возрастная, может мать появиться, может с огромными кричащими глазами бабушка русская встать на дороге – не объедешь и не обойдешь. И всё вот в этом, всё в красоте,

в трагичности, верности и неодолимом бессмертии. Вот как я понимаю язык свой, слово своё, и систему русского образа, художественного, в слове русском.

– Но что же есть тогда поэзия? Трагическая дорога, судьба?

– Поэзия не может быть профессией, это трагическое самощущение и встреча с жизнью, так бы я назвал судьбу и действия, жизнь поэта. То, что сказал Есенин, может сказать любой поэт, но как скажет? Допустим, разжигает человек костер. Ага, пошарил в кармане, спички у него есть. Теперь он дров наломал, есть. Бересты пошел надрал. Зажег – костер, горит красиво. Он из деталей собрал, понимаете? А Есенин, он ведь не знал, что он это делает – что лепит образ, что «костер» собирает... В этот миг он не знал, он просто шел и... Вот, допустим, когда Христос шел по Иорданским холмам, он же не думал, что он ступает на эти холмы! Перед ним даль такая, пустыня, и он идет. Так и Есенин.

Даже очень талантливому поэту, ему надо собирать образ, как бы конструировать его, ковать цепь – пусть даже она золотая. А Есенину ничего не нужно, он словно кулик – плакал, плакал, вышел из волны той, из плеса, отряхнул крылья и улетел. Или лебедь плывет, шея такая длинная, голова красивая, мы наблюдаем – плывет, как будто бы это белая молния успокоилась и идет по плесу, правда? А лебедь же об этом не знает! Он вышел на зеленый-зеленый луг, красивый, отряхнулся, все брызги серебристые, еще сверкучей дождя летят от него в четыре стороны, а он не знает... Вот настоящий-то Есенин – это белый лебедь. Если к нам, к русским поэтам в какой-то миг приходит это самовыражение в слове, Боже мой! Значит, нами руководит Христос, идущий через рыжий песок, через тяжелые дюны, через великий огненный ветер пустыни. Вот так и надо идти к русскому народу!

2002

Украденное богатство

О ГЛУБИНЕ И ТРАГЕДИЙНОСТИ

– Валентин Васильевич, прошлый разговор мы начали с поэзии Осипа Мандельштама. Думаю, будет правильно, если в наших беседах мы будем касаться и творчества ныне действующих литераторов. Хочу вам прочесть несколько стихотворений из недавно вышедшей в Москве книги «Засекреченный рай». Её автор, поэт Игорь Тюленев, лауреат многих литературных премий. Юрий Кузнецов так охарактеризовал его творчество: «В стихах Игоря Тюленева ветвится ствол характера и судьбы. Если его характер принадлежит ему, то его судьба неотделима от судьбы Родины...».

– Я хорошо знаю Игоря Тюленева. Пожалуйста, читайте.

– Открываю сборник наугад... Стихотворение «Школьный музей».

На родине моей в девятой школе,
Отдали под музей начальный класс.
И закупили тюлевые шторы,
Развесили нас в профиль и в анфас.

– Это не стихи и даже не басня. Это – поспешность, публицистика. Конечно, она вполне допустима в поэзии, но публицистика Пушкинская, Лермонтовская совсем иная:

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.

Горе какое, камень какой святой – в груди или на плечах; какой груз, Богом положенный, нареченный Богом нести! А Игорь Тюленев все говорит правильно, гладко: «И закупили тюлевые шторы». Но звучит это мелкотравчато... Профиль, анфас... Карикатурно.

– Продолжаю:

Поэт, биатлонист олимпиады
И средний чин из президентских сфер
Мы трое проучились здесь когда-то,
Тот октябренок, этот пионер.

– Ничего. Но сделано холодно. Читатель это чувствует, а значит, когда поэт писал, он был бесстрастным! И так ли важна сия информация?

– Лишь я один – ни сено, ни солома,
И видит Бог, нигде не состоял.
Но вырван был поэзией из дома
И вот... музейным экспонатом стал.

– Плохо это! Игорь Тюленев – человек честный, умный, он учился у нас на Высших Литературных курсах, занимался в семинаре Юрия Кузнецова. Но понимаете, в чем дело: у одного душа кричит, прекрасный язык, голос прекрасный, а совершенство техническое, как говорится, техника стиха, ему не дается. Слово его хромает, ритм хромает. Так вот, лучше его читать! Знаете, лучше смотреть на усталого скакуна, усталого коня с печальными глазами, чем на огромного, дурного бугая.

Игорю захотелось сказать, что он поэт, что он отличен от других выпускников, хоть и попал в школьный музей. Стихотворение сделано технически громоздко – будто это телега, свободно пущенная с горы. И вот она тарыхтит вниз – без хозяина и без коня. Ну что же, такие стихи имеют право на существование. Особенно много их было в эпоху индустриализации и военной поры.

– Прочитаю еще одно короткое стихотворение:

Лишь эту землю
Признаю одну
Не только потому,
Что здесь родился,
Я с ней своей кровью
Поделился
Когда в ней хоронил
Свою родню.

– Хорошо. Крепкие стихи, только не надо было рифму терять. «Одну» и «родню», это все-таки рифма, как бы вам сказать... Придавленная полутрезвым сапогом. Фрукт лежит на асфальте, человек наступил, и яблоко лопнуло. А не надо этого делать! Поэт должен быть красивым и в действии, и во фразе.

– Еще одно стихотворение на эту же тему. Эпиграф: «46 Тюленевых из нашей округи героически пали на фронтах Отечественной, в том числе и мой родной дядя Федор Иванович».

46 Тюленевых в округе
Защищают Родину мою.
46 царя-грузина слуги,
Я их всех по ликам узнаю.

– Молодец! Посмотрите, когда душа искренна, она независима от равнодушия. Мало ли чего я хочу сказать, но если душа моя равнодушна, если она меня не окликнет, я и скажу бесстрастно. Люди прочтут стихотворение и подумают: «А зачем он это написал?» Посмотрите, от одного эпиграфа плакать охота!.. Это строфа изумительная!

– Дальше:

Вот иду согбенный по погосту,
Тот и этот – вся моя родня.
Защищать Отечество не просто
С той поры до нынешнего дня.

– Хорошо! Он говорит, и куда денешься от его горя, от его признания, от доверчивости его! Он нас не знает, мы ему чужие;

допустим, он в поезде едет, или по тропе шел, мы встретились, закурили, или за чаркой с ним сели, и вот он говорит о своем чувстве, о своем горе... А после ты подумаешь: какой умный мне человек повстречался! Молодец. Но пусть уберёт «попо» в первой строчке...

– Продолжу:

Я один фамилию размножил,
Вешками расставил по стране.
С вами 46 я жизнью прожил,
Ваша слава остается мне!

– «Размножил»... Это же не ксерокс, не надо было ему так говорить! Но все равно молодец. Я, конечно, очень суровый человек, и молодой поэт может осерчать: «Да пошел он подальше, подумаешь, учит!» Но когда он будет такой же опытный, как я, он скажет: «А Василич-то был прав!..»

– С криками: – За Родину! За Сталина!
Падала убитая родня.
Нынешними всё на горца свалено
Значит и на вас, и на меня.

– Я, конечно, далек от того, чтобы обожать Ленина или Сталина. И не все их имена выкрикивали. Нужно поэту иметь расстояние между собой и ними. И помнить, что на этом расстоянии стоит мать, а за нею Мать-Богородица, а за ней Иисус Христос, а там отец твой, брат твой, а там – могилы родные. Если человек этого не помнит, он или балда, или слепец. А Игорь Тюленев это понимает, молодец, если глубже поймет.

– И заключительная строфа:

Но идет народная стихия,
Словно искра Божьего огня!
46 Тюленевых в России,
46 Тюленевых и я!

– Молодец Игорь, молодец! Сегодня я рано проснулся и думал об Александре Блоке. У него очень много стихов, которые летят, как веселые листья. Вроде бы пролетели, и всё, осени ещё нет, лето ещё не созрело, а они откуда-то взялись, сорвались на ветру и летят... Человек посмотрел на них и забыл. Потому что впереди ещё все будет золотое перед тобой: трава будет на цыпочки подниматься, птицы будут плакать от радости осени, где золотая заря всплывет над нами, и над очами нашими, и над крестами нашими... А листья – улетели.

Такими у Блока были юношеские стихи. И подобные стихи можно найти у каждого поэта, даже у Пушкина – некоторые его ранние произведения были очень наивны. Я говорю это к тому, что поэт и не обязан каждое стихотворение выдавать сильным. Это и не получится. Но стихотворение технически должно быть опрятно. А страсть, глубина, трагичность, звездное ощущение радости – всё это иногда даже и от поэта не зависит. Но один поэт напишет десять, а другой – пятьдесят звездных стихотворений. Значит, Христос больше его любит, чем других и присылает ему это состояние. И говорит: на тебе, Вася, на тебе, Саша, на тебе, господин Пушкин. Ну что же делать, Бог дарит!.. Потому мы прощаем Игорю Тюленеву первое слабое стихотворение, а за это, очень искреннее, благодарим... Хотя, всё равно, «размножил», ну что это такое?! Я вот сейчас сижу, на мне темный костюм. Вдруг посмотрел – на нем белая пуговица. Да ведь с ума можно сойти! Так и это.

– Прочту еще одно стихотворение из этой книги.

Ночное. Детский бег коня,
Луна, как лаз в Эдем.
Но там еще не ждут меня,
Туда приду я с чем?

– «Лаз» – плохо. Эдем – это же не сарай! Сегодня у нас есть такие, извините за выражение, ночные кабаре, с условным девизом: «Не желаете ли отдохнуть в сумерках?» Туда может быть лаз, допустим, через второй этаж, если есть милиционер знакомый или

Лужков подъезд не отремонтировал. А Эдем это Эдем, и там все было сделано по тем временам прочно. И даже после наших несогласий с Богом, порчи и прочего всё осталось в камне и в ажуре. Лаза там не было, в этом он может не сомневаться.

– Строгий вы человек... Продолжаю.

С губной помадой на щеке,
С бутылкою в одной руке
И со стилем в другой,
Сказав Петру: «Я – свой!»

– Пока не свой, – промолвит Петр,
И я скажу в ответ:
– Да, я с тобой согласен, Петр.
Мне дорог этот свет!

– По логике и по совести, так мы скажем, это ведь очень правильное стихотворение. Оно – протест против эдемной «перестройки» и против «телохранителей» этого здания, начиная с президентов, с премьеров, ну и кончая чеченами, боевиками. Честное стихотворение. Но оно не имеет того крика, вздоха того, какой должен быть, и который стихотворение сделал бы глубже. Я заметил такую вещь: всё, что глубоко, всё трагично. Бывает человек смолоду очень легковесный – всё хохочет. А бывает, что человек смеётся с такой грустью, что ты, беседуя с ним, умнеешь. То есть все эти неисчислимы цвета наших чувств, расчувств, подчувств, надчувств, они – безбрежны, почти неуловимы. А в русском народе еще говорят: смех сквозь слезы. Это же не зря сказано!

Игорь взял очень трагические темы. Он переживает за наш житейский бардак, когда унижена женщина, унижена любовь, красота унижена. Ну что ж, по Сеньке и шапка, будь здоров, будь на уровне этой трагедии! Но я возвращаюсь снова к принципу возникновения темы, образа и к возможности красиво, вдохновенно сказать об этом, или о спокойствии, которое помешает это сделать. Желание и тема, посетившая тебя, и даже нарисованный образ этой

темы – далеко еще не воплощение твоих чаяний. И здесь самообман – частый гость: как бы обязанный всеми посетившими тебя возможностями, ты забываешь о главном – о неизбежной стихии, о безбрежном чувстве. Бывает такое состояние, что говоришь не ты, не ты, а кто-то другой – очень умный, страдающий и сильный. Вот какой-то заревой ком подступил к твоему сердцу и выразил тебя! Игорю Тюленеву надо очень следить за появлением под его сердцем желанием сказать и за тем, чтобы это желание было объято огнем вдохновения, которое бы выразило самого поэта.

Игорь Тюленев человек хороший, поворотливый, с умной тревогой в глазах. Вот так вот я о нем думаю...

О РАЗДУМЬЯХ ПОЭТОВ

– В прошлой нашей беседе мы говорили о том, *что* значит Есенин для русских. Но мне кажется, что ваша поэзия ближе к блоковской традиции...

– Я очень люблю Александра Блока. Я люблю глаза его, лицо его люблю. Возьмите современных наших поэтов, особенно тех, которых сегодня можно увидеть на телеэкране: они там хихикают, или кулаками стучат, или кого-то обличают. Так вот, если бы вдруг поместили на экран лицо Блока, а потом зритель перевел свой взгляд на физиономии этих поэтов, то он бы невольно вздохнул. Даже если бы диктор и не сказал: «Вот были они, а это был Александр Блок». Здесь ведь и говорить много не надо, люди и так видят, кто есть кто... Раздумья поэта соответствуют не только его ощущениям, пониманиям, но и его внешнему образу и даже тому, как он относится к холму, к другу, к любимой и т. д.

У Александра Блока есть такие стихи, что кажется, будто он опускался на самое дно нищеты. Нищеты незлобивой, нищеты, не мечтающей о богатстве, нищеты не продажной, а нищеты, таящей в себе огромный огонь, огромный запас благородства. У Александра Блока можно найти стихи о крестьянине, о борозде, о избе, о рядовом воине. И это не перевоплощение: допустим, сегодня актер

играет Ивана Грозного, а завтра изображает повара и хорошо делает котлеты, даже чуть-чуть их недосаливая, чтобы был «эффект». Поэт – не артист. Блок – много раз как бы распятый человек...

– Наверное, это особенно видно в финале поэмы «Двенадцать»?

– Маяковский говорит: «Видел Блока у революционных костров в Петрограде». Блок ходил один, ночью. Представьте, какое же было непогодное окружение, атмосфера, в которой жил поэт, если он бродил в одиночестве среди этих костров! Он, видимо, хотел понять: ну как же мне быть?! Ведь он слышал эти клокочущие родники крови безвинной – война народа с народом, брата с братом, огорода с огородом, прицепа с прицепом, разве он не понимал это все?!

Поэма «Двенадцать». Вроде идут в ней частушки, революция, вроде бы победила правда, красное знамя победило, и вроде бы сам поэт это понимает. Но чем же он завершил поэму? «Впереди – Иисус Христос». Я даже мальчишкой думал об этом: почему Блок так написал? А сейчас мы на коленях кирпичи носим, чтобы храмы восстановить! Вот тебе и «Впереди Иисус Христос»! Как Блок и предвещал: «Вы-то накровавились, надрались, вы перестреляли друг друга, вы должны приползти к Богу, и пока он вас не простит, пока вы не начнете эту красоту возводить, чтобы над вами опять возник этот осиянный крест, ничего вы не сделаете!..»

– Я думаю: неужели настанет время, когда лицо Александра Блока, пророчески произнесшего «Впереди – Иисус Христос», можно будет хоть изредка увидеть на телеэкране...

– Маленькие народы так берегут своих поэтов! Мне, конечно, тяжело говорить – «маленькие народы». Потому что и мы становимся маленьким народом. Турция нас догоняет, Пакистан уже перегнал по населению, Япония ушла дальше нас. А мы когда-то хохотали над разницею численности наших народов – между Японией и нами. Сейчас, я думаю, немцев в ФРГ больше, чем русских в России. Мало того, что мы вымираем, нас еще и убивают – не менее ста тысяч в год. Убивают в основном молодых, активных. Предпринимателей, например. Некоторые говорят: ну, чего новых русских жалеть!.. Но, во-первых, и предприниматель может быть

честным человеком, а, во-вторых, и новый русский способен при-
никнуть душою к Отечеству. Сын у него вырастет, будет инжене-
ром, дочка вырастет, станет врачом... Так ведь тоже могло быть.

Дальше. Ежегодно около пятидесяти тысяч человек у нас про-
падают без вести. Их воруют, калечат, вывозят за границу. А ещё
ежегодно около 900 тысяч человек у нас вымирает. Поэтому я ду-
маю, что придет время, когда останется маленький русский на-
род, и он так будет беречь поэтов! И не потому, дескать, что они
лучшие. Для меня, конечно, поэты – лучшие. Как для старой во-
роны, у которой самая красивая птица – ворона, самая любимая
стая – вороны. Хотя себя я отношу к тем еще беркутам!.. Я чело-
век очень драчливый... Но народ будет беречь поэтов не потому,
что поэт лучше остальных людей, а потому, что увидит в нем свое
спасение.

Ведь настоящий поэт – это человек даже более глубокий,
чем проповедник. Мы не говорим о святых или о пророках,
хотя поэт часто провидит будущее, он сам – пророк. Но народ
увидит в поэте спасение языка своего, спасение песни, спасе-
ние нрава своего, спасение дома своего, потому что поэт несет
невыразимое тепло, в котором живет человек. Александр Блок
говорит:

Век девятнадцатый, железный,
Воистину жестокий век.
Тобою в мрак ночной беззвездный
Беспечный брошен человек.

Это же кошмар, как сказано! А стихотворение «Авиатор», пом-
ните? Когда летчик падает с высоты, и в «сплетеньи проволок ма-
шины Рука мертвее рычага»? А как всё начиналось?!

Но снова в золотом тумане
Как будто – неземной аккорд...
Он близок, миг рукоплесканий
И жалкий мировой рекорд!

Блок – это пророк, идущий в грядущее. Пророк, который нам говорит: здравствуйте, ну что? Как вы себя чувствуете? Всё, что мы натворили, грядущие поколения не смогут перейти, пока не излечат нанесенные нами раны. А ещё он нам говорит:

И неустанный рев машины
Кующий гибель день и ночь.

И вот к берегам Испании шел танкер «Престиж». Вёз 700 тысяч тонн нефти. Дешево, правда? Потому что один танкер, один капитан, у него один помощник, пять матросов и 700 тысяч тонн нефти. Кто-то стоял на берегу и гладил живот: мой танкер, моя нефть! Дешево привезут... А вот представьте, шел бы не один танкер, а 70, каждый по 10 тысяч тонн. И, допустим, произошла авария на борту, её сразу бы ликвидировали. Но для богача главное прибыль, им нужно с каждого литра нефти урвать выгоду. Ну, допустим, сидит обжора, и ему на сапог или на ботинок упала икринка. Он ее – раз, поднял и сожрал. Вот такой народ они, понимаете?

А когда Бог разломил танкер, ткнул носом в эту трагедию, то разве оправдывается эта «экономия» на перевозках?! Я смотрю, побережье черное, вода черная и чайка черная – плачет. На птиц, на животных еще тяжелее смотреть, когда они попадают в беду. Я – лесной человек, я вырос среди озер, рек, птиц, зверей, соловьев, лягушек! Среди уток – утка начинает крякать – заслушаешься! Мать и мать. Хозяйка. Она выходит на берег и бранит, как бы взбучку дает своим утятам.

Мечь природы – страшная мечь. И человек, болван, ничему не научился, ничему...

Или возьмем дневники Александра Блока. Отношение его к политике, к другим писателям. Блок любил Горького. Но когда тот ушел в политику, Блок пишет в дневниках: я все больше и больше начинаю отходить от Горького. Потом он резкие слова говорит, что я протестую, что я всё выскажу ему... Но не из-за себя же это делал Блок!

Он ведь голодной смертью умер, а мы лжем об этом до сих пор. В пайке ему отказали. Но не пойдет же Блок к Зиновьеву просить

себе хлеба! Где-то я читал, что Зиновьев после беседы с поэтом (какая-то у них встреча была, но не о пайке, конечно, шла речь) сказал: вы должны умереть, потому что вы – мастодонт, прошлое. Вынутая из корыта борода Яши Свердлова – грядущее, а глазастый как Христос Блок – прошлое. А видите, всё получилось так, как Бог задумал. Блок и есть будущее.

А в «пайке» ему отказали... Пошла водянка – она бывает от голодной жизни, и русские эмигранты в Финляндии, услышав, что Блок умирает, решили его забрать. Зиновьев отказал, дошло до Ленина. А я так думаю, что один Ленин не стоит одного Блока, и даже десять ленинов не стоят одного Александра Блока.

Многие политики, которые прежде 15-20 глав из Ленина наизусть знали (они работали в ЦК партии, в КГБ их было много), книги Ильича теперь выбрасывают. На помойки. Это ведь нехорошо? Это неуважительно. Но Блока никто не выбросит. Даже они. Потому что на молитву грешно наступать, даже палачи это не смеют делать. Вот что такое Блок...

«ТЕ, КТО ДОСТОЙНЕЙ, БОЖЕ, БОЖЕ...»

– Валентин Васильевич, почему же Александр Блок был таким красивым, таким одухотворенным поэтом?

– Поэзия его, она настолько народная!.. Я иногда думаю: почему же так? Почему же Пушкин стоял и записывал песни о Стеньке Разине? Почему Блок о своем Шахматове так красиво пишет? У него там озерко такое, у нас на Урале говорят: «озерце», болото и болото для меня. На Урале если озеро, так на полмира, если гора – так даже Китай с неё видно... А у Блока в дневниках мы найдем: в этом озерке нашем плавают разбитые бурей части кораблей, которые сюда из океанов подземными морями приплывают... Это же изумительно! Человек какой! Разве можно было его губить!

И вот отсюда у него стихи невероятной силы.

– Вы можете прочесть свои любимые?

– Да.

Черный ворон в сумраке снежном,
Черный бархат на смуглых плечах.
Томный голос пением нежным
Мне поет о южных ночах.

В легком сердце – страсть и беспечность,
Словно с моря мне подан знак,
Над бездонным провалом в вечность,
Задыхаясь, летит, рысак.

Снежный ветер, твое дыханье,
Опьяненные губы мои...
Валентина, звезда, мечтанье!
Как поют твои соловьи...

Страшен мир! Он для сердца тесен!
В нем – твоих поцелуев бред,
Томный морок цыганских песен,
Торопливый полет комет!

Боже мой, Боже мой, Боже! Христос мой великий, бессмертный! Зачем же он нам, дуракам, так сказал: «Торопливый полет комет...» Мы с вами – не слепые, мы с вами – не бескрылые, хоть раз, хоть миг в жизни, но всегда-всегда каждый из нас ощутит – мы-то и есть торопливые кометы! Как же нам не любить Александра Блока?! Да пропади они все пропадом, эти слепоглухонемые, начиная от Чубайса и кончая самым пьяным киллером за эти строчки!

Но Блок ведь и другой. Александр Блок – как древний камень, который в сказке. Направо пойдешь – коня потеряешь, налево пойдешь – жену потеряешь... А богатырь говорит: прямо я и пошел! А там – головы не сносить. Таков Блок. Он нам говорит в этой кровавой эпохе, когда один путь за истину, если ты с чем-то не согласен – под пласт земли. Когда какая-то шваль бородатая командует: становись к стенке! А кого ставят? Народ. Северный народ самой суровой страны, народ, который всю Европу и Азию вокруг

себя обхлопывал – не мешайте нам жить!.. И этот народ – становись к стенке?! Блок пишет:

Рожденные в года глухие,
Пути не помнят своего.
Мы – дети страшных лет России -
Забывать не в силах ничего.

Испепеляющие годы!
Безумья ли в вас, надежды ль весть?
От дней войны, от дней свободы -
Кровавый отсвет в лицах есть.

Есть немота – то гул набата
Заставил заградить уста.
В сердцах, восторженных когда-то,
Есть роковая пустота.

И пусть над нашим смертным ложем
Взовьется с криком воронье -
Те, кто достойней, Боже, Боже,
Да узрят царствие твоё!

А достойны – правнуки, праправнуки Блока, которые перекрестясь, крепкие, красивые, глазастые, как Христос, возносят кресты на купола православные, чтобы мы жили, рождались и помнили, что у нас был Блок. Блок был, а по нашей траве монгольская конница скакала и копытила. И кто только на нас не шел! До Волги доходили, дергающийся Гитлер миллионы уничтожил, а мы Блока теперь издаем, нам он милей даже Савика Шустера...

– Тяжело вы говорите...

– Александр Блок – земля русская. Она родила народ. Если бы не было Блока – не пришел бы великий Есенин. Мы бы не знали его. А через Есенина мы все стали Рязань знать, даже лучше, чем свой двор деревенский. А что есть Рязань? Рязань выходит из

тумана и говорит: посмотрите, какая я мудрая! Посмотрите, какая я настрадавшаяся! Посмотрите, какая седая я, я, мать ваша русская! Посмотрите, каких детей я несла у сердца, вырастила и отдала их вам. Александр Блок и Есенин – сыны мои. Не забывайте!..

О НИЩИХ ДУШОЙ

– Валентин Васильевич, ваша трактовка стихов и ваш взгляд на поэзию и жизнь очень отличны от воззрений господствующего ныне «общественного мнения». Почему?

– Понимаете, встретили вы человека. Он – хороший, в галстук, и живот у него есть, должность хорошая, и глупостей много в голове, и приятный он во всех отношениях. А ты, скажем, попал с ним в какую-то беду и ждал бы от него защиты и справедливости, но видишь, что это просто мешок с давно траченной мякиной, и толку от него не будет. Или перед тобой человек обаятельный, машет руками, радуется, а ты сел с ним за стол и понимаешь, что он – агрессивный мерзавец. А после думаешь: зачем я загубил с ним вечер?!

И эти вот люди, у которых давно душу съели насекомые, они-то, на нас глядя, и говорят: «Родинолюбы». Но какое они имели право так употреблять слово «Родина»? Так его коверкать и огрублять! А что такое Родина? Посмотрите, один корень – «род», «народ», это же все равно как «человек» – «чело» и «век». Ум твой, свет твой, глаза твои, а еще век тебе дан, чтобы соединить эти два понятия... «Род» и «народ», – разве это случайно, что они стоят, великаны, на золотом пьедестале, эти два понятия?

Для меня Родина – это тысячи-тысячи лет, откуда пришел, вырастая, голубоглазаясь, стройнея, добрея, мудрея, витязь мой – народ мой русский! Почему же я не могу радоваться тому, что есть у меня такой народ?! Если я вижу замечательного поэта из манси Андрея Тарханова, почему же я не должен ему радоваться?! Почему я должен думать о том, что куда я ни пойду, везде Голда Мейер и Илья Эренбург? Это же скучно, в конце концов! Или почему я

должен радоваться, если я в любой угол, в любую сторону пойду и везде – китайцы? Прекрасно, что есть палестинцы, что египтяне есть, англичане есть, даже хорошо, что Буш есть, черт с ним, в конце концов, ни в этом дело, и даже пусть его псевдоним Бен Ладен, только пусть он не кровавит и не калечит людей! А мы, значит, «родинолюбы»?.. А кого же мне еще любить? Я хочу, чтобы в моей душе, в моем сердце, в моем облике мама была, отец мой был. Я был маленький, очень на маму похожий, и мне говорили: «Вот – тетя Нюра!» Разве это плохо?!

А Есенин пишет:

Разбуди меня завтра рано,
О моя терпеливая мать!
Я пойду за дорожным курганом
Дорого гостя встречать.

Так почему же Есенин должен быть китайцем?! Я говорю это вам, вам, кто изобрел слово «Родинолюбы»! Вы – нищие душою, вы неинтересны памятью своей, у вас нет голоса, у вас нет речи, у вас нет стати, вы – просто пустой звон над всей территорией России. И вы – меня учите?! Но как я могу забыть маму, папу, забыть брата своего? У меня был брат – золотистоволосый, русский, играл на балалайке, на гармошке, танцевал прекрасно. И вдруг моего брата не стало, он погиб, и его нет. И что, я должен любить Шарона, а не своего русского брата?!

Пусть Шарон любит Шарона, маму свою любит, пусть на могилу Меер ездит, он мне не мешает. Но и вы, циники, не лезьте в мою русскую душу, и не учите меня быть нерусским!..

О ЗРИМОСТИ ОБРАЗА

– Валентин Васильевич, журнал «Наш современник» с 1989 года ведет поэт Станислав Куняев. «В современной литературе не так много личностей, отличающихся страстностью. Неравнодушные ко всему, что так или иначе связано с происходящим на

просторах Отечества нашего, – вот «фирменный знак» Станислава Юрьевича», – пишет о нем «Литгазета». К 70-летию юбилею Станислава Куняева «Российский писатель» напечатал подборку его стихов. Давайте обратимся к некоторым из представленных стихотворений. «Путь змеи»:

Змея вползла, приподняла главу
с Кремлевского холма под небом хмурым
и на остолбеневшую Москву
взглянула алчно с ленинским прищуром.
Шли времена, перерождалась плоть,
змея росла и сбрасывала шкуру,
но тварям не дано перебороть,
как ни линяй, ни душу, ни натуру.
И наконец остановился рост...
Рептилия движением усталым
к разверстой пасти подтянула хвост
и укусила с ельцинским оскалом.

– Дело в том, что это стихотворение поэта гневного. Гневного состояния поэта. Исповедь. Но всё равно «глава змеи»... У змеи – голова. Крестьянка, и даже ученый так не скажут – это Стас упустил из виду. Глава есть глава. Даже если глава секты какой-то. Это все-таки более широкое понятие и даже понимание государственного или какого-то иного движения, общины и т. д.

– Откуда у вас такая корневая точность слова? Это удивительно!

– Я родился в очень русской семье, и у нас говорили на изумительном русском, так называемом – для Самуилов Маршаков – «неправильном» языке. Мама моя говорила: «Валька, Валька, какой ты несчастной!..» Не несчастный, а несчастной... А красиво же как! Некрасивых же слов вообще нет!

В прочитанном вами стихотворении поэт, конечно, очень разозлился на Ленина. Вождь наш когда-то говорил: «Цивилизованная Европа, Россия – тюрьма народов...» Тюрьма народов, плевал в неё с детства, а она его даже в камере подолгу не держала!.. Могла

бы его просто ликвидировать и всё! Не сделала же Россия этого! А в цивилизованной Европе его бы сразу истребили.

В нас это внедрили: «нецивилизация», «нецивилизованность». Горбачев – безграмотный, глупый, самонадеянный, хитрый, ловкий, изворотливый тип. А тоже – «цивилизация Уевропы». Он не мог выговорить «Европа», говорил «Уевропа по Урал». И Ленин такой же малограмотный был! Плеханов примерно так о нём писал: «Вы почти не читаете книг! Всем, чем вы занимаетесь ежедневно, 24 часа в сутки – это кассой. Без вас даже никто никуда отъехать не может». То есть он, видимо, даже бухгалтера не держал, сам деньги выдавал. И, конечно, Ленин был человеком, поставленным нам Европой, также как Горбачев. Россию всё время боялись, во все века. И, значит, пожалуйста, «нецивилизованная, тюрьма народов»... Поэтому Стаса можно простить за его гнев, это – возмездие поэта. Хотя, я еще раз говорю, я не политик, я особо в эту ленинскую душу, в мавзолей его вторгаться не буду.

– У вас есть родственное по образу стихотворение, «Комета 1996 года». Вы пишете:

И недаром, каждому знакома,
За пространством Южного Креста,
Шевельнула голова дракона
Золотыми кольцами хвоста...

– Да, я не мог написать «глава дракона»! Образ какой – во-первых, чисто зрительный, во-вторых, какой подтекст мощный – «шевельнула голова дракона золотыми кольцами хвоста». Сила гнева, злобы, трагедии, катастрофа какая! И мощь какая! А кольца какие! Это же всё дорого, ведь кровь-то дорого обходится, даже Гитлеру!

– Любопытно, что дракон идет из русской мифологии, а если мы возьмем змею... Пушкин в стихотворении «Пророк» пишет: «И жало мудрыя змеи...». Змея в русской поэзии – образ положительный?

– Нет, змея – отрицательный образ, а эпитет «мудрая» дает ему положительную окраску. Змеи есть подкожные и т. д. Не бывает

врага глупого. Это мы Гитлера рисовали – вот, дурак, вроде бы потому, что барыню русскую не пляшет, цыганочку... Меня в этом стихотворении вот что смущает. Поэт, когда избирает тему, из темы в его воображении вырастает образ. И Стас не справился, он не довел его до зримого воплощения. Не может быть главы у змеи! Он не увидел образ. Пушкин пишет:

Зима! Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетется рысю как-нибудь...

И мы всё это видим, то, что и поэт себе представил, вообразил. А тут этого нет.

– Согласна. Прочту еще одно стихотворение.

С каждым годом беднее земля,
лес редееет и реки мелеют,
но, представьте себе, для меня
чем бодрее она – тем милее,
словно близкий больной человек,
чем болезненнее – тем дороже...
Гладишь руку, прощаясь навек,
чуешь – дрожь пробегает по коже.

– Стас вообще прекрасный поэт русский поэт! Это стихотворение хорошее, но одно слово здесь не на месте. Конечно, я не автор, и Куняев может сказать: знаешь что, дорогой, иди своей дорогой! Ты пришел из уральской тайги, до сих пор ты дикий на московских тротуарах, а я из Калуги. Там недалеко Куликово поле. Стас, конечно, может мне это сказать. Но: слово-то «чуешь» не на месте! А вот если бы он сказал: «слышишь»! Ну-ка прочитайте еще раз!

– Гладишь руку, прощаясь навек,
Чуешь, дрожь пробегает по коже.

– Ну, конечно. Чуешь... Дело в том, что есть слова, которые надо употреблять только в близком отношении украино-русского

мира. Если Гоголь говорит, то он так здорово соединяет наши украинско-русские миры, их столкновения, или осязания, ощущения. Но есть и сугубо русское ощущение! А «чуешь» – это всё-таки более Украине слово принадлежит в данном контексте. Поэт не подготовил наше восприятие. И тут, если бы он сказал «слышишь», стихотворение было бы нежнее, точнее, легче и трагичнее.

КРАСОТА ПОБЕЖДАЕТ ВСЁ

– Валентин Васильевич, одни говорят о мудрости поэтов, другие – об их наивности.

– Мудрый человек ближе к детству. Парень с четырех до пяти лет очень мудрый и близкий по миропониманию к старику. Я давно заметил, что есть точка соприкосновения на какой-то огромной высоте над бездной старца и ребенка. И настоящий поэт несет два мира, два крыла. Труд поэта не легче труда шахтера, только тот держит в забое, под толщей земли, тяжелый отбойный молоток, а поэт несет свое горе, крест, тему свою, огонь через народ свой несет. Детство у человека не только никогда потом не иссякает, но главным мир его. И потом, где-то уже после тридцати лет – появляется второй, приобретенный мир, равный миру детства, а по мудрости, может быть, и выше. И в поэте соединяется наивность, незащитность искренности, любви, доверчивости, ощущение красоты, радости и разума. Мудрец, отяжеленный горем, обманом в людях, разорением природы, души его разорением, которую он лечит вот тем ребенком, каким он был...

– И вновь мы возвращаемся к поэзии Александра Блока...

– Да, у него есть такие стихи! Я очень люблю его лирику. Вот он говорит:

Твое лицо мне так знакомо,
Как будто ты жила со мной.
В гостях, на улице и дома
Я вижу тонкий профиль твой...

Блок – гордый человек, красивый. Умный, знаменитый. А посмотрите, он за любимой женщиной, как ребенок за мамкой идет. Разве он унижается? Нет, он возвышает её! Он к ней, словно к Богородице, идет. Он защитник её, витязь её, он сильнее её обязан быть, а вот в ласковости, в признании ее доброты, красоты, и щедрости – он ребенок её. Вот какая любовь красивая! И поэт – красивый. Сейчас таких стихов и не услышишь!

Твои шаги звенят за мною,
Куда я не войду, ты там.
Не ты ли легкою стопою
За мною ходишь по ночам?

Колдун ведь! А говорит, что он – мальчишка, что она его околдовала. Любовь, и какая беззащитная искренность! Это же храмовые стихи! Ведь святость какая! После этих стихов послушаешь наполовину раздетую, глубоко пожилую Аллу Пугачеву и повесишься... Чья красота разбудит вновь твои чувства и память? Красота Блока, прежде всего, красота его поэзии.

Я часто говорю о рифме. Александр Блок – наследник той культуры, того времени и т. д. Я бы сейчас не срифмовал «там» и «ночам». Есть буквы настолько сильные, например, такая ласковая, как «л». Она родит звук, который съедает букву «р». Ласточка орла победила, так же не бывает? А тут? Буква «ч» – очень сильная, она еще сильнее, чем «л». И на мой слух такая рифмовка невозможна. Но я всё это принимаю и не замечаю... Красота побеждает технику стихосложения.

– Я продолжу это стихотворение, оно и мне очень нравится:

Не ты ль проскальзываешь мимо,
Едва лишь в двери загляну,
Полувоздушна и незрима,
Подобна виденному сну?

– Да, он еще никак не очнется от этой радости, радости любви! И разве я могу его уличить, что он как бы не дождался в самом себе

того высокого чувства, о котором поет и рассказывает?! Он выше даже моих воображений! Я всегда замечал, что большой поэт, или большой ученый, или большой изобретатель, он выше своих деяний. Поэт выше не только своих чувств, но и своих умственно-прозорливых грядущих провидений! Он говорит настолько красиво, настолько точно, настолько мудро, а в себе самом он еще мудрей этой красоты и мудрей своей мудрости. То есть стихия его неизрасходована, а запас его таланта таков, что он как бы говорит: ну, главное еще впереди! Я еще не тем вас удивлю...

Вообще, мне Василий Дмитриевич Федоров всегда говорил: – Валентин, запомните, есть две ступени, на которых должен стоять поэт, если он на них не встал, это маленький поэт. Я говорю: – Какие? «Первое – это стихи о любви. Какие стихи о любви, таков и есть поэт, таков его талант, характер, совесть его, доброта, всё». – А вторая ступень? «Поэмы. Если поэт не овладел этим жанром – он наполовину поэт».

– А Николай Рубцов? На одну-то ступень он точно не встал – я имею в виду поэмы, да и что касается любви – не вполне поднялся...

– Коля мой друг хороший был, он верный, нежный в дружбе был, я никогда его не видел резким, неуважительным, он говорил нежно – Егор, Егорушка, Валек, Валя... Вот такой – Коля. Очень умный – глаза у него, как у птицы, небольшие, всегда тревожные, но очень далеко смотрящие... И я считаю, что когда мы приходим из деревень, от борозды или от станка в поэзию, мы лишь годам к сорока становимся только для самих себя несколько уже удовлетворительно грамотны. Не надо это забывать. Пушкин в 12 лет знал языки, древнюю историю, а Коля, как мы звали Рубцова, до двадцати с лишним лет морячил, рыбу ловил, работал рядовым матросом. Есть разница? И, конечно, если бы он пожил, и он был бы прекрасным эпическим поэтом. А стихи его были бы более наполнены и лирикой, и любовью. Но, как говорится, Бога не учат. Я всегда о Рубцове думаю светло и говорю так же...

О ХРАМОВОМ ПОВЕДЕНИИ ДУШИ

– И еще одно лирическое стихотворение Александра Блока:

Иди, иди за мной – покорной
И верною моею рабой.
Я на сверкнувший гребень горный
Взлечу уверенно с тобой!..

– Ямб! Какой ямб красивый. И в то же время ямб, принадлежащий только Александру Блоку. Не веет ни Пушкиным, ни Лермонтовым, ни Некрасовым. И влюбился только он, Саша, красавец. У каждого поэта стихи о любви – его стихи, и они не должны быть не на чьи другие похожи. Потому что его любовь ни на какую другую не похожа. Любит поэт, переживает как поэт, радуется как поэт.

И если бы министр Швыдкой прочитал эту строфу, мне кажется, он даже бы кудрявым стал. Потому что он «полностью лысый», как вы его характеризуете, а стал бы кудрявый, красивый и стройный. И уверен, он бы меньше ел. И реже.

– Продолжу:

Я пронесу тебя над бездной,
Её бездонностью дразня.
Твой будет ужас бесполезный -
Лишь вдохновеньем для меня.

– Эх, какая открытость! Хотя тут неприятный звук, слух ему изменил. Но он, поэт, такой красивый, что Бог с ним – я не буду это цитировать...

– Я тоже. Дальше:

Я от дождя эфирной пыли
И от круженья охраню
Всей силой мышц и синюю крылий
И, вознося, не уроню.

– Этой строчкой он всё испытал: «И вознося – не уроню». Осторожность какая – осторожность чувств. Ясно, что он её страшно

любит, и она его, поди, любит и днем, и ночью, а какое уважение! Вот это называется – храмовое поведение души. Человек, бабушка, или мудрый старик, который верит в Бога, смотрит на икону, в храм входит, крестясь, кланяясь Богу, привыкает к нему и вроде бы они родные, но есть та грань поэтичности в этой бабушке, у этого старика, та грань отношений, которые они никогда перед Богом не перейдут. Никогда! Это даже уважением нельзя назвать, это что-то тайное, от матери данное. Так и у поэта: «И, вознося, не уроню». Осторожность какая! Ясно же, что он ее целовал, она его целовала, а вот не переступает он эту грань отношений и всё...

– Да! Очень красиво:

И на горах, в сверкании белом,
На незапятнанном лугу,
Божественно-прекрасным телом
Тебя я странно обожгу.

– Изумительно же! Вот он говорит о поцелуях, о том как они сливаются в этом миге, и опять, красота какая!..

И всё это теперь отобрано у нашего народа. Если бы, допустим, с телеэкрана так говорили! Бабушка бы, наверное, перекрестилась в память об Александре Блоке, девчонка 12-летняя вздохнула бы, улыбнулась – красивые стихи, зрелая женщина, влюбленная, или невеста юная всплакнули бы... Но у нас, у нашего народа, отобрали эту радость. И он даже не знает, что есть такие стихи, есть такие живые молитвы. Околохрамовые, храмовые, которые также лечат нашу душу, как прямые молитвы – молитвы у креста. Народ наш этого не знает, он обворован.

– А я думаю о том времени, когда у нашего народа не будет даже людей, понимающих, как мы обворованы!.. И неужели Блок тогда никому будет не нужен:

Ты знаешь ли, какая малость,
Та человеческая ложь,
Та грустная земная жалость,
Что дикой страстью ты зовешь?

Когда же вечер станет тише,
И, околдованная мной,
Ты полететь захочешь выше
В пустыне неба огневой, –

Да, я возьму тебя с собою
И вознесу тебя туда,
Где кажется земля звездой,
Землею кажется звезда.

– Да... Посмотрите, как поэт говорит – теперь он над любимой хозяйин! Он очнулся, и утверждает: мол, я конечно же, люблю тебя больше, чем ты меня, но я твой хозяйин. Но какой женщине это не понравится, правильно?

Я вообще считаю, что женщина более нежная, мудрая, решительная и поэтичная натура, чем мужчина. Она же вызвала такие красивые стихи! Да, женщина, красавица, невеста, любимая... А представьте, шел бы задумчивый Блок и столкнулся с Валерией Новодворской, политиком. Мы могли бы его даже раньше потерять, такого родного и великого...

И видите, мы дожили до такой степени опустошения, что появляется на телеэкране Новодворская и рассуждает, рассказывает как она ест и видимо, очень много она ест, и, в основном, мясное, судя по ее богатырскому телосложению. Во как нас опустошили! И в сущности, те, кто это «шоу» устраивает русскому народу, те же его и презирают! Они в нашем народе видят дурака, малодушного и у же неспособного к возрождению человека.

– А Блок пишет:

И, онемев от удивленья,
Ты узришь новые миры -
Невероятные виденья,
Создания моей игры.

Дрожа от страха и бессилья
Тогда шепнешь ты: отпусти...
И, распутив тихонько крылья,
Я улыбнусь тебе: лети.

– И как же не любить его! Вот я – мужчина. Ни князь я, ни дворянин, слава Богу, рядовой «советский» человек. Но я ж люблю его как!

Эх! Я не знаю, сколько я буду жить на земле. Может быть, как мама моя, почти сто лет. Может быть, завтра меня не будет. Но клянусь вам: с детства озарена моя душа красотой поэта, красотой крыльев его, звенящих над миром, а не только над головой моей. Я седой и старше Блока. И я говорю ему: спасибо тебе, родному, мудрому, русскому, великому поэту!

А завершим мы нашу сегодняшнюю беседу так. Раньше казаки говорили: спасибо тебе Бог, что я русский и казак! Спасибо нам, что мы русские, спасибо судьбе нашей, что у нас речь такая родная. Осмысленна она вся, рождена природой, росами, ливнями, соловьиными песнями рождена, клетотом орлиным, причитаниями матери, ратною славою рождена. Лучше не жить, чем не слышать голос своего народа. Лучше не жить. Если бы мне пришли и сказали: Валентин, завтра не будет России. Я бы сказал: дай мне Бог погибнуть через минуту. Не хочу я быть другим, не желаю! И это не шовинизм, а талант и счастье!

Вчера я выступал на литературном вечере и сказал, что мы имеем право, что я имею право, идти великим полем русским. Я имею право сказать: я – русский, я иду по русским травам, по русской дороге. Я иду, я хочу быть русским, не смейте меня одергивать и не мешайте мне быть русским!

2003

Народность и миф

Писатель он, конечно, средний,
Но с патриотами в борьбе
Он вроде Гангнуса – посредник
Меж ЦРУ и КГБе.

Рафаил Шпук

О МЕЛОДИКЕ ЖИЗНИ

– Валентин Васильевич, размышляя о русской поэзии, мы с Вами говорим о народе и о народах, и о том, как тот или иной поэт воплотил в своем творчестве глубинный ток «реки жизни». А эта река всегда движется по определенному географическому или историческому ландшафту. В первой нашей беседе мы с Вами говорили о Маяковском, об особенностях его становления...

– Маяковский – поэт, душа его широкая, в целом добрая, и он не мог не чувствовать окружающей его природы, танцев, песен, музыки. И в характере его поэзии надо учитывать это вот горно-потоковое, утесное; лезгинскую природу Кавказа, такую неровную, внезапную, хмурую, очень быстро текущую и быстропламенеющую – от долины к скалам, от покоя к ярости, от ярости к хмурости и т.д. Представьте себе, Маяковский рос и воспитывался в этой среде! Только глупый человек не слышит народ, в котором он живет, или подлец, который живет и ненавидит окружающих... А потом для Маяковского открывается Россия. И – революция. Это три этапа, три характера, три воли. Русский стихия другая, она – огромная, священнолика, победоносная, Куликово поле,

Бородинское поле, вот эти сказания наши, они ведь совершенно другие, чем, допустим «Витязь в тигровой шкуре». Маяковский просто не успел все осмыслить, успокоиться... Но поэт, когда искренен, достоин небольших упреков. Ему, если честно, и прощать-то нечего.

Маяковский начинал как футурист. Прекрасно, молодец. Отыскал какие-то новые формы выражения чувств, приемы письма и так далее. А закончил он как очень ясный, понятный поэт. Вступление к поэме «Во весь голос» – это прощание с самим собою.

– А чем вы объясняете такое движение к классической форме выражения у Маяковского?

– Любой настоящий поэт не может, как черепаха, закрыться в панцире определенного «направления». Или, как муха в паутине, завернуться и примолкнуть. Потому что любая форма не может дозвездеть над поэтом всю его творческую жизнь. Это, скорее, метод самовыражения, но и он не может быть долговечным. Я не могу носить один и тот же галстук, если я проживу, допустим, 80 лет! И когда поэт затеет в каждом стихотворении говорить: «Я вот вошел в храм, потому что...», – и через строчку у него будет храм, храм, храм..., Бог от него отречется. Бог нас воспитывает не холуями, не официантами, а мужественными, страдающими, мудрейшими подвижниками жизни.

Есть поэты, которые уходят как бы под кольчугу воина, другие – в туман мистики, мифа, а третьи в сиротливую поэзию одиночества и сожаления.

– Может быть, это и неизбежно, поскольку каждый творческий человек отражает часть истины, которую он смог постичь. Но что же есть тогда народность поэзии, как рождается это качество? Читаешь стихи и вдруг чувствуешь полную слиянность свою с душой автора, а еще понимаешь, что эту же сопричастность испытывают миллионы.

– Давайте я вам прочту из Твардовского:

Я убит подо Ржевом,
В безымянном болоте,

В пятой роте,
На левом,
При жестоком налете.

Я не слышал разрыва,
Я не видел той вспышки, -
Точно в пропасть с обрыва -
И ни дна, ни покрывки.

Посмотрите, в стихотворение вошла поговорка, тяжелая поговорка. А как она здесь перевернулась! Твардовский, когда писал, конечно же, не думал ни о какой народности, фраза пришла к нему сама, интуитивно, и он с ней согласился.

А теперь обратимся к Пушкину. Он – аристократ, берет высокие темы – «народ и поэт», «чернь и поэт», «Бог и поэт», «вечность и поэт». И в то же время такая приземленность – стихи, посвященные няне. Гений народа нашего, державный гений, гений культуры – и такое преклонение перед крестьянкой. И как же можно эту душу не любить?!

Мы с вами говорим о народности слова, о народности построения строфы, строки, поэмы, сюжета. А все это настолько связано с мощными атрибутами стиха, и внутреннего самовыражения поэта, что это невозможно разъять! Наше православие много вобрало в себя от язычества, и что же, предки наши были глупее нас?! Разве может человек становиться писателем и забыть, что у нас были храмы, молитвы, обряды, обычаи, что под Рождество у нас ходили ряженые, а на Троицу мы свои дома украшали травой, цветами и зелеными ветками. Как же мы это забудем? Вот это и есть народность.

– То есть в каждом человеке живет глубинная историческая память прошлого, и она невольно ведет его по жизни?

– Отчасти. Странная вещь, иногда я замечал, что человек трясет перед моим носом партбилетом, и даже нецензурно говорит о Боге, а потом проходит время и вдруг обнаруживается, что он – верующий человек. То есть человек интуитивно, наследственно слышит красоту. Как же мы будем это оспаривать? Воля, народная мелодика

жизни и философское самовыражение русского человека ведут поэта, даже если он самого себя притормаживает, упирается...

И вот, когда рушится государство, рушатся основы жизни, то прежде всего рушатся внутренние основы ощущений, воли, привычек, достоинств человека, красот. Они рушатся у печки – блины бабушка печет, а мука не та; поезд идет, но опаздывает; дом не покрыт; Чубайс опять свет отключил. Рушится и самообладание поэта, Волга единая литературная. На этой литературной разрухе, реке, всплывает очень много браконьеров. Одни душат осетров, другие и плотве рады – поймал, за тальник сковырнулся и лежит, третьи пытаются на опустевшие пьедесталы встать и диктовать, как облакам и звездам себя вести.

И кто же занимает пьедесталы литературные? Как правило, полубездарные, полунадежные, полуликующие люди, а часто внутренне озлобленные и несчастливые. Кот мой, Барсик, когда я с ним разговариваю, он меня понимает. А что, разве критик Владимир Бондаренко не понимает, что он делает? Но он все равно лезет на пьедестал, дает нам указания, и говорит: ты – майор, а ты – подполковник; тебе метр пьедестал, а тебе два, и делает это очень хитро. Поскольку у него одно крыло сильно свисает над Тель-Авивом, а другое над Рязанью, ему охота немножко и Есениным побыть. Его всё время разрывает, этого гоппитана... Поэтому он пытается говорить о Есенине, и тут же – о Высоцком. Причем он говорит о равном их достоинстве и о равной любви к ним. Это не пошлость, не дипломатия, а русскоязычный маразм. И получается – где у нас Твардовский? Пресса у таких вот в руках, и это действует на молодых писателей очень тяжело и чудно.

РУССКАЯ ДОРОГА И ТУМАН МИФОИЗАЦИИ

– Валентин Васильевич, продолжая наш разговор о народности, я хочу обратиться к размышлениям Юрия Кузнецова, поэта, недавно ушедшего из жизни. В своей работе «Воззрение» он пишет: «Мифическое сознание неистребимо. Народы мира донныне

живут мифами...» Как пример своего метафорического сознания, предшествующего мифологическому, Юрий Кузнецов приводит такие стихотворные строки: «И снова за прибрежными деревьями / Выщипывает лошадь тень свою».

– Это интересный образ. Представляется вечер, предлунное состояние. Но, допустим, лошадь в полдень есть захотела, а тени – нету. А трава – есть... Я не хочу сказать, что это плохие строки. Я хочу сказать, что нельзя восхищаться мелочью. Интересная метафора не есть фундамент, позволяющий стать и над облаками. Он вдруг напишет: «Петух прокукарекал свой сон». Так это ведь тоже самое, что и лошадь, щиплющая тень.

С Юрием Кузнецовым я вместе проработал в целом больше 30 лет. В издательстве «Современник» он редактировал 10 лет по моему приглашению, и на Высших литературных курсах преподавал 21 год. У меня к нему большое уважение, и отношение хорошее, но я считаю, что вот такие, как Владимир Бондаренко, очень сильно загубили его талант. Юрий – русский по своему рождению, воспитанию, душе своей. Уход его в эту мистику – беда. Его просто заставили, задвинули туда все эти кожиновы, эти бондаренки, эти аннинские, которым все время что-то надо съесть. Они едят, едят, едят, и никогда не забывают, что это кровь русского слова. И они, в сущности, увели Кузнецова от национальных проблем. Быть туманно-сказочным, туманно-мифическим легко, когда разрушена и потеряна родина, легко, когда растоптан во чреве русской матери ребенок, легко, когда над головой русского воина слава сорвана этими негодьями! А представьте себе, если бы он не ушел с русской дороги? С его силой, энергией? Но он не устоял. А Твардовского ничто не сломало, хотя и он мог бы струсить. Тогда ведь модно было раздавать определения – то ты сын кулака, то ты сын врага народа, то ты брат троцкиста, то ты большевика свояк; у нас вообще ни одного человека нельзя было защитить, потому что всегда для него можно было найти и поставить клеймо ему прямо на лоб.

К сожалению, уже после смерти Юрия Кузнецова были опубликованы его записки о поэзии. Я прочитал, и они меня очень растрожили, потому что по форме своей они выражены гораздо

логичней и более лирично, чем многие его стихи и поэмы. Чтобы написать поэму, надо поработать не только в жанре стиха, но и в жанре сюжетной баллады и т.д. И я внимательно прочитал поэмы Юры – «Золотая гора», «Змеи на маяке», «Афродита», «Дом» – они все настолько подчинены туману мифоизации, что они просто неинтересны. Он ни с одной поэмой не справился. «Дом», например. Читаешь, читаешь, нет конца и краю и нет охоты читать:

Два сына было у отца –
Удалый и дурак.
Увы, не стало хабреца,
Бывает в жизни так.
И слух неясный, как туман,
Поведал эту грусть,
Что за свободу дальних стран
Он пал со словом: «Русь!»
Семья сходилась за столом,
И жечь отец велел
Свечу на месте дорогом,
Где старший сын сидел.
Бросала редкий свет она
На стол и образа.
То глупость младшего видна,
То матери слеза.
Недолго младший сын гадал,
Раздался свист друзей,
Уехал и в Москве пропал
По глупости своей.

Ну что? Констатация факта. Необязательность мыслей, которые не должны быть здесь. И дальше:

Была ль причиной дама пик,
Иль крепкое вино,
Или свалившийся кирпич -
Теперь уж всё равно.

И вся поэма в таких отходах от темы, в таких охулковых находках.

– Владимир Бондаренко пишет так: «Юрий Кузнецов – это не просто небожитель нашего поэтического Олимпа. На нашем Олимпе его можно было бы назвать Зевсом... О существовании Юрия Кузнецова, пусть со скрежетом зубным, но не могут ни на минуту забыть ни патриоты, ни наши литературные либералы».

– Эти вот сержанты, которые с удовольствием бы дежурили возле тюремных барачков, те, что либо сгоняют нас, либо ставят на пьедестал, они очень много погубили поэтов. Они погубили Дмитрия Блынского, прекрасного поэта. Словно в тиски взяли Анатолия Жигулина – я с ним учился вместе на ВЛК, и он так и не вылез из тисков. Как будто в каких-то расщелинах остался, и голос его еле-еле слышен... Представьте себе волка, он гонится за оленьим стадом, а в нем – сто оленей. Волк обязательно выберет слабого и укокошит его. Вот так и они. Они обязательно выберут слабого человека. Не пристал же Бондаренко к Василию Федорову... Почему?

– Думаю, что Василий Федоров мог и без него обойтись.

– А чем они губят поэтов? В первобытной артиллерии был такой прием. С горы делают канаву и огромный каменный шар спускают по этому желобу, и он летит, уже ничто не остановит его от падения. И вот они как каменного болвана берут поэта, впрягают его в канаву, и всё. Будь только мистиком или только футуристом...

– ...Или тихим лириком, или громким поэтом.

– Это же специально ярлыки клеили.

– Юрий Кузнецов пишет о Пушкине, что он «знал о народе понаслышке, от няни»...

– Он говорит о мифичности Пушкина. А «Евгений Онегин»? Там даже есть, что варят и что на обед подают. Народная и понятная вещь. Высота поведения, письма и никакого тумана. Представьте, если бы Пушкин нам говорил: «Мои «Цыгане» (или «Полтава») это так сложно, надо долго учиться, чтобы понять, что я хотел выразить». Искусство надо понимать, но не надо перед этим долго учиться. Оно и рассчитано на то, чтобы тебя учить плакать,

смеяться, переживать, мужать. Библию человек неграмотный понимает, а Библия сложнее гораздо наших стихов, баллад и поэм.

Вот эти истины у нас настолько перемешаны, что ни логики нет, ни радости, и многие поэты подверглись этому ордынскому лжесмысловому набегу. Почему я так волнуюсь, когда говорю о Юрии Кузнецове? Первые книги он у нас издавал, в «Современнике». Лжекритики и лжехвалители просто уничтожили в нем очень крупного русского национального поэта. Должен быть взмах мощный у русского национального поэта, зов мощный, клич мощный...

– ...У сильного крыло большое / И взмах тяжелого орла...

– Да. Кроме зова, трагизм огромный, и гнев огромный должен быть, не говоря уже о любви. Это всё – и степь, и горы, и небо – всё в объятиях поэта, и всё клубится, кричит, плачет, смеется, танцует – всё! А когда слово накрыто порою почти равнодушием, или иронизмом грубоватым, вроде «Зеленая птица хлеба не ест, / А рвет твои белые груди», так читать-то не хочется! И потому я вернусь к его творчеству, и если Бог даст мне силы, я напишу красивый очерк, и скажу о нем вот что. Пришли хоронить его русские люди. С траурным мраком, печалью и светом. И вот наш воспитанник, Игорь Тюленев, пишет стихи на смерть. Ну, сказал бы, что ты мой учитель, что мне горько от потери. А он пишет: «Враги пришли, чтоб убедиться...» Да разве Юра имел таких врагов? У него не было их. Он вёл себя весьма дипломатично... Ну, допустим, на моих глазах умер бы Бродский, я бы тоже заплакал. Я, например, жалею, что он умер, пусть бы сто лет жил.

Поэты, нормальные, настоящие поэты, всегда перед всем миром как бы виноваты, даже если они якают и утверждают лишь себя. А если кто-то несправедливо кого-то покритиковал, а у того беда, поэт, особенно выпивший, будет рвать на себе рубаху и извиняться. Я настолько разочарован стихами Игоря Тюленева... Это нас просто оскорбило. Он пишет, мол, враги пришли убедиться, что поэт умер, то есть они вроде бы порадоваться пришли. Я думаю: какой же ты православный человек, и какой же ты русский поэт?! И как же ты, холопски и хамски критикуя вражду к Юрию

Кузнецова кого-то, сам относишься к учителю?! С каким высокомерием! Это как же надо не уважать своего наставника, и как не помнить православные обычаи! Когда человека хоронят, то на поминках и даже у гроба благодарят всех, кто пришел проститься. Даже завоеватели и то прощают врагов-героев, а ты своих друзей-поэтов, которые пришли к старшему поэту, к своему другу, или даже к своему оппоненту, ты обзываешь их чуть ли не головорезами. Что же ты можешь сам после этого сказать пронзительного, православного и незащищенного в поэзии? Ты не скажешь, потому что ты немолодой, тебе 50 лет. Всё, поздно тебе становиться тем, кто плачет, читая молитвы, читая стихи, или беря меч, идет за Россию сразиться. Ты опоздал.

Это еще раз я к тому говорю, что когда разрушен домишко в какой-нибудь деревне, или стихией разорен, то много находится охотников разворовывать последнее, что там уцелело, и много находится третьестепенных мастеров восстанавливать, видя возможность схалтурить. Так и в нынешней литературной ситуации третьестепенные дают и назначают посты и звания первостепенным, до которых они не только не дорастут, но и просто никогда не дотянутся. Меня, например, это не огорчает, а только удивляет: как их много, этих мякинных обжористых воробьев.

Нина Краснова публикует свои стихи на смерть Юрия Кузнецова. Она все время как чужая курица в огороде. Куда не пойдешь, всё равно она где-то торчит под забором и какую-то ягодку склевывает. Теперь орёт: очень жалею, мол, что не отдалась Кузнецову при жизни. Так может он и рад, что это не произошло. Самонадеянность какая! Она считает, что если он занимается мифами, то он ей будет рад! Нельзя так себя соцреализово переоценивать...

Да, сказал же поэт Владимир Костров, дескать, жизнь такова, какова она есть, и больше не какова, а сатирик Рафаил Шпук спародировал:

Люблю я в гостях и дома поесть,
Глянeshь – кругом жратва:

А глагол какой употребил: «Вплелася!» Почти мосальский, как в княжестве Мосальском говорят, или на Урале моём, в Мосольграде...

Синие очи любовью горят;
Брызги на шее, как жемчуг дрожат.

Мыслит царевич: «Добро же! постой!»
За косу ловко схватил он рукой.

Держит, рука боевая сильна:
Плачет и молит и бьется она.

К берегу витязь отважно плывет;
Выплыл; товарищей громко зовет;

Посмотрите, какой естественный переход в сказку, и потом в реальность!

«Эй вы! Сходитесь, лихие друзья!
Гляньте, как бьется добыча моя...

Что ж вы стоите смущенной толпой?
Али красы не видали такой?»

Вот оглянулся царевич назад:
Ахнул! померк торжествующий взгляд.

Видит: лежит на песке золотом
Чудо морское с зеленым хвостом;

Хвост чешуею змеиной покрыт,
Весь замирая, свиваясь, дрожит;

Пена струями сбегает с чела,
Очи одеда смертельная мгла.

Бледные руки хватают песок;
Шепчут уста непонятный упрек...

Едет царевич задумчиво прочь.
Будет он помнить про царскую дочь!

Какое слияние сказки – с мифом, мифа – с реальной жизнью. Насколько же это божественный деспот – Лермонтов! Так говорить! Как он описывает её уход из прежнего образа: «Пена струями сбегает с чела, / Очи одела смертельная мгла».

А когда я читаю, скажем, такие вот строчки Юрия Кузнецова: «Я рванусь на восток и на запад, / Буду взглядом подругу искать. / Но останутся пальцы царапать / И останутся губы кричать». Ну и что? У тебя танки есть, что ты рвешься на восток и на запад? Ты же о любимой говоришь-то! То есть мы видим несоответствие масштабов – разговаривать с любимой надо любя, а не командным голосом. Абсолютное несоответствие детализации: Тамерлан и роза...

– Но у поэтов, которые жили в советское время, помимо ухода в туман мифоизации, была и другая опасность – уход в «правильную», догматическую советскость.

– Мы с вами говорили о Твардовском. Разве не мог он уйти в советскость? Маяковский весь туда ушел, но у него был огромный запас от юности. Революция накрыла его, но это был такой бегемот, что когда он стал выходить из этого горящего болота, то пол-Индии снес. Он вернулся к самому себе в последние годы. А вот Александр Жаров или Николай Грибачев, они полностью ушли в советскость. И сегодня их невозможно читать. Хотя можно даже плакать от этой дури. Или такой, в общем, хороший поэт, как Степан Щипачев. Спрятался от жизни в так называемом лиризме – ты моя, я – твой, и премного советской власти. Не получилось! Искусство не терпит двуличия – раз, половинчатости – два, и вне национального своего толкования – три: у художника никогда ничего не получится значительного при «стыковке» взаимоисключений...

О ДУХОВНОЙ БЕЗГРАМОТНОСТИ

– Валентин Васильевич, в одной из Ваших первых книг – «Я не знаю покоя» – есть стихотворение «Чабаны», отрывок из которого я хочу прочитать:

Ой, вы песни,
Башкирские песни, -
Словно ветры с весенних полей!
С вами даже и мертвый воскреснет,
С вами трижды
Живые смелей.

Вы тревожили юную душу,
Вы будили желанья во мне.
И взახлеб я и пил вас
И слушал,
Шевельнуться боясь на кошме.

То мне чудились чёрные грозы,
Вспышки молний и дождь проливной,
То печально шумели берёзы,
Наклонясь над моей головой.

То гремела река перекатом
И, скрипя, проползали плоты,
То горячий клинок Салавата
Мне сверкал из глухой темноты...

На поэта очень действует национальный ландшафт, в котором он рождается и вырастает. Мы говорили о Маяковском, о его кавказской взвинченности, импульсивности. Но вы тоже ведь вышли из многолюдья, из многонародья уральского. Почему же на вас это не повлияло отрицательно?

– Я настолько русский человек, я даже не помню, что я русский, как будто бы идет за мной какая-то седая-седая бабушка, и

я её не вижу, а она на меня смотрит и говорит: «Валёк, да ты не будешь другим нигде и никогда, даже перед смертью не будешь!» Я рос в народной стихии. Одинаково у нас приходили похорожки. И в татарский дом, и в мордовский, и в чувашский, и в русский. У каждого народа горе – это горе. А вырос я среди татар, чувашей, мордвы, башкир, хохлов, белорусов, потому что Южный Урал заселяли всеми народами царской империи.

– А ещё немцы...

– Немцы вообще прекрасный народ! Я помню, что после этих репрессий дурацких до 1956-го года их не брали в армию. А потом вышел разрешающий указ. Они как начали пить с радости – недели три бузили. Хотя вообще-то народ спокойный, уравновешенный. Причем все обритые ходили, потому что тогда, если тебя берут в армию, стригли под «нуль». С немцами я работал в мартене. Они деловой народ, никогда не лезут в начальники, как правило, прекрасные специалисты. Не предадут и не халтурят.

В молодости я практику проходил в Макеевке, на стане 302. Я так влюбился в украинский язык! У меня даже в поэме «Обелиски» есть глава, написанная по-украински. Потом, настоящий хохол больше русский, даже чем я, уралец. Это же специально нас разрывают и делят. Почему Тарас Шевченко стал великим национальным поэтом? Он прекрасно говорил, писал на русском языке, но от родной матери не ушел. А Гоголь стал великим русичем, потому что он ассимилировал свою любовь к украинскому языку, взяв за основу русский. Так мы перетекаем друг в друга – столько в каждой нашей старинной песне хохлов сидит! И нам всё понятно... Но когда Вера Инбер или Семен Кирсанов или Булат Окуджава пытаются доказать мне, что они мне заменят Есенина или Павла Васильева, то я лучше тогда уеду в Тель-Авив и стану иудеем, Евгением Евтушенко-Гангнусом.

Вот Инбер:

Облаков колорит
О зиме говорит.
Пахнет влагой и хвоей,
Как у нас под Москвою.

«Каку...» – за звуками не следит. И дальше:

Мох лежит под сосной
Как у нас под Москвой.
Всё как дома
И очень знакомо.

Ну, это стихи? Так это еще лучшие, отобранные, я вам читаю их из хрестоматии «Три века русской поэзии». Я евреев очень люблю, потому что более уважающей себя нации в мире нет – евреи чётко соблюдают свою традицию. И если бы мы так соблюдали свою, уже бы Буш младший, американский президент, у меня шофером работал.

А у нас что вышло? Отправили на тот свет Бориса Корнилова, Алексея Недогонова, Дмитрия Кедрина, Петра Комарова, Павла Шубина, Василия Наседкина, Пимена Карпова, Павла Васильева, Николая Клюева, Петра Орешина – всех не перечислишь даже – в каждой области по 15-20 писателей. Нет такой области, где бы не расстреливали поэтов русских. И вот этот опустошенный кровавый котлован заклеили именами безыменных, багрицких, светловых, антокольских. И, они, гомеры, взялись нас учить.

Я работал главным редактором издательства «Современник». Читаю поэму Антокольского об Александре Невском. И там есть эпизод – в гробу не мощи князя, а мышь. Такой вот цинизм. Встретился я с Антокольским, говорю: мы не будем печатать эту поэму. Были при этом разговоре Юрий Прокушев, Алексей Меньков, Юрий Кузнецов.

И что я вижу сейчас? Национальные республики будут всё больше обособляться внутри России. Потому что перед глазами всех нас – только Жванецкий, Швыдкой, Шустер, Познер, Алла Пугачева, Кобзон и кукарекающий Галкин. Я не вижу ни одного русского человека на телеэкране, не слышу ни одного по-русски произнесенного слова, я стал уже забывать песни матери своей, песни бабушки. Даже «Славное море» лет двадцать уже не поют! Поколения вырастили не на поговорке, не на песне, не на сказке. И всё национальное – отнято! Вот результат цинизма жидовско-русского, русского усталого равнодушия, русской внедренной

трусости, русской грешной бесхрамовости, навязанной нам казнителями Христа.

И если ты поэт, и если ты вышел из русского мифа, то бесстыдный ты и продажный человек, если молчишь об этом! Какой ты поэт? Ты лакей, а не поэт!

В России нет хозяина. Я даже молю Бога, чтобы пришел кто-нибудь из национальных лидеров – пришел бы мордвин, чуваш, татарин в Кремль, он бы выражал свою национальную долю и боль, он бы не стал нас так теснить, как теснят эти безродинные... я даже не знаю, как их назвать. Чертями – черти обидятся, будут мешать мне жить. Биологические роботы.

– Разорванную связь времен можно восстановить, наверное, только очень большим духовным усилием и напряжением... А может, это уже и бесполезно.

– У нас много ученых, литературоведов, тех, кто русским языком занимается. Допустим, Лев Иванович Скворцов. Я его очень люблю, потому что для него язык, как для пчелы трава, цветок, он над словами летает, кружится, жужжит. Но есть ученые, такие же, как критик Владимир Бондаренко – русские, а хуже русскоязычных. Вот я на такого русского смотрю и думаю: какой бы хороший из тебя получился сын израильского народа! Что же ты тут торчишь? А ещё крест носишь... Не надо бросать партбилет и кидаться в храм, ломая себе шею. Надо все спокойно делать, потому что и патриотизм, и революционность, и Иисус Христос, и степенность храма, и колокольный звон – всё сидит в русском человеке. Разве Стенька Разин думал, что ему голову отрубят? Или Пугачев. Это надо помнить.

Один мудрец говорил, что надо стремиться не к многознанию, а к многомыслию, тогда ты будешь могучим человеком, в тебе не будет этой простоватости, которая легче тапочек белых. Среди нас есть ученые – попугай и попугай. В Литинституте я уже двадцать первый год работаю. И одно время тут была мода на Мандельштама. Куда не пойдешь, в каждом углу вскрик: «А вот Осип так сказал!» Мандельштам – русскоязычный поэт, у него есть хорошие стихи, есть плохие, есть средние, ну что, Осип, тебе Пушкина заменит? Или Лермонтова?

Это холопство и холуйство вызвано тем котлованом, о котором я говорил выше. Ученые – это ЦК комсомола ныне. Копни доктора филологических наук или кандидата, а там ничего нет. И дело не в том, что он кого-то не прочитал. Он духовно безграмотный человек. И почему мне ученые, допустим, не говорят: ах, какой удивительный поэт Мустай Карим! Я изучил башкирский язык, и вижу – красивый поэт! Они же не говорят! Или: прекрасные стихи Мустая Карима бездарно перевел Шнейвас какой-нибудь. Нет, этого никто никогда не скажет. Есть мода. Недавно была мода на Бродского.

Правда, Сергей Николаевич Есин, ректор Литературного института, прозаик известный, и сейчас говорит, что его никто не убедит, что Иосиф Бродский не поэт. А я, например, думаю, не дай Бог это случится, если его переубедят. Во-первых, они друзья с Бондаренко, и с кем Володя-то останется? Оставлять такого вождя литературного в голом одиночестве – это некрасиво. Пусть Есин крепче за эту идею держится, а то действительно найдется человек, и переубедит. Это вообще не очень трудно сделать даже с «большевиком» Серёжей Есиным.

Сидим мы как-то с другом своим, доктором филологических наук, разговариваем о поэзии, выпиваем. Он: Бродский, Бродский! Я ему говорю: прочитай что-нибудь. «– А я ничего наизусть не помню...». Но если тебе не заучилось стихийно, если ты ничего не помнишь, так не торчи ты со своими бездарными речами и утверждениями! Я тоже ничего наизусть не учу. Но Есенин, слог его, входит в меня, как заревой туман, и я не могу оторваться, и насладиться им!..

О ЛЮБВИ

– Есть стихи – микропоэмы. Это как горный поток на Урале – бежит, красивый, маленький, уютный, а прислушаешься – у него такой грозный гул, как будто это неродной сын какого-то океана. Так и у больших поэтов – Пушкина, Лермонтова, Некрасова,

Блока, Есенина, Твардовского – много стихов-поэм. Вроде бы как ребёнок нарявился Дедом Морозом. Или мы смотрим, на опушке стоит небольшая елка. А приглядишься, увидишь в ней могучую ель. А в небольшом поле вдруг обозначится величайшее пространство, Россия!

И вот у Есенина в стихотворении «Ты меня не любишь, не жалеешь...» столько драматизма, человечности, сострадания, гнева, боли, обиды и неприятия, что он даже потом ссорится, не замечая, входя в многообразие этого единого мира, в котором уместилось очень много страстей – я имею в виду психологические состояния человека.

Ты меня не любишь, не жалеешь,
Разве я немного не красив?

Посмотрите, разве можно его отвергнуть? Он подходит, как мать: ну, сынок, ты что обиделся? Или как любимая: Вася, ты чего, рассердился на меня? Он ведь оставляет еще небольшое пространство, чтобы сказать: я ведь тоже симпатяга, чего уж ты ко мне так? А дальше: «Не смотря в лицо, от страсти млеешь, / Мне на плечи руки опустив». Вдруг дает картину, что нет, она тоже волнуется, понимает, кто перед ней. Так появляется круг памяти, другое состояние: «Молодая, с чувственным оскалом, – отделяет он ее от себя, – Я с тобой не нежен и не груб». В первой строфе он такой виноватый, тихий, а во втором четверостишии идут гневные интонации:

Расскажи мне, скольких ты ласкала?
Сколько рук ты помнишь? Сколько губ?

И тогда идет второй круг: «Знаю я – они прошли, как тени», – он рассуждает о себе, о ней, поэт уходит в воспоминания. Биографией занялись, так мы будем говорить:

Знаю я – они прошли, как тени,
Не коснувшись твоего огня,
Многим ты садилась на колени,
А теперь сидишь вот у меня.

И он вдруг лепит образ – её и свой, и затормаживается всё, его отношение к ней, и её к нему, она делается как бы чужой ему, и эти два мира начинают отделяться друг от друга, отходить. Оба они – печальны, и утомлены разлуками и предварительными какими-то изменами.

Пусть твои полузакрыты очи,
И ты думаешь о ком-нибудь другом...

У него прежнее состояние переходит в недоверие, обиду, и некоторую досаду, ревность, но ведь он о себе знает: «Разве я немного не красив?» И потому говорит ей:

Я ведь сам люблю тебя не очень,
Утопая в дальнем, дорогом.

И опять виноватость, искренность какая! Он идет, в сущности, с ней на равных, он говорит ей, что у него была такая любовь прежде, по сравнению с которой нынешнее чувство меркнет: «Этот пыл не называй судьбою, / Легкодумна вспылчивая связь». Я даже удивился, почему он дважды слово «пыл» употребил – то как существительное, то как эпитет. «Как случайно встретился с тобою, / Улыбнись, спокойно разойдись». И чувство его, и душа его уходят от этой женщины.

Но душа его слышит другую храмовую душу. И на таком вихре трагедии, трагического состояния он упрекает ее. Он упрекает, а над её судьбою плакать хочется!

Да и ты пойдешь своей дорогой,
Распылять безрадостные дни,
Только нецелованных не трогай,
Только негоревших не мани.

Он опять с ней вместе. Она неотделима от него, как свеча от его ладони. Вот в чем дело!

И когда с другим по переулку
Ты пойдешь, болтая про любовь...

И здесь уже гнев какой! То он ее жалел, то говорил, что сам такой, а тут вдруг: «Ты пойдешь, болтая», – это разговор уже почти «через забор», мол, иди Маша к черту, картошку сажай. Я к тебе уже никогда не вернусь!.. Разве что:

Может быть, я выйду на прогулку,
И с тобою встретимся мы вновь.

Зачем же? То есть опять вот этот якорь виноватости, якорь приличия, порядочности, того, что его тянет всё-таки к ней, и она, в сущности, ни в чем не виновата... Это даже не всепрощение, а храмовая душа, которая не может отторгнуть душу на себя похожую!

Отвернув к другому ближе плечи
И немного наклонившись вниз,
Ты мне скажешь тихо: «Добрый вечер...»
Я отвечу: Добрый вечер, miss».

Теперь мы чувствуем уход лирического героя во что-то нерусское, тротуарное, американское, может быть навеянное заграничными путешествиями автора, парижами. Это то, что мы зовем «западной эротикой». И трагедия какая потом!

И ничто души не потревожит,
И ничто ее не бросит в дрожь, -
Кто любил, уж тот любить не может,
Кто сгорел, того не подожжешь.

Они оба становятся почти святыми перед этим его трагическим вздохом. И недаром слова из стихотворения стали песней, пословицей, поговоркой, эпиграфом ко многим произведениям.

Я еще раз говорю: Есенин – это соединение храмового звона и плача соловьиного. Это соединение русских небес, шума и шелеста берез на полях рязанских. Слово этому – Русь! И ничто его не поколеблет, никогда, пока живет хоть один русский человек на земле!

Частушка:

Абрамовичу кокотки
Зажимают пальцем рот, -
Съел он золото Чукотки
И хихикает, урод!

ВЕЛИЧИЕ САМОСОЗНАНИЯ

– Валентин Васильевич, и в этой, и в предыдущей беседе мы с Вами вспоминаем погибших поэтов...

– Я с ними почти каждый день разговариваю. Эта обязанность вошла в меня очень рано... Твардовский остался говорить за погибших. А самый младший из этого поколения Василий Федоров. Он ближе к нам, потому что та «погода» тяжело завершилась кровью, он остался почти один. Федоровское поколение долго молчало. Они запоздали, им вот эти инберы и маршаки просто не дали расправить плечи. Василий Федоров пришел с мирными, гражданскими стихами. Часть его поколения пошла на фронт – это Сергей Наровчатов, Сергей Викулов, Сергей Орлов, Михаил Львов, Михаил Дудин. Я их очень люблю – они прекрасные поэты. И они имели право быть такими. Юными они были взяты под кровавые пули, под атаки, под портреты Иосифа Виссарионовича... Да еще нахлебанные марксизмом! И вот они вернулись – такие верные, бесстрашные, бескорыстные; вернулись офицерами, с орденами, с наградами. А народа наполовину нет! Деревня – вырублена. Но они были так накалены отвагой, что никто вроде из них не перешел черту победоносного самоосияния.

Большинство из них не заметило разрушения страны. Они были, с одной стороны, ошарашены цензурой, с другой – овеяны справедливым победоносным ветром, который принесли. И на эту ступень: мать умирает, деревня умирает, перестала баба русская рожать – тяжело было им подниматься. Сергей Викулов попытался, у него есть стихи о колхозе, поэма о разорении деревни, но ему не хватило сосредоточенности и силы. Поднялись прозаики – Иван Акулов, Борис Можаяев, Федор Абрамов, Виктор Астафьев, Евгений Носов и другие.

Как-то я говорю Сергею Орлову: что же вы молчите? Он был тогда секретарем Союза писателей России. А он мне: – Валь, зато ты на каждом выступлении долбишь, что у нас нет прироста, ничего не делается для возрождения России. Я: – Не родят ведь детей, даже в деревне – один, два – и всё. Его, видимо, эти слова задели, и он мне в раздражении бросил: я, что ли, должен с бабами детей делать? Меня его грубость сильно обидела.

Прошли годы. Встречаемся, он мне и говорит: Валя, а ведь ты прав! И тоже самое о моей правоте говорит Егор Исаев – и он войну прошел.

Во время войны был выработан великодержавный стандарт – у нас Политбюро, партия, мы победим. А под этим стандартом шло величайшее, безоглядное разрушение русского народа! Если республики имели свои правительства, ЦК, Совмины, вузы, то мы были – для всех. И это сказалось. Во всех республиках, даже при жесточайшем контроле за проявлениями национализма, их руководители все равно пеклись о своем народе. А у нас о русских никто не думал. Помню, как-то французский корреспондент приехал к Брежневу и говорит: «Леонид Ильич, по нашим подсчетам, на каждого русского ребенка приходится примерно шесть детей других национальностей. Что будет через 15-20 лет с русским народом?» У Генсека челюсть выпала, он поднял ее, долго вытирал платочком, убедился, что чистая, вставил на место и говорит: «А меня это радует. Я – интернационалист».

Я смотрел на него и думал: с кем же мы имеем дело? Ну хоть бы раз он приголубил русских! Разве мордва или татары обиделись бы на него за это? Ведь от такого безразличия всем плохо. Допустим, мы завтра проснемся, а маленького народа – коми – нету. Это же ужасно! Я хочу, чтобы каждый коми жил, чтобы был светлый, как бутуз. Как это – потерять народ?

И вот фронтовые поэты на эти темы не размышляли, они не подготовили наше поколение. И может потому мой друг, прекрасный поэт Владимир Цыбин в национальном плане до конца не высказался. То ли это робость, то ли это привычка утаить свою боль, вдолбленная ленинизмом и чекизмом во главе с товарищем

Дзержинским. Но не распахнулся он, не сказал, как нас убивали и уничтожали. Что такое полтора миллиона донского казачества истребить?! А мне мой дедушка про кровавые дела на Урале рассказал. И отец мне рассказывал: поедem куда-нибудь в ночное, вокруг никого нет. «Сынок, а ты знаешь...» И меня мучает этот вопрос: почему Павел Васильев шел не трусая, а Володя после него не смог себя выразить? Значит, надломленность в нас шевелится...

– Да, народ сильно проредили. Откуда же взяться теперь народности в поэзии?

Учебник зоологии
Не хуже мифологии:
В нём тоже злые, потные
Бодаются животные.

– Часто, когда говорит русский поэт о народности, можно услышать пошловатое хихиканье безродных тварей: отсталость, этнография! А народность, она не может быть неумной, некрасивой, лишней, неграмотной. Народность – народность образует, народность – народность воспитывает. Век – век воспитывает, от века в век всё мудрее тяжелее, трагичнее жизнь. Но не глупее. Вот Иван Никитин:

В синем небе плывут над полями
Облака с золотыми краями;
Чуть заметен над лесом туман,
Теплый вечер прозрачно-румян.

Озарение какое – зорями!

Вот уж веет прохладой ночью;
Грезит колос над узкой межою;
Месяц огненным шаром встает,
Красным заревом лес обдает.

Какая дышащая природа – Боже мой!

Кротко звезд золотое сиянье,
В чистом поле покой и молчанье;
Точно в храме, стою я в тиши
И в восторге молюсь от души.

Вот поэт! Миг поэта, когда он один. А то: «Я один в этом веке!». Ну и болван ты, если ты чувствуешь, что в этом веке умнее тебя нет. Удивительно, посмотрите: какое растворение в природе и какое величие самоосознания! И лиризм какой, проникновенность какая. Мы можем сказать, что перед нами поэт, но мы можем сказать, что видим Александра Суворова после ужасной битвы. Устал он и плачет на эту зарю. А может, это великий креститель всея Руси? Он устал образовывать нас, звать нас к покою, свету, мудрости, и он, один, стоит и говорит – вот я и природа, неужели вы не чувствуете, как мне тяжело сейчас?! Это и есть поэзия.

Или Николай Языков. У Пушкина: «Есть у нас Языков. Он стоит, как утес». Стихотворение «Родина»:

Краса полуночной природы,
Любовь очей, моя страна!
Твоя живая тишина,
Твои лихие непогоды,
Твои леса, твои луга,
И Волги пышные брега,
И Волги радостные воды –

А эпитет какой выбрал – радостные воды!

Все мило мне, как жар стихов,
Как жажда пламенная славы,
Как шум прибережной дубравы
И разыгравшихся валов!

Все стихии, все состояния вобрал. «Как жажда пламенная славы» – не постеснялся сказать: хочу быть знаменитым; «И разыгравшихся валов», – на всякий случай и Стеньку Разина вспомнил.

Всегда люблю я, вечно живы
На крепкой памяти моей
Предметы юношеских дней
И сердца первые порывы;

Молитва!

Когда волшебница мечта
Красноречивые места
Мне оживляет и рисует:
Она свежа, она чиста,
Она блестит, она ликует.

И наплевать мне, если нас безродинные так укоряют – родинолюбы. Да, вам на голову, предателям Отечества, есть мы, родинолюбы. И я бы хотел, чтобы на кресте моем вырубили – родинолюб. И чтобы он долго стоял, этот каменный крест...

Да, чтобы мы не делали, и как бы мы не предавали, или не рыцарствовали, становясь витязями, сынами Отечества, но в слове любимая, в слове мама, в слове брат, сестра, отец, в слове бабушка, в слове дед, в слове Родина, в слове крест, в слове судьба – всё в слове; в слове – Бог, в слове – ты, в слове – призвание, счастье, победа, если ты – не ложь. И всё в конечном счете венчается любовью. Любовь к женщине, глазастой, доброй, красивой, ждущей тебя, любовь к холму, к птице по имени кулик, к галке, к стрижу, к соловью, сваливающемуся с ветки – стихи, паразит, наверное, тоже сочиняет, и далее – к России, все в одном имени – я люблю и понимаю, как я люблю, так, значит, я и умею, так я, значит, и живу. Есенин:

Никогда я не был на Босфоре,
Ты меня не спрашивай о нем.
Я в глазах твоих увидел море,
Полыхающее голубым огнем.

Не ходил в Багдад я с караваном,
Не возил я шелк туда и хну,
Наклонись своим красивым станом,
На коленях дай мне отдохнуть.

Или снова, сколько ни проси я,
Для тебя навеки дела нет,
Что в далеком имени – Россия -
Я известный признанный поэт!

Посмотрите, он не жалеет, что не был на Босфоре, не жалеет, что не был в Багдаде, не жалеет, что не ходил с караваном. Но ты, любимая, знай: «Что в далеком имени – Россия – / Я известный признанный поэт!» Что может быть выше?! Орел не взлетит на эту высоту.

А Владимир Бондаренко изрекает: «О существовании Юрия Кузнецова, пусть со скрежетом зубным, но не могут ни на минуту забыть ни патриоты, ни наши литературные либералы». Миф заезжего двупаспортного диверсанта. Тюленеву оплошность прощаю, а изуверство Владимиру Григорьевичу – нет.

Володя, за что же ты так унизил Кузнецова и возненавидел патриотов и либералов, аж встал нараскоряку над ними и выхватил револьвер?!

Начни с патриотов, с главной цели своей! Расстреляй их, Лаврентий Павлович, расстреляй! Ну, расстреляй же, расстреляй их, последних ратников русских!

А вот ранние стихи Юрия Кузнецова. Удивительная ясность мифических наитий поэта. Она – прекрасна:

Завижу ли облако в небе высоком,
Примечу ли дерево в поле широком, -
Одно уплывает, одно засыхает...
А ветер гудит и тоску нагоняет.

Что вечного нету – что чистого нету.
Пошел я шататься по белому свету.
Но русскому сердцу везде одиноко...
И поле широко, и небо высоко.

декабрь 2003 – март 2004

Предначертанная высота

ОБРАЗ СТИХОТВОРЕНИЯ

– Валентин Васильевич, в своих статьях, интервью вы часто говорите о поэтах, которые, скажем так, не входят в современную «информационную обойму». В словаре «Русские писатели 20 века», составленном членкором РАН П. Николаевым, мы не встретим имен Сергея Поделкова, Василия Казина, Павла Шубина, Михаила Львова, Дмитрия Ковалева. Сергей Поделков, будто предвидел свою судьбу, когда писал: «Среди друзей – я на виду, среди врагов – всегда потерян».

– Да, я часто говорю об ушедших поэтах. Как говорится, да не будут забыты те, кто не должен быть забытым.

Вот Сергей Александрович Поделков. Его звали «ходячей энциклопедией», а Василий Дмитриевич Федоров мне говорил: «Ну что ты им так восхищаешься? Мы его тоже любим, и, наверное, не меньше тебя. Но только ты одного не понимаешь, Валентин. Вот ты им восхищаешься, что он начитанный человек, и все знает, как лесник – лес, пахарь – поле, пчеловод – летящих золотистых пчел, а я вот, Валентин, думаю, что если бы он был чуть-чуть поменьше образованным, он был бы лучше как поэт».

Потом, через годы, я подумал: наверное, это правда. Понимаете, все-таки поэту никак нельзя уходить только в теории и книги. Вот, допустим, Пушкин говорит: «Кавказ подо мною». Ишь, как ему хорошо – весь Кавказ внизу, он даже выше гор, вершин! Видимо, он в это время ощущал своё предназначение, предначертанное

ему Богом, данную ему высоту, где он соединяет синее небо, плывущие облака, синие-синие дали, небо со звездами, ветрами, бурями, летящими ураганами, а землю – с морями, реками, водопадами, клокочущими орлами над ними. А в центре стоит поэт. Мне кажется, если поэт это ощущает, тогда он будет следить за собой, чтобы новый Василий Дмитриевич Федоров не говорил, что стихотворец перенасытил себя книгами.

Но я все равно люблю стихи Сергея Поделкова, он очень честен, в нем много правды, как в добром звере. Представьте, мы с вами, допустим, идем, а за нами наблюдает добродушный, хорошо позавтракавший медведь. Мы думаем, что он не понимает, добрый человек к нему идет или злой. А он всё видит, он не глупее нас, может быть, только Литинститут не окончил, ушел оттуда или отчислили его с третьего курса за какое-нибудь буйство! Вот и в Поделкове есть эта доброта, мудрость природы. Как говорится, все мы, люди – обиженные судьбою звери, добрые звери, теплые, мудрые, ласковые, и пусть нас не трогают. За что Поделкову дали 10 или 12 лет, которые он отсидел по «делу Павла Васильева»? Васильев с 1909 года, а Поделков с 1912-го. В 1937-м – он мальчишка совсем! Чего из него было лепить врага-то? И как язык не отнялся у людей? Как судья зачитывал приговор?

Мне Поделков очень много рассказывал о Павле Васильеве. Последний раз они встретились во дворе усадьбы Герцена, в сквере нашего знаменитого Литературного института, и Паша, как звал его Поделков, махал руками, был чем-то недоволен и считал, что он всех победит и покорит. А вскоре ему приговорили пулю... Поделкова выслали далеко на Север.

– Знаете, меня поразили его стихи о лагере – недоуменный крик. В «Предутренней балладе» Поделков пишет:

Но за что?
Что я сделал такого,
Я, целовавший красное знамя?

И дальше:

Белый морок с полярными огнями.
Белый буран.
Белые собаки.
За белой проволокой белые бараки.
Белые вышки.
Белые автоматы.
Белым страхом мысли объята.

И еще:

А сердце, ложью затравленное, мечется,
А сердцу на голос рвануться хочется.
Я в Отечестве лишен Отечества.
Нет ничего страшней одиночества.

Мы говорим о поэзии, и – не только. Ну, как можно было так бросаться человеческими жизнями?! Чем это можно оправдать?!

– Получается, что ни один русский поэт не обошел подозрения, недоверия, тюрьмы или пули... А вот, посмотрите, как он говорит, Сергей Александрович Поделков, как передает другое состояние своей души:

Как ни суди и ни ряди, мой друг,
боюсь эстрадной славы – модной, спорой;
язык народа,
зрение и слух
державные – поэзии – опорой.

Как лес листву, на солнце и во мгле,
слова коплю,
мысль роется в столетье...
Чем глубже корни дерева в земле,
Тем выше ствол, раскидистее ветви.

Прекрасное стихотворение! У него есть общий рисунок, понимаете? Когда у настоящего поэта прочитаешь стихотворение, то сразу же виден весь образ произведения – как в работе художника

или скульптора. И вот в этом стихотворении образ возник сразу, оно очень красивое, а это – первый признак поэта. А второй шаг – вникание в смысл, в подетальные красоты выражения предметов, радующие око и душу поэта.

Сергей Поделков очень дружил с Василием Казиным. Время сглаживает разницу возрастную, когда за плечами одинаковое горе или когда просвистела одинаковая свинцовая пуля над их товарищами. Казин с Есениным ведь был в друзьях.

Однажды ходим мы по Переделкино с Василием Казиным. Он такой был тихий, лицо у него многоморщинистое, он, кстати говоря, мог бы своим обличьем, добрым, светлым, напоминать пчеловода. Голос у него тоже тихий и, когда он говорил, руки у него медленно то сходились, то расходились в ладони, и он на собеседника не смотрел, а как бы в себя глядел, немножко шурился и чуть-чуть наблюдал за своими ботинками. И вот он мне говорит: «Смешной был Сергей Есенин (при мне он никогда не говорил Сергей Александрович)». Я говорю: «Расскажите что-нибудь».

Казин говорит: «Однажды ночью, я уже сплю – слышу стук, яростный и тревожный, будто пожарник стучит. «Кто там?» – говорю. «Это я, Сережа, открывай давай». Глянул – Есенин. «Давай собирайся, поехали! Что ты тут лежишь?» Я говорю: «Да куда поехали-то? Ночь же...» – «На вокзал. Едем! Хочу проверить, как мои стихи действуют на народ». Я ему: «А почему на вокзал?» А он: «Там – дети, матери, там – люди – состоятельные, нищие, беженцы, цыгане, кого только там нет. Вот это и есть народ. Сейчас кругом эти революционные годы... Поехали, давай!» Ну, они наняли извозчика и двинулись.

Приезжают на вокзал. По-моему, если мне память не изменяет, на Казанский. Заходят в зал – действительно, народу очень много, семьи едут с детишками, и люди, судя по одежде, самые разные – кто в полушубках, кто в шинелях, кто в фуфайчонках. Есенин начинает вскидывать руки в центре зала и как бы приобщать пассажиров, мол, давай сюда собирайся. Сошлась порядочная толпа. Он начинает читать – одно стихотворение, второе, третье – сильного впечатления не произвел, и, чувствуя это, он останавливается

и начинает со слушателями ссориться. «Куда вы вообще едете и что вы тут делаете?! Ну и сидите тут, а мы сейчас уйдем!» Казин говорит: «Вышли мы, а он мне: «Вообще, что это за народ! По-моему тут и нет русских, одни цыгане и те неизвестно куда катят».

Мне так запомнился этот рассказ!.. Потому что, несмотря на ужасы и на водопады безвинной крови, крови уничтожающей, крови, выхлестывающей из русского народа годы и годы, поэт вдруг как-то приосанился, поверил в будущее слова и захотел послушать свой голос среди людей сам. Истинный поэт всегда выходит со своими стихами в первый раз и никогда не выходит в десятый или в сотый. Он выходит в первый раз и слышит свой голос всегда первый раз, если этот поэт несет свою боль. И если даже он несет радость, то все равно он первый раз это слышит...

Вот я говорю о Поделковке, говорю о Казине, говорю о Есенине, потому что встречаюсь с ними на каждой версте, особенно летом, особенно если я в деревне, возле великой, солнечной, незыблемой, неодолимой и непобедимой, все отринувшей и перевернувшей все, что ей мешало звенеть и радовать нашу Россию, Троице-Сергиевой Лавры. Сергиев Посад... Это удивительно, когда летит оттуда, катится, плывет, плачет, воркует, ликует, набатом зовет колокольный звон!.. Все поэты, с которыми я встречался, поэты, которые оставили серебристую каплю живой росы в моем сердце, всегда со мной. Я их про себя цитирую или пишу о них. Из тех, что я прочитал, не осталось ни одного, о ком бы я ни сказал доброго слова.

ДЫХАНИЕ ГРЯДУЩЕЙ СУДЬБЫ

– Вы рассказали о беседах с Василием Казиним. Наверное, у поэта, да и у любого человека, если он проанализирует свою жизнь, не бывает случайных встреч...

– Конечно. Поэт Михаил Дудин пишет в своих заметках, что Николай Тихонов, офицер, имперский человек очень любил стихи Гумилева. Тихонов – гусар, Гумилев – улан, оба – защитники

Отечества... Дудин пишет, что поэты собирались в ленинградской квартире Тихонова и слушали, как хозяин читает Гумилева. А жена Николая Семёновича, хлопоча по хозяйству, за столом, если он, или его гости, сбивались, путали слова, тактично поправляла их, потому что она много знала наизусть. Мне это нравится – посмотрите, какая вокруг Тихонова была атмосфера изумительная, рядом женщина, которая только усиливала его крылатость, вдохновенность... И вот Тихонов время от времени говорил молодым поэтам: «Зря его расстреляли, несправедливо, у него не было ни одного слова против советской власти».

Вдумайтесь, Тихонов, поэт богатых фантазий, поступков, ритмов, поэт постоянного мужества, говорит: «Несправедливо расстреляли...». Ну а кого можно справедливо расстреливать?! Только бандитов, грабителей и убийц. А если бы даже Гумилев и плохо говорил о советской власти?! Он ведь имел на это право, насмотревшись, скольких уничтожили безвинно!..

Ехали мы как-то из Тирасполя – Петр Проскурин, Валерий Ганичев, Юрий Лопусов, Татьяна Смертина, и вдруг мне один тирасполец говорит: «Ты вчера читал стихи Гумилева, а знаешь, что жена его, мать его сына Ореста, работала много лет официанткой и скрывала, что она из знаменитого рода, из рода высочайшего нашего вельможи, который пропускал как цензор стихи Александра Сергеевича Пушкина». Она вырастила сына, он стал ученым, образованнейшим человеком, а сейчас он едет в нашем поезде. Я говорю своим спутникам: «Мне сказали – такой-то вагон, такое-то место. Пойду». Лето. Жарко. Я захожу, тихо так стучу. «Да, да». В купе сидит один, седой, красивый человек. Лицо благородное. Я говорю, а правда, что... «Да, я, я». И мы с ним проговорили часа полтора. Я был потрясен его каким-то богатырским покоем, мощью. Настоящий ученый не может быть нервным, легковозбудимым или как бы безответственно романтичным, каким иногда бывает поэт.

Ушел я от него потрясенным и думал, за какие же преступления такие муки достались жене Гумилева?! Сынишку она вырастила, не предала, несла его имя, имя поэта. Каково же ей было!?

Читая Гумилева, видишь, что это поэт, который, в сущности, предсказал свою судьбу. Вообще, души поэтов созданы природой для того, чтобы окликать друг друга и знать, что ты не одинок, что твоя красота слышима другою красотой. Посмотрите, какие удивительные стихи у Гумилева!.. Стихотворение «Больной»:

В моем бреде одна меня томит
Каких-то острых линий бесконечность,
И непрерывно колокол звонит,
Как бой часов отзванивал бы вечность.

Мне кажется, что после смерти так
С мучительной надеждой воскресенья
Глаза вперяются в окрестный мрак,
Ища давно знакомые виденья.

Есенин с Лермонтовым, слышится, правда ведь? «Знакомые виденья»... Он их несет в душе или в образе поэта, или в образе мамы.

Но в океане перевозданной мглы
Нет голосов, и нет травы зеленой,
И только кубы, ромбы, да углы,
Да злые, нескончаемые звоны.

О, хоть бы сон настиг меня скорей!
Уйти бы, как на праздник примиренья,
На желтые пески седых морей
Считать большие, бурые каменя.

Пророк. Это дыханье его судьбы грядущей...

И я думаю: сейчас бы издать книгу – «Расстрелянные, безвинно погибшие русские поэты», с фотографиями, с биографиями, с циклами стихов. У нас в каждой области по 10 – 15 человек погибло писателей, прозаиков, публицистов, журналистов. И когда мне говорят, что Берия – тоже хороший человек, не так уж много он изнасиловал, я удивляюсь этой тупости, этой жестокости, а самое

главное, я удивляюсь этой бесперспективной дури доморощенных философов.

Понимаете, если человек любит Родину, он никогда не будет слепым. Если я пришел на могилу к матери, я не могу плача орать, чтобы мою орущую любовь слушало все кладбище. Я пришел тихо, с мыслью, я пришел поклониться прошлому, я пришел встретиться с детством, с юностью, с взрослостью, я пришел седым встретиться с горем, уже перейдя горы этого горя, выше даже, может быть, тех высот, на которых стоял Александр Сергеевич, наблюдая внизу Кавказ.

Если ты любишь свою страну, то ты всегда анализируешь путь соседей, народов, своего родного народа, флага, знамени, государства. И в этих расстрелах, в разорениях, в угроблениях народа, которые мы прошли, сегодня орать: «Да здравствует Ленин!» или «Руки прочь от Ильича!» или «Сталин, Сталин!» не позволительно. Можно простить политика, если он, конечно, болван, потому что умный политик так орать не будет. Но разве мы сегодня Лениным заменим измену Горбачева? Или Сталиным заменим уничтожение русского народа? Поэт обязан быть мудрее полководца и вождя, поэт – это горький, это плачущий опыт в центре народа, в центре могил, в центре свадеб, в центре армий, в центре фронтов, в центре величайших праздников победы. Поэт, все анализирующий, не только через свои слезы, глаза и ладони, но и через десятилетия и века. Я сейчас удивляюсь – болваны, которым по восемьдесят лет, орут: «Сталина, Сталина!» Но давайте вспомним, где деревни наши, что осталось от колхозов, почему их не защитили?! Почему один Горбачев появился, а ему навстречу вышел пьяный, рыгающий, как хорошо обожравшийся боров, Ельцин, и не стало СССР? Что произошло? Почему мы не говорим, что это была медленная спланированная политика раскидывания, разбазаривания русского народа? Почему у нас 25 миллионов, а некоторые считают 35 миллионов, русских оказалось в ближнем зарубежье? Я знаю людей, которые по 5-6 лет не могут получить гражданство: старик, парнишкой-комсомольцем уехавший на целину, не может вернуться домой, или воин, который служил там. И сегодня – прежнее

предательство продолжается. Сталин нужен – разобраться с него-
дьями?

И я говорю о том, что если у нас сейчас не появится вождя, не появятся мощные общественные движения, если мы не найдем эту болевую струну, чтобы каждый деятельно вздрогнул, и седой, и оставшийся в Таджикистане, и в Чечне упавший, то будет беда...

О ВНУТРЕННЕЙ СОСРЕДОТОЧЕННОСТИ

– Валентин Васильевич, мы часто говорим о том, как творчество поэтов протяженно во времени, как оно живет даже после их жизни. А я, слушая сейчас стихи Гумилева, вдруг подумала, что для поэта очень важно быть услышанным своими современниками. Это, может быть, даже важнее, чем то, что мы спустя годы обращаемся к их опыту. Поэты выражают красоту жизни, красоту ощущений и читатели-современники, лишённые этого богатства, оказываются обворованными. Может быть, главное предназначение поэта – это прозвучать (не любимыми, конечно, путями, не с «эстрады», как говорил Поделков), прозвучать при жизни, чтобы люди, словно к красивому берегу или как на поляну, освещенную солнцем, могли выйти к этому поэту. Это ведь очень важно.

– Хорошо вы сказали. А вот вы могли бы привести пример из новых, ныне действующих молодых поэтов?

– Я хочу, прочитать вам стихи Дмитрия Степанова.

Порошей посыпаны травы.
Ноябрьский легкий мороз.
Оставил я храм пятиглавый
Среди облетелых берез.

На старом забытом погосте
Крестов перекошенных ряд.
Деревья, сухие, как кости,
Мне вслед исподлбья глядят.

– Молодец! Не будем подходить с меркой строгой к звукам. Хорошие строфы. В целом очень чистые, честные, светлые стихи, с хорошим трепетом. Идем дальше.

Иду по разбитой дороге.
В сапог просочилась вода.
На холм поднимаюсь пологий,
Съезжаю по корочке льда.

Иду, а куда – и не знаю,
Откуда – навряд ли скажу.
Воронья крикливая стая
Садится, галдя, на межу.

– Хорошо. Он мне напоминает какого-то благородного агронома, который идет и говорит: «Да, это мои борозды, я их вспахивал сам. И все это моё, земля моя».

Всегда невеселые мысли
Приходят под крик воронья.
Свинцовые тучи нависли,
Глухую угрозу тая.

– Молодец! Он очень искренний, и слова у него подобраны чуткие, точные. Только ему надо быть еще тревожней и еще более влюбленной в красоту. И мудреть опытом настоящего.

– Мне кажется, что в нем много прошлого опыта поэзии...
Даже есть какая-то усталость большого пережитого горя.

– Прочитайте еще одно стихотворение.

Жнецы свободы вышли рано
На зов бессмысленной толпы
Из предрассветного тумана,
И засверкали их серпы.
Они трудились терпеливо,
И опустела скоро нива,
И были связаны снопы.

Совсем не тот лелеял всходы,
Кто, завладев затем зерном,
Держал годами хлеб свободы
В своем амбаре под замком.
Но победил всеобщий голод,
И вот – остаток хлеба смолот
И жадно съеден. Что потом?!

– В Дмитрие Степанове очень много доброты. Я желаю, чтобы он ее сохранил, потому что без доброты не будет гнева. Вот говорят: русский народ страшен в гневе. А я добавлю – более бесшабашного и неуправляемого народа в доброте нет. Фуфайку отдаст, догонит человека, а потом еще оглянется, если народу мало, начнет штаны снимать и дарить. Вот какой мы народ! Но когда русские в ярости, то им равных нет.

Если Дмитрий уберезет эту доброту и присущее ему своеобразие зоркости, он будет очень хорошим поэтом. Легко быть принадлежащим к кругу социальных ревнителей, но когда ты говоришь это с болью, то твоя социальность, твоя ненависть к среде грабителей и убийц в тысячу раз сильнее. Понимаете, плачущий над братом погибшим страшней во гневе, чем не помнящий брата погибшего.

– Удивительно, как часто сила поэтического слова зависит не только от начитанности, о чем мы с вами говорили, не только от ощущения жизни, но и от какой-то внутренней горькой сосредоточенности. Мы можем упрекнуть Дмитрия Степанова в невольном подражании Лермонтову или Рубцову, такие мотивы слышны, но эту внутреннюю сосредоточенность не спутаешь ни с чем, ее ни у кого не займешь и ничем не заменишь... И я вот о чем думаю: народ наш, в массе своей, эту цельность ощущения выронил. На смену внутренней сосредоточенности приходит внутренняя расхристанность человека униженного, человека обворованного, человека, лишенного чувства хозяина у себя в доме.

– Посмотрите, мы пережили такие кровавые беды в этом году – взрывы самолетов, метро, захват школы. И вот кремлевцы сейчас

заявляют: наши МВД и ФСБ перенимают опыт борьбы у Запада – заметили, прицелились и убили боевика. Так это же каждого можно объявить террористом! То есть это практически снятие границ между добром и злом. Ведь Буш – это первый убийца и первый террорист, Бен Ладен – ребенок перед ним. Разве весь народ виноват, весь Ирак виноват, даже если там боевики? Нет, надо бомбить, уничтожать, показывать свою жестокость! Это то же самое, что менять паспорта с номерами 999 и 666: как не поверни, все одинаково, то есть запеленговывать нас в узду беспощадной сионистской власти.

А как Израиль борется с боевиками? Истребителями, ракетами, подкупом, предательством. Эту же схему навязывают и нам, вместо того, чтобы опираться на благородных религиозных деятелей ислама внутри России. Нужно говорить откровенно и громко, не скрывая, о наших общих бедах и радостях, исторических наших достижениях, общей нашей ратной славе. А мы перед мусульманами и русскими, перед всеми коренными народами нашими вдруг опустили на колени, но перед Израилем. Мы вступаем с ним в стговор, будем у него учиться, как бороться нам с боевиками. Естественно, это оскорбит весь ислам в России, потому что мы не на них опираемся, а опираемся на Израиль, который в общем-то и породил современный терроризм. Шарон – вчерашний террорист.

И дальше. Давайте задумаемся, чем отличается еврейский террор ЧК, еврейский террор Ленина над нашими священниками от израильского террора в Палестине? Он ничем не отличается. А теперь мы обнимаемся с ними и будем в России расправляться с инакомыслящими. Да мы сами тогда породим такое движение боевиков, такой терроризм этой изменнической продажной политикой! Правы политветераны: нужен Иосиф Виссарионович.

Я в Новый год прорабам перестройки
Желаю всем по «трибунальной тройке»,
Но только без расстрелов и тюрьмы,
А так...
Итог:

Чтоб гнать их –
вплоть до Колымы!..

– Я вот о чем думаю: как рождается то или иное слово. Ну, допустим, «дом». Настоящее слово несет в себе образ реальности. Оно несет переживание родного очага, семьи, мамы, папы, родных, близких, родной земли, рощи, леса, реки. Так у ребенка рождается слово в душе, сопряженное с родной землей. И это – у всех народов. А теперь давайте представим себе людей, которым нечего соединить с этими словами, то есть они берут чужие, для них мертвые образы, которых им не жалко, и они могут любые словесные кроссворды поэзии с ними составлять, любые словесные кроссворды прозы. Человек, лишенный Родины – не «гражданин мира». Это – биологический робот, его слово не имеет почвы, а слово, оторванное от почвы – это уже болезнь, шизофрения. Поэтому мы можем только недоумевать, почему люди, живущие на своей земле, которые должны нести образ своей родины, почему же они такие слабые против этого машинного чужого нашествия? Это, конечно, удивительно. Иногда мне кажется, что русский народ так слаб от своей, с одной стороны, широты, а с другой стороны, доверчивости. Может быть, он слаб от своего изумления перед наглостью этих кроссвордистов. А потом, когда он оглянулся и видит, что уже поздно сопротивляться, он просто махнул рукой по русской привычке: «Да пропадай оно все пропадом!». Меня очень волнует этот вопрос: почему же у нас нет должной устойчивости, сосредоточенности духовной, чтобы защитить хотя бы свой дом?

– Дело в том, что мы очень обескровлены физически – войнами, чекистскими набегами, безжалостными и кровавыми. Другая причина – у нас почти уничтожено село. Утрата села на пространствах России – это трагедия народа. Трагедия, прежде всего экономическая, а потом уже национальная, культурная и т.д. Сталин ведь обдумывал – распустил колхозы.

– Вы знаете, мне как-то попала в руки антология псковских писателей «Вчера и сегодня. XX век». Каждое произведение в книге предваряла небольшая биографическая справка – сведения об авторе. И я обратила внимание на место рождения писателей – деревня

Пидели, село Владимирец, деревня Машутино, деревня Орша, деревня Апросьево... Горожан в книге оказалось немного. А нынче на такую кадровую роскошь село уже не может расщедриться. Поэт Михаил Федоров подводит грустный итог века:

Берег. Кресты надмогилий,
А в заозерье – село.
Сколько имен и фамилий
В грешную землю ушло...

– А я думаю о том, что мы идем путем Древнего Рима, средневековой Испании, Португалии, да и той же Америки современной. И везде они, новаторы, как бы «стахановцы», особенно в языке чужом, которого им ничуть не жаль. Взять, допустим, реформу: писать «е» вместо «ё». Я в свое время отдаю стихи в «Огонёк», заголовков цикла – «По журавлиному лёту», а как раз реформа – и я читаю «По журавлиному лету». Во-первых, журавли летом не летают; во-вторых, «лёт» и «лет» – разные вещи. Но разве новатору есть до этого дело? Разве он может понять сочетание звуков, допустим, в слове «бездна»? «Без дна», дна нет у этой пропасти! Или «подушка». Под ухо она ложится, под ушко. У нас столько таких сочетаний изумительных!

И вот эта русскоязычная компания часто бездарных, просто освоивших технику сочинителей, – это ведь чужой народ, они потеряли свою землю, две тысячи лет таскались по разным странам, у них нет ответственности перед святостью других народов. Они вторгаются как микробы и пожирают эту красоту, зная, что она им не принадлежит. И это жестокость, переливающаяся в жестокость бейтаровцев. Почему в 1993 году с крыш домов расстреливал безвинных москвичей бейтар из Израиля? И почему теперь мы у них перенимаем опыт?! Это как называется? Можно назвать это сионизмом, можно назвать масонством, кремлевским предательством, можно назвать алкогольным ликованием Буша, который уничтожает безвинный иракский народ, величавую культуру. И мы терпим. Единственное, что меня утешает в минуты тоски и горя, – что за все настанет возмездие. Эти Абрамовичи,

Алекперовы обожрались золотом, но под ними проваливается вода, потому что они распродали нефть, уголь, газ. Я представляю, что творится в тех местах, где Ходорковский добывал нефть. Чужие люди пришли, зачем им беречь траву вокруг этой скважины, зачем они будут беречь голубку, соловья? То есть наша Родина отдана железным стаям волков. Надо думать, что это отравы земли, отравы совести, отравы души нашей. Если мы не отряхнем ее, она уберет человека с земли.

ПОЭТЫ И ВОЖДЫ

– Валентин Васильевич, мы говорим о поэзии, о пути России в XX веке, о месте поэта, о его отношении к недавнему прошлому...

– Я хочу сказать вот что: ложь сама по себе может быть малой, может быть большой, а у нас она была просто огромной, плюс еще это бесконечное желание все преувеличить. Я вырос при советской власти и, конечно, понимаю разницу между тем, что было и тем, что есть. Тогда я мог получить три высших образования, все зависело только от меня. Я не платил за семилетку, за среднюю школу, за техникум, за Высшие литературные курсы, наоборот, мне платили, я получал хорошую стипендию. Со мной учились Муса Гали, Светлана Кузнецова, Владимир Санги, Василий Ледков, Иван Акулов, Петр Проскурин, Исай Калашников, Римма Казакова.

Но вместе с тем, задумаемся, как заставили кочевать русский, татарский, украинский, белорусский народы? Я понимаю, что нужно было много строить, много ездить. Но когда идет состав, и стрелочник неправильно переведет пути, поезд вместо Астрахани может уйти на Владивосток или вообще может быть крупнейшая катастрофа. Вот и сейчас мы обнаруживаем, что половина Урала отошла к Казахстану, Крым отошел к Украине. У нас нет национального центра информации, который бы говорил о нуждах, об интересах коренных народов. Почему Донбасс оказался на Украине? Он же принадлежал России, как и Крым. Вот был великий

Ленин, гений-Ленин, а прошло-то, ерунда, всего-то 60-70 лет и развалилось государство. Это что, так много? Даже жизнь одного поколения не закончилась. Не хватило на 70 лет величайшей империи мира, она вся была разорвана, разорена вплоть до фабрик, заводов и даже наших квартир. Но, опять же, советская власть была бедная по сравнению с западными странами, но я платил гроши за эту квартиру. Медицина, образование, курорты – это все, в сущности, было полубесплатным. Конечно, выходил пуп, по имени Горбачев, и говорил, что через десять каждому дадут квартиру и т.п. Этого, конечно, не могло быть, потому что начинался процесс разворовывания. И теперь, когда я смотрю на разрушенный русский народ, у меня, знаете, какая параллель возникает, картина? Наши разрушенные храмы.

И вот мы сейчас озираемся, сквозь слезы видя, как убывает наш народ. Он перестал родить; маленькая девочка, взрослая невеста перестала надеяться, что у нее будет семья, что у нее будет русский мощный витязь, который сбережет ее. Эта трагедия происходит почти со всеми коренными народами. То же самое происходит в храмах. Неужели было трудно понять, что не надо поднимать руку на крест, на историю и на духовность народа, тем более религиозную духовность. Неужели надо было так ослепиться революцией, или быть таким совершенно лишенным разума человеком, чтобы поднять разрушительный меч над храмами и церквями?! А сейчас мы тратим огромные средства на восстановление, вместо того, чтобы эти деньги шли на рождаемость, на помощь мечтающей родить маме. Сталину Ильич оставил не государство, а пылающий крейсер.

Более того, за эти годы, отваливая огромные территории, кто задумывался, как завершится судьба этих земель, судьба народов, живущих здесь. Так укрепляли советскую власть: надо, чтобы революция утвердилась, отдать кусок с русским населением. Это гениальность?! Нет! Это величайшая подлость перед русским народом, перед коренными народами, это власть масона, это приказ масонского генералитета. Это план очень долгий, многих десятилетий, схема уничтожения русского народа. И вот сейчас мы

ткнулись в собственную могилу, к которой нас подвели, прежде всего, русский народ подвели. ЦК КПСС и его Политбюро.

Сам я утверждаю революцию, я уважаю и люблю красное знамя, потому что это знамя нашей крови, нашей совести, нашей трагедии. Но, посмотрите, Есенин, обращаясь к революции, то сомневался в ней, то утверждал ее, он все время искал себя в центре своего народа, в центре своей улицы, глядя в глаза своему несчастному дому. Но когда поэт весь уходит в эту советскость, не оглядываясь, не думая, что происходит под его ногами и куда его земля утекает из-под его новых советских штиблет, какой же это поэт?! Это отдрессированный полугой. Безыменский.

Казалось бы, советское время ушло, что об этом говорить. Но вот я читаю: «Борис Пастернак написал гениальные стихи о Ленине, перед ними «всё меркнет». Но мне, например, с одной стороны кажется, что это довольно бездарные стихи, если он их писал всерьез, а если же смотреть на них с иронией, то у меня иногда возникает такая мысль, что Пастернак знал какую-то тайну о Ленине и хихикал. Я одно время жил рядом с музеем вождя в Горках и разговаривал там со многими сотрудниками, которые еще помнили многих большевиков. Однажды мы заходим туда с Иваном Акуловым, известным писателем, смотрим – экспонат, ботинки Ленина, они к нам стоят носками. А знакомый работник музея поворачивает их каблуками вперед, и мы видим: там сантиметра на 2-3 одна нога короче другой. Помните, Куприн говорил, что Ленин ходил, «прихрамывая», слегка покачиваясь?! А нам Ленина подавали таким титаном, что Петр I при нем был просто рахит. Я же, когда читаю Бориса Пастернака, думаю: неужели он знал, что Ленин был маленький, немножко хромой и витиевато говорящий, картавя чуть-чуть?! Вы посмотрите, начало:

Он был как выстрел на рапире...

Это что, газетный пыж летит над нами?

Гонясь за высказанным вслед...

Кошмар! Значит, сказал речь и полетел за нею, кукарекая и соря помет.

Он гнул свое, пиджак топыря,
И пяля передки штиблет.

Вот я и говорил об этих штиблетах. Может быть, он как-то при-седал на одну ногу?! Это же пародия, самая настоящая эпиграмма на Ленина. А мы знаем Ленина-вождя, лобастого, красивого волгара, почти троюродного брата Стеньки Разина. Я не хочу лить грязь на Ленина, не мое дело копать в гробах. Для меня Ленин – тот, кого я знал по учебникам, а вот пастернаковского уroda я не могу принять. Потом, «голая картовость». А что, картовость бывает в шерсти или в меху горностаевом?

И эта голая картовость
Отчитываясь вслух о том,
Что кровью былей начерталось:
Он был их звуковым лицом.
Когда он обращался к фактам,
То знал, что, полоща им рот,
Его голосовым экстрактом,
Сквозь них история орет.

Это кошмар какой-то!.. Это настолько беспомощно и бездарно, что может только Владимир Бондаренко воспевать, потому что у него внутри есть дребезжащая всеми шестеренками машина, агрегат для восприятия всего этого безобразия.

Столений завистью зависим,
Ревнив их ревностью одной,
Он управлял теченьем мыслей
И только потому – страной.

Зависел от зависти, поэтому он управлял страной? Правильно, поэтому и разрушили все, веками строилась империя, а за 60 лет угробили все. Посмотрите, какая нервозность сейчас в молодых

людях!.. Вот вчера я еду в электричке и стоит инвалид с клюкой, ему лет 80, устал, так хочется сесть. Смотрю, никто не отдает ему своего места, сидят молодые и вдруг, на одной остановке парень собирается выходить. И тут в это время влѣпывается, не садится, а влѣпывается на «скамейку» молодая девчонка. Инвалид ее как бы придерживает, дескать, дай я сяду на это место, но она оказала ему такое сопротивление, оттолкнула его, села, посмотрела и захотела, как «выстрел на рапире». Вот к чему мы пришли!.. Сейчас садишься в метро – это и есть картина нашего государства: толпа на толпу, ни один эскалатор путем не работает, такая замусоренность! Такая же замусоренность в нашей Думе. Сейчас «сыны Отечества» сообщают с великой радостью и оптимизмом: наконец они, может быть, запретят мальчишкам пиво пить. Теперь, когда целое поколение споили за 15 лет, они пришли к глубочайшему выводу, что это вредно.

Так чего же нам ждать, если ученый, у которого мерзавцы убили дочь, в газете «Завтра» говорит: «У нас 200 тысяч человек убивают ежегодно». Давайте с вами представим: 200 тысяч, это же, в основном, не старики, а действующий народ. А если бы каждый из них родил по два ребенка? Было бы вместе 600 тысяч! А представьте себе, построили молодой город с таким населением, сколько он принесет пользы?! А еще у нас 18 миллионов спившихся, больных, бездомных, брошенных детей, неимущих, бомжей. Так получается, что у нас мизерное здоровое ядро осталось в России. А как себя ведет власть? Чья это правда? Это правда не народа, а верховного руководителя страны, с его уст это не должно сходить! Это его меч, это его щит, это его молитва, это его голос, призывный к народу, что надо что-то делать, хватит нам предавать друг друга, спаивать друг друга, разорять друг друга! Но нам же этого не говорят! И мы опять смотрим на эти, очень аккуратно, с большим умением и мастерством кастрированные физиономии, и что-то мы от них ждем. Но ничего не будет, пока не придут люди, говорящие то, что говорит сердце и совесть народа. Стоит только заговорить с народом по-настоящему, по правде заговорить, отзыв будет величайший, с каждого дома и с каждой горницы, с каждого уголка и с каждого

края, с каждого города и с каждого села. Народ, когда на него надвигается трагедия, ждет этот голос, он даже во сне его слышит.

На эти мысли навел на меня Борис Пастернак своим бездарнейшим стихотворением. Но если эти стихи отнести к тайной иронии поэта, что он один знал истину, и по ночам тихо про себя посмеивался, тогда ему можно их простить.

ТРЕВОГА ЖИЗНИ

– Вот вы читали стихи, а я вдруг вспомнила Маяковского: «Я себя под Лениным чищу, Чтобы плыть в революцию дальше». То есть, какая разница! Я это говорю не к тому, что Маяковский писал и лгал. А просто иногда у поэтов, как мне кажется, бывают состояния самообмана, обольщения ложным.

– Хорошо вы сказали. Обольщение ложным... Иногда поэт оплакивает, горюет, и вдруг видит, что над той тропиной или над той рябиной, над которой он склонился, не надо скорбеть, тут есть что-то красивое, радостное. И в состоянии горевания он может свято солгать, ожидая эту радость, свет свой. Я люблю Маяковского. Для меня это якутский мамонт, сейчас он занесен снегами, а когда-то была жара, тропики, и гигант бродил среди папоротников. Это был Владимир Владимирович Маяковский. Теперь мамонт лежит, заметенный, занесенный снегами истории. И он уже давно стал золотым, а все европейские дикари, доктора наук, академики, президенты, министры, все они вокруг этого золотого мамонта колют друг другу лбы – кто больше ухватит, разворовывая народ и того мамонта, который лежит и горько-горько на них смотрит. Владимир Владимирович Маяковский верил в революцию, но, конечно, это чудовищные строчки: «Я себя под Лениным чищу». Ну, не красиво это! У него много таких грубых строк, но все я ему прощаю за его отвагу, за его слепую, порой неистово слепую веру, за его любовь к красному флагу. Мы не можем предать красное знамя. Заря – красная, знамя – красное, кровь человеческая – красная, эти три категории соединяются воедино. И когда это знамя звенит,

это совесть наша звенит над предательством Горбачева, вот существо жизни звенит над иудой этим меченым.

Квартира, где Маяковский жил до своей гибели, долгое время была закрыта. Кстати, о его смерти. Александр Сергеевич Маслов, очень крупный специалист по экспертизам, методам расследования, возглавлял комиссию по изучению гибели Есенина и Маяковского. В свое время я с ним по-деловому дружил. Я ему говорю: «Могу я сказать, что Маяковского убили?» Помните, у Ярослава Смелякова был такой очерк-гипотеза. На это Маслов мне сказал, что он надевал рубашку Маяковского, рассчитывал расстояние, угол падения. В результате сделал вывод, что Маяковский застрелился.

И вот решили открыть квартиру Маяковского. Юрия Львовича Прокушева вызвали в ЦК Комсомола, он – литератор, бывший деятель комсомола, изучал творчество Маяковского, Есенина. Прокушеву поручили первым войти в квартиру. А я работал тогда у него в главной редакции издательства «Современник». И вот он сказал: «Нет. Пусть Валя войдет. Валя – поэт, любит Маяковского, пусть он первый войдет, а я за ним». И вот мы идем, а я думаю: «Неужели не будет в его комнате доказательств, что тут жил поэт?» Поэт ведь другой человек, и душа у него все-таки другая, потому что если бы он был со всеми одинаков, то разве люди знали бы, что это поэт?! Я думаю: ну, должно же здесь быть что-нибудь красивое-красивое. И я обратил внимание на фужеры. Они были недорогие, из стекла, но золотая вязь шла по ним, и она была настолько красивая, цветущая, живая!.. Думаю: вот бы сесть, налить вина в эти бокалы. Только один звон их, в руке они сверкают – уже от этого радость! Они как из детсада взятые живые луны. Потом я думаю: а что он, интересно, читал? Думаю: вот ты, Вова, воевал, воевал, с историками ты русскими воевал, с генералами, с поэтами, с Пушкиным поспорил, а что же ты читал-то? В комнате, где он спал, на стуле лежали три тома Даля. И лежали они крест накрест – значит, он ворошил их, ложась спать, от первого до третьего, и складывал их так. Думаю: эх ты, мамонт якутский! Пришел? Пришел к Родине, к маме пришел, к песне пришел, потому что язык Даля – это не

только наша история, а это даже наше самоосознание, в которое входит весь мир, живущий вокруг тебя, но ты – в центре.

Я еще раз говорю, что я люблю Маяковского очень, потому что он казак. Он же не зря говорит: «Я дедом казак, а другим сечевик». Вы представляете, какой казачина он! Залихватскость в нем такая! Но, конечно, предсмертные его стихи невозможно читать без содрогания. Или написанные на смерть Есенина – великие стихи:

Нет, Есенин
 это
 не насмешка.
В горле
 горе комом –
 не смешок.
Вижу –
 взрезанной рукой помешкав,
собственных
 костей
 качаете мешок.

И вот он так говорит, нагнетает, как бы кланяется ему как другу. И вдруг ужасается, как много вокруг ликующих тараканов – так я их называю:

Встать бы здесь
 гремящим скандалистом:
– Не позволю
 мямлить стих
 и мять! –
Оглушить бы
 их
 трехпалым свистом
в бабушку
 и в бога душа мать!

который, якобы не состоял в масонских ложах и не принимал ни откуда денег. Неужели он на одних окурках совершил революцию?! Или поспособствовали ему Брики?..

И, конечно, Маяковский был околпачен этими Бриками, но рассчитался он с ними жестоко. И уход его из жизни – это уход мамонта, который, мыча, оглянулся на отчие просторы и попрощался. Глаза огромные, сам огромный, голос огромный... И вот этот мамонт последний раз протрубил и ушел из жизни. Нам протрубил. А мы не слышим.

Пусть не думают, что я легко говорю о поэзии. Иногда мне говорить тяжело, особенно о тех, кого я люблю. Ярослав Смеляков не входит в орбиту, на которой я часто встречаюсь с любимыми поэтами. Но у него есть изумительные стихи. Он пишет в стихотворении, как к нему приходят поэты советоваться, потом уходят и он немножко хвастается, но все равно в этом есть прекрасный образ его самого:

Каждый день тропинкою зеленой,
Источая ненависть и свет,
От меня уходит вознесенный
Или уничтоженный поэт.
Он ушел, а мне не стало лучше,
На столе – забытая тетрадь.
Кто придет, и кто меня научит
Как мне жить и как стихи писать?!

Хорошо! Горе в учителе горит. Вот он поговорил с поэтом и объявил, допустим, что он графоман, и поэт ушел и даже тетрадку забыл. И он волнуется. Или он объявил, что поэт будущий гений, тот ушел и тоже мог тетрадку забыть. Также волнуется. И эта капля самочувственности, самоконтроля должна жить в поэте. И как только человек ее теряет, эту каплю, то тут будет или Роберт Рождественский, или Женя Гангнус, которым, как огородным козлам – бери лыко и по рогам хлещи, они все равно будут головой мотать и все равно в любой забор пролезут, и нажрут на чужом огороде удачных бахчей.

А я люблю грачей. Осень. Вот-вот зазимки, заморозки – и грачи начинают вдоль дорог скапливаться, окликать друг друга. Потом одна стая сидит на левой стороне леса, на березах, допустим, а другая – на правой. Солнышко – они начинают стая стаю про-верять. А потом они к лёту готовятся. И поднимаются, прощаясь. Я думаю: «Молодцы! Вы там погостите и вернетесь сюда, будете выводить грачат». Я очень люблю возвращение в родные места, в родные зыби нашей памяти. Бунин говорил: «Я бы по шпалам ушел в Россию». Я знаю, что меня нельзя уговорить уехать, как бы тут жизнь не складывалась. Вот я, бывало, уеду за границу, на третий день проклиная все: зачем я тут, для чего? Такая душа. Я не знаю, может быть, я пигмей. Вот Женя Гангнус... Он даже забыл, что он здесь не дома. Правда, он все время выдавал, что он сибиряк. А он такой же сибиряк, как я гангнус. Я родился в горах, в кедровых лесах, в скалах, среди озер, рек мощных, водопадов. Уральский водопад – он даже не звенит, а как древний-древний воин стонет, издалека его слышно, у него такой низовой голос. И вот думаешь... Особенно когда уже седой ты и за плечами прочный опыт жизни, идут такие стихи, стихи воинственные и беспощадные, и в то же время горькие. Вот так я думаю о том, в какой стране я родился, вырос, и какие руки, материнские, поднимали меня на земле:

Иноземцу меня не осилить
И уже невозможно пресечь,
Я недаром родился в России
И пою её горе и меч.

Вырастал я за сына и брата
Из тяжелой и злой маеты,
Вам, которые ложью распяты,
Вам, которые пулей взяты.

Смолкни, ветер, над полем разбоя,
Эхо смерти, не шастай в лесу,
Я боюсь,
 что однажды с собою
Тайну века во тьму унесу.

Будет каждая крыша согрета,
Вспыхнет праведный свет навсегда,
Если в грозную память поэта
Залетает вселенной звезда.

Если выстояв, выдюжив, вызнав,
Я поднялся – и солнце в груди,
Если вещая мать-Отчизна,
День и ночь у меня впереди.

Струны времени, совести стрелы,
Красной масти на поле цветы,
Это – чувства и слова пределы,
Это – ты, моя Родина, ты!

декабрь 2004 – январь 2005

Стратегия измены

Хамство и наг лось, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов. Прежде всего, вражду и ненависть к русскому народу, – все это мы будем ловко и незаметно культивировать...

Аллен Даллес

С поэтом Валентином Сорокиным, создателем эпических поэм “Евпатий Коловрат”, “Дмитрий Донской”, “Бессмертный маршал” (о Георгии Жукове) мы беседуем в стенах Литературного института им. А.М. Горького, проректором которого он является.

– Тема, которой мы коснемся, одна из печальных тем среди творческих людей, да и среди народа. Как мы говорим: “простого народа”. А простого народа нет. Есть народ или сильный или слабый, есть народ счастливый или несчастный. Я свой народ в этом времени отношу к несчастным, который опутан различными претензиями к нему и даже распрями. Надо быть слепым или лживым – я откровенно очень говорю – слепым или лживым, чтобы считать, что того, о чем я сейчас сказал – не существует.

На протяжении всей истории СССР авторитет русского народа, с одной стороны, вроде бы оберегался, а с другой стороны – речь всё время шла о так называемом русском шовинизме. Десятки миллионов погибших, в основном это русские люди – в счет не принимались. Ну, их ведь уже на обзовешь шовинистами! Те, что лежат под обелисками до Берлина, до Китая, до Кореи, до Вьетнама – где мы только не воевали и где только нет русских могил!

Я думаю, что пока русских могил нет только на Марсе. А так – от края до края – если даже слепой пойдет или пьяный – он всё равно запнется за русскую могилу.

И сейчас почти в каждой республике есть надежда и самонадеянность на самодостаточность: вот, у нас имеются запасы нефти, у нас – золото и алмазы, у нас лес еще не весь вырубили – мы проживем в одиночестве. И русский народ, конечно, проживет. СНГ отвалилось – Россия осталась... Но сколько там, за рубежами, русских оказалось и в каком они положении?! У нас даже комитета на правительственном уровне нет, который бы занимался горем русских людей, живущих теперь в других странах. А я, между прочим, каждый день получаю звонки или в неделю раз обязательно встречаюсь с людьми – то бабушка приведет внуков, то мать приведет сынка своего или дочку – они не могут прописаться. Только под Сергиевым Посадом можно найти сотни русских людей, которых гонит наша родная милиция. А им надо есть, им надо детей учить, устраивать их в школу. Даже на моей улице, в деревне под Лаврой, я знаю семью, где одна женщина устроилась то ли уборщицей, то ли машины она моет, чтобы кормить трех мужиков – совестливых, физически сильных. Но их не берут на работу – они приехали из Казахстана. Вот чем окончилась борьба с русским шовинизмом, поднятие целинных земель и уничтожение Нечерноземья под видом его спасения. Вот результат!

Все эти споры вокруг русского народа, все эти недоверия, специально вызываемые к русскому народу, очень оразноличили нашу Родину. И происходит – по моему твердому убеждению – очень быстрая, очень сконцентрированная, очень целенаправленная, стратегически очень выверенная замена русского народа на русскоязычных. Приходят русскоязычные народы. Особенно это видно в индустриальных городах и в городах столичного ранга, таких как Москва, Петербург, Нижний Новгород, Краснодар, Владивосток и так далее. Посмотрите, кто у нас имеет деньги, кто владеет рынками, кто скупает дорогие квартиры, кто располагает возможностью гасить квартплату после последних повышений?! Москва об этом молчит, правительство молчит, пресса молчит,

милиция молчит. Более того, если кто очень быстро прописывается – из Азербайджана приехал ли южный гость, или из Грузии, то не без взятки же?.. Это говорит о чести мундира нашего МВД.

Но как же нам всё-таки скрепить людей? Всё равно в народе – в любом – маленьком ли, большом – честных больше, братских народов – больше, и негодяев не так уж и много в любом народе. Конечно, негодяй негодяю всегда протянет руку, а честный – постыдится, постесняется, или что-то помешает ему... Но вот я вспоминаю, когда выходила книга – Анатолия Иванова, русского писателя, скажем, 500 тысяч тираж, или Ивана Акулова – 10 миллионов тираж – в “Роман-газете”, то, почти каждая школа в СССР и каждый читающий дом получали эту книгу. К чему же призывали наши писатели? К добру, к взаимоуважению, к братству, к государственному отношению к земле. Или Мустай Карим издавался – те же тиражи. Или Николай Дамдинов, бурят, Сафрон Данилов, Семен Данилов, якуты. Это были очень известные прозаики и в своё время они держали уровень – уровень обязанностей перед государством, перед народами, среди которых ты живешь, перед державой, которую строили отцы твои, деды. А сейчас – всё разбито, книготорги приватизированы, путь книги растоптан, смят и там даже трава не растет!..

И чем мы заменяем огромный котлован пустоты? Роман с названием: “Я забыла тебе отдаться, Вася!”. Конечно, такую книгу возьмут – не одна же она забыла отдаться! Но что принесет такая книга?! Или Земфира на сцену выходит и поет: “Я прибежала к тебе, хотела “лечь на тебя”, а ты меня не полюбила!” А в русской классике даже измена красива: “Кто-то завтра, милый мой, на груди моей развяжет, узел стянутый тобой!..” Тоска какая по любимому!.. Если даже женщина изменит – трагическая красота какая! Виноватость какая! А мы же сейчас ведем себя на сцене и в литературе точно также, как мы рассекали мечами державу. Мы просто разваливаем душу человека! Что ожидать от такого государства?! И какой дружбы народов мы можем ждать?!

– Есть ли какая-то возможность изменить сложившуюся ситуацию?

– Мы должны восстановить работоспособность, прицельность государственную, единство творческих людей. При всем разнообразии и при всем неуважении литгруппировок друг к другу – писатели, во-первых, не солдаты, во-вторых, не хунвейбины; у них единого лозунга быть не может! Но у настоящих писателей, если они даже враждуют между собою, есть мать одна, перед которой они не могут не преклониться! И по её велению они должны стать на колени. Так это было! Бунин не всегда дружил с Горьким. Шалапин не всегда, может быть, даже и Бунина уважал. Представитель сцены и литературы. Но одна Россия у них была, одна боль. У нас этого ничего нет!

У нас разграблены, приватизированы и уничтожены издательства. А что у нас есть? Журналы, в сущности, бестиражные и ненациональные – мы уже не говорим, что они должны быть общенациональными, они должны работать на якута, на казаха, на русского, на всех. Но они не могут быть такими, даже если бы и хотели – потому что их тираж две, три, полторы тысячи экземпляров. Даже для Подмосковья этого мало. Это ничтожно.

У нас есть мелкие издательства, которые выпускают книги еще более мизерными тиражами. Издательства занимаются даже не самообеспечением, а самопрокормлением. Где же они берут деньги? Мамы же у них богатой нет, папы нет! А тут юбилей Некрасова, юбилей Пушкина, юбилей Лермонтова, Шолохова, Толстого – и вот под каждым этим предлогом летят письма – то на Лужкова, то на Путина, то на министра, то на какого-нибудь банкира, то издатель тянет руку к олигарху – но деньги-то всё равно государственные! И высасывают их всё равно из одного кармана – из кармана народа! Народа, которого обезграмотнели, который стоял в огромных очередях за романами, за рассказами, за поэзией – у нас не было ни одного безграмотного человека! Я вовсе не говорю, что наша жизнь была прекрасной. Была бы она менее лживой и менее горькой, держава бы не развалилась. Но дело в том, что если мы не поднимем значение книги, если мы не поднимем авторитет литератора, если мы не поднимем авторитет писательских организаций на местах – в Брянске, в Иркутске, в Челябинске, в Рязани, в каждой

республике – в Улан-Удэ, в Сыктывкаре – мы потеряем народ. Потому что радио есть радио. Прошло оно мимо ушей – я заплакал и забыл. Сцена – посмотрел я на Пугачеву – и забыл. Книга же меня сопровождает всю жизнь. Что, будет каждый человек сидеть в интернете и вычитывать афоризмы?

– Вы говорите о значении книги. А что Вы можете сказать о роли писателя в обществе?

– Давайте представим двухнедельную писательскую декаду, допустим, в Татарстане. Это значит, что каждый вуз, каждая военная казарма, каждый завод, иногда даже каждый цех на заводе, каждая школа средняя – была обязательно посещаемая литераторами. Представителями самых разных народов. И вот мы пока эти две недели ездим, мы между собой всё обговорим, всё уладим, все наши внутренние вопросы и недоумения будут разрешаться. Мы выходим к народу говорить вместе, и как же после нас людям ссориться?! И если вдруг появится человек, который после нас будет пропагандировать ненависть, междоусобицу в государстве, его же просто не примут в народе! Потому что писатель – такой человек, сегодня он разговаривает с министром, а завтра – беседует с заключенным. Ведь воздействие слова какое! Разве зря весь мир поклоняется нашей классике?!

– В советское время Вы десять лет возглавляли издательство “Современник”...

– Да, я старый издатель. И издательства нужно срочно восстанавливать. Кроме всего прочего, они еще будут очень полезны финансово государству. Вот, скажем, “Современник”, в первый год дал 10 миллионов дохода, в последующие годы мы давали до 20 миллионов прибыли, мы могли содержать Комитет по печати своими деньгами, Союз писателей. Мне говорят: много леса уходило, неэффективное хозяйствование. А сейчас? Сейчас выходит больше книг, потому что собрание сочинений можно издать кому угодно! Только плати. Ну вот был бы я Березовский, я бы специально для наших идиотов, позабывших, что есть Пушкин, стонущий Лермонтов есть, Есенин есть, я бы издал всех графоманов! Чтобы они наелись этой глупости!

Понимаете, я же всё равно порасходую больше денег, чем государство при нормальном, мудром отношении к книге. Больше срублю леса, больше угроблю бумаги, больше. Так что вопрос о том, что у государства нет денег – это глупость. Сегодня государство на вредные издания, не несущие государственного заряда, больше тратит средств, чем когда-либо прежде. Потому что редкая книга сейчас самокупаема. Все эти мелкотравчатые издательства кричат, что они болеют за литературу. А на самом деле, они как тараканы на кухне в ожидании мокрой тряпки. Ну, когда чуть цыкнешь, ползут в разные стороны. Но такого хозяина у нас нет, чтобы эти воры и тараканы бежали в разные стороны. Или хотя бы хозяйка была, женщина, с хорошей мокрой тряпкой!..

– В последнее время в печати появились голоса о том, что писателям нужно объединяться в некое общее движение, в одну организацию. Ваше отношение к этой идее?

– На эти распады в нашей писательской среде я смотрю следующим образом. Вот допустим, я вижу знаменитого прыгуна. Спортсмена, которого знает вся страна, мирового рекордсмена. А я иду и вижу, что этот чемпион прыгает в песочнице детской, где забавляются двухгодовалые ребятишки. Конечно, первое, что я подумаю – он играет, а если я увижу, что он этим занят всерьез, я подумаю: точно, с ума сошел. Вот и мы сейчас занимаемся детским делом. В 30-х годах это всё уже было, и каких только группировок не возникало: рапповцы, “Перевал”, лэфовцы, “Настоящее” и т.п. Всё это не зря же потом провалилось! Да, могут быть течения, разные группы. Но литература в русском народе всегда занимала ведущее место, она шла наравне с храмом. Наравне с молитвой слово шло. И оно будет, и даже если будет погибать русский народ, все равно оно будет, и он умрет под этим словом, но не предаст его!

Поэтому я считаю, что процесс объединения надо вести державной рукою, негрубо, но властно и красиво. Далее. Надо начинать не с этих похлебок недосолёных – каких-то жалких призывов, написанных со скрипом. Нужно говорить так: столько-то издательств отобрано, столько-то разрушено, столько-то домов творчества разворовано, столько-то продано. В чьих руках эта

собственность? Надо сначала опубликовать список, кто где сидит, кто чем распоряжается и кто что ворует. А потом речь вести о манифесте. А то может быть так: воры объединятся, а нам будет еще хуже. Потому что физиономия литолигарха очень часто похожа на физиономию Березовского.

– Вы преподаете в Литинституте, руководите Высшими Литературными Курсами. Скажите, что может сделать государство (и должно ли оно что-то делать) для подготовки писателя? Или мы должны отказаться от этой идеи и ссылаться на то, что Лев Толстой в XIX веке в Литинституте не учился?

– У нас сейчас при разграбленном нашем горе – даже горе наше разграбили! – не говоря уже о счастье, мы его и не видим; надо опираться на возрождение Союза писателей, на создание литературных объединений. Чтобы человек смолоду, с юности привыкал к тому, что он любит. Музыку ли он любит, литературу ли, живопись... Ведь все ведущие писатели так или иначе с юности были связаны, но они были заняты работой, службой, и не забивали себе мозги, что они сразу станут Лермонтовыми. А что сейчас? В 17-18 лет вчерашние школьники приходят в Литинститут. Здесь очень много пустых и очень много несчастных людей – они никакие ни литераторы. Я даже по ВЛК, где идет более старшее поколение – члены Союза писателей, люди с жизненным опытом, вижу, что за это десятилетие, когда мы выбили из рук книгу, когда мы лишили людей ощущения предчувствия призвания – уровень подготовки студентов и слушателей очень упал. Это ведь очень важно, чтобы человек в юности, в молодости почувствовал – он будет писателем, или инженером, или художником! Это очень важно! А сейчас, если деньги есть, так вот даже я, на седьмом десятке, могу в балет пойти. Олигарх даст деньги и я пойду в балет, буду танцевать! У нас всё разбито.

Да, самонадеянность была и при советской власти. Много шло слабых книг, много кормилось слабых писателей. Но это шло от щедрости, от заботы власти в этом плане. Поэтому я не вижу, конечно, трагедии, если исчезнут Высшие литературные курсы или наш Литинститут. Сильный писатель всегда пробьется. Но при

одном условии: при условии возрождения во Дворцах культуры, школах, библиотеках всего нашего культурного богатства, наследия, которое веками складывалось... Мы говорим о Льве Толстом, о XIX веке. Но откуда пришел Алексей Кольцов? Откуда пришел Никитин? Ну, а что Бунин был очень богат? Господи, да любой наш богач может всю усадьбу Пушкина скупить, фуражку скинет, хлопнет её оземь и скажет: что же я такой нищий?! Нет, народ наш не был брошен. Посмотрите биографию Лермонтова – эти колыбельные, эти песни, откуда же он их брал? А сказки наши кто сочинял? А художники? А композиторы? А полководцы? Адмиралы наши, которые моря трясли! Откуда же они пришли? Разве все они – из аристократов? У народа нашего всегда была культура, прерывать ее не надо. И не надо заменять наш народ!

– Настоящий писатель всегда чутко отслеживает народную жизнь, всматривается в неё. Что вы можете сказать о сегодняшнем дне?

– Когда у народа отбирается, вышибается из рук труд, или когда у народа, у человека труд становится обесцененным, то через два-три года этот человек может просто наплевать на бывший свой труд и бывшую свою любовь к труду. Он может на прокорм, чтобы прокормить себя, даже уже какими-то лживыми методами добывать. Народ может не только разлюбить свой труд, он может даже оравнодушиться, часть какая-то народа оравнодушиться... Возьмите Льва Толстого, Бунина, Достоевского, а уж о Лескове и говорить нечего, Шолохова, Леонова и посмотрите – мастер, руки его заботливые, которые картошку выращивают, пшеницу, руки, которые Буренку доят, как они воспеты, боже мой! Даже в поэзии – ведь наравне с любимой женщиной труд у нас воспевался. Слово-то какое – грубое – “труд”, как “табак”, допустим, а посмотрите, какая ласка в нём! Государство на этом держалось! Мать какая трудолюбивая, морщины какие её трудолюбивые! Труд и молитва! Это равное дело: молиться и трудиться. Мы же всё это настолько оплевали... И поколение у нас идет не только безнравственное, не только равнодушное, оно физически идет ущемленное, понимаете?! Ведь книга пропагандировала не просто: ах, Петя, тебе 16 лет,

ты делай физзарядку или ходи на лыжах, спортом занимайся. Такой дури не было! А в книге пропагандировалась аккуратность великая во всём: от того, как я обращаюсь к матери и до того, как я вскакиваю на коня, от того, как я ухожу на фронт и до того, как я иду в атаку, чтобы не убили мою Родину – не отобрали у меня, понимаете!.. А как же я могу быть не спортивным?!.. Это само собой разумелось! А сейчас я могу привести сотни ребятишек спившихся, которым нет еще 14 лет. И девчонок. Они уже опухли от этого пива. Я не знаю, когда наша реклама и рекламирующие негодяи, алкоголь прививающие нашему народу, хоть один из них опился бы и на экране лопнул. Как бы я радовался!.. Я бы даже прожил лишние годы.

Мы, отобрав книгу, отобрали у наших ребятишек ответственность. Помню, “Мартина Идена” Джека Лондона я прочитал совсем мальчишкой. Я два года был под впечатлением, а к 17 годам я был взрослым от этой книги! От того, как шел человек к призванию, как он море любил, как невесту свою любил!.. Красота какая, понимаете?!.. А когда я дорвался до Льва Толстого и других русских классиков, меня вообще было уже невозможно переделать! Но ведь таких-то миллионы! А мы им что суем? Выходит на сцену актриса, самоуверенней, чем вице-премьер Матвиенко, и поёт – держит рядом свою дочку, ей на вид лет 14 лет, хлопает её по шее и кричит: мы с тобой женщины, я знаю, что ты вчера стала женщиной! У нас в семье две женщины! Ну тогда уж надо доводить дело до конца и микропубличный дом организовать!..

С нашим народом идет великая борьба, глухонемая борьба. Какой ТВ-канал не включишь – одно и то же, одно и то же – а когда начинаешь суммировать и анализировать, то всё это не наше, русскому народу это всё как укус гадюки в его душу и тогда думаешь: Боже мой, какие же мы предатели, какие же мы мерзавцы! Какие же мы изменники и как же мы виноваты перед крестами, перед обелисками, перед всей землей русской, где каждый колос уже криком кричит нам: не-го-дяи!..

Единственное, что в этом горе меня иногда охлаждает, это мои думы. Я думаю: вы, отобравшие у нашего народа всё, вы, копавшие

своими кровавыми руками под отремонтированные ботинки тети Матрены, чтобы землю вырыть из-под её ног и увести, отобрать; вы заплатите ужасной карой! Потому что когда-то ваши дети очнутся, а вокруг вашего дома в школах, на грядках, везде, куда вы не ступите и везде, куда не ступит ваш ребенок, не будет уже ни одного русского слова звенеть и православного лица вы не найдете... Потому что Бог карает не только преступника, но и тяжело карает его детей, внуков и правнуков. Вы это запомните, это придет, если с русским народом вы так кроваво и так жестоко прощаетесь!..

– В ваших словах звучит такая боль...

– Менделеев, Ломоносов, – я хотел сказать – патриоты, – и раздумал, потому что теперь патриот – это тоже шовинист. Фашист. Патриот – это расист, ну, в общем, каждый русский – это Гитлер. Во как мерзавцы пытаются нас опозорить и пытаются раздавить нашу любовь к Родине! А эти великие русские патриоты так свободно говорили! Ломоносов размышлял: мы такая огромная ширь имперская, что можем целые народы расселять по Сибири и Дальнему Востоку. Что нас будет минимум 500-600 миллионов к 2000 году. Я думаю, что если честно посчитать, 100 миллионов русских в России уже нет.

И вот посмотрите, как мы извертелись все перед матерью своей, перед дедами, бабушками, прадедами, лежащими в могиле. Мы раскидали народ. Подарили мы 35 миллионов, рассеяли их по миру, а говорим 25. А я считать тоже умею и не только я, у меня есть друзья-ученые, которые этим ежедневно занимаются. Мы знаем имена тех, кто погребает русский народ. И они безвестными, эти “герои”, не останутся. Не я один, нас тоже может быть, тысячи и тысячи плачет, видя, как умирают русские. А ведь можно было нашим властям обратиться к невесте, к сестре, к любимой, к жене, к женщинам, обратиться к каждой семье русской, что не смотря на эту нищету, вы как-то соблюдайте ну хотя бы заповеди Христа и не думайте, что вы призваны только сами себя блюсти и всё!.. Мы должны оставить поколение, продолжение рода, ведь цель человека – не в том, чтобы на себе замкнуть жизнь, убить жизнь!.. Жизнь же дает Вселенная, природа дает жизнь; Бог дает и

следит за этой жизнью. Ты не имеешь права, если ты здоровый человек, физически надежный человек, ты просто не имеешь права замкнуть только на себе свою жизнь!.. Она же не твоя, она принадлежит тому голосу, что ты в душе несешь! Но у нас этого нет.

Я вот смотрю на многих сенаторов и депутатов, конечно, многих я уважаю, а вот к другим я бы подошел и очень громко постучал бы по их лбу. И сказал бы: “Дядь! Когда ты начнешь о чем-нибудь печалиться?! Или ты никогда не начнешь?” И у меня такое ощущение, что тогда робот чугунный мне медноголосо и торжественно ответил бы: “Ни-ког-да!”

– Каковы, на Ваш взгляд, причины трагедии русских в XX веке?

– Если бы не этот лживый, базарный, самовлюбленный, ограниченный, хитрый, жестокий интернационализм, мы бы выжили, и русский народ был бы сильным физически. И большим. Почему вот, например, не говорить: как хорошо – татарин ко мне приехал, красивый, язык у него какой!.. Ну ведь Муса Джалиль не мог же быть не татарин – сильный, красивый, только татарин может быть таким звенящим, летящим таким!.. Разве это плохо? А у нас встает политик в ранге министра, премьера, президента: мы выбираем не по национальному признаку!.. А по какому ты выбираешь?!.. Почему ты не говоришь, что национальность – это величайшее достоинство! Неужели все народы, если бы их какой-нибудь волшебник уместил под могучей, мокрой бородою Карла Маркса, неужели они были бы счастливы как перед кашей дети?.. Неужели так?

Лишая человека гордости за его народ, за его историческое появление мы совершаем ужасную ошибку. Или предательство. А ведь каждый человек – это историческое появление, национально-историческое; вот он вышел из башкир, он вышел из коми, он вышел из мордвы родной нашей синеглазой, русоволосой – какой красивый народ! Да ведь некрасивого народа нет! А мы так бьем его по щекам – то объявим националистом, то шовинистом, то фашистом красно-коричневым, и вот представьте себе, мы формируем потом министра, формируем премьера, формируем вождя.

Ничего у нас не получится, потому что человек, в котором измято чувство к своему народу, никогда не сможет распрямить это чувство в любви к другому народу! Никогда. Я например, точно знаю, если бы я не любил так свой народ, я бы так не переживал за другой народ. Для меня, например, чеченская война – это пытка! Я с каждым погибшим солдатом как будто бы сам погибаю и меня хоронят!.. А мерзавцы, развязавшие эту войну, ныне разглагольствуют: закрывать или не закрывать Ростовскую лабораторию, где опознают погибших?! И на этих убитых, на этих изнасилованных, на этих задушенных они строят свой авторитет!..

А я ведь многих из них слышал – Немцова-то с Гайдаром я слышал перед днем расстрела Дома Советов, я вот тут их слышал, недалеко от института, они с машин призывали расстреливать безвинных. Как же мы будем беречь народ, если вот такие нами будут править?! Для меня сейчас – встретить русского человека, или татарина, любой национальности человека, осознающего это и не боящегося говорить об этом – величайшая радость. Почти победа.

Если мы будем воспитывать людей так безответственно, как сейчас, то в будущем мы не получим строителей державы. И вождя мы не получим. И полководца не получим. И поэта мы не получим. Пушкина мы не получим. Ведь это десятилетие расшатало даже умудренных людей, имеющих свое отношение к жизни, сформированное опытом. Вот, скажем, история Крыма. История Крыма, это, в сущности, многовековая история России. История срачивания славянства Украины, Белоруссии и России. И вокруг этого – срачивание мусульманского братства. Крымские, кавказские, поволжские мусульмане – героические участники битвы за империю, за Россию, за выход к морям.

И вот мы отдаем Крым. А почему? Потому что мы – старший брат, надо отдать новому государству, Украине. А почему младший брат не может сделать подарок старшему брату? Ну купи ты ему рубаху, ну к Пасхе кулич ему испеки! Ну, обрадуй же – старший! Старший всегда больше переживет – и бед, и горя, и любви к тебе. Но нет, наш лидер, дорогой мой Зюганов, он почти как Александр Матросов, шел на амбразуру; только тот шел за Родину умирать, а

этот шел Крым предавать. Или Светлана Горячева, гордость моя. Я её слушал в дни октябрьского расстрела 1993 года, когда она зачитывала список – сколько дивизий и армий поддерживают их. Но оказалось, что кроме её самой, никто её так и не поддержал. Может быть, Руцкой хотел, но провалился. Начал выть: заберите его в американское посольство. Отвага! Так что даже среди них Саша Магросов, любовь нашего народа, до сих пор он один. Я представляю, как тяжело ему глядеть на этих людей, отдающих наши территории. А почему бы не обратиться нашей компартии российской, КПРФ, к народу; почему бы Думе не обратиться с референдумом, с вопросом: как думает по этому поводу народ? Ведь опять отдали не только землю, но и русский народ подарили. Посмотрите: дарить-то дарить, но мы посеяли страшные распри по всему фронту СНГ! Мало того, что мы поставили русский народ в ужасные условия, в нищету, в бесправие, мы подарили тем республикам ещё многовековые ссоры, даже детям их подарили!

Зюганов, Селезнев, Горячева – и разве только эти люди, которые сейчас пытаются нас учить уму-разуму, а ведь они-то Крым передали! Втихаря. Это всё равно что Селезнёв вылез бы из машины, сунул таксисту вместо пяти рублей десятку, и не расстроился, ушел. А ведь эту “щедрость” осудить надо! Растранижирили Родину нашу! И я начинаю думать: что же произошло? Как с 17-го года понеслось – так и остановиться не можем. Единственный человек – Сталин, который собрал империю, стоило это ему миллионов жертв, и оправданий тоже, возможно, всему этому нет. Но я не политик, не историк, я мучаюсь, и для меня нет еще ясности в этом вопросе. Но я точно знаю, что из Горячевой вышла бы хорошая мама многодетная. Сейчас Путин, сенаторы много говорят о спорте, а она просто была готова рожать, рожать, рожать и рожать, и не надо ей было отклоняться!..

Еще встанет вопрос о том, почему Верховный Совет России проголосовал за выход России из СССР. Не мы, так наши дети, поставят вопрос, почему великий боголюбец, святой, православный Александр Исаакович (то был Исаевич, теперь Исаакович), почему он за целое десятилетие вперед написал “Как нам обустроить

Россию”... Солженицын, этот “страдалец за русский народ”, посмотрите, все же его предложения – отдать! Но ведь это ж не его план! Он у нас объявился с “новыми заветами”, на берегах океана. Но, к сожалению, завет этот оказался Ветхим. И через Сахалин, Владивосток прошелся он по всей Руси великой со своим бородастым предложением, смахивая на тощего Карла Маркса. Правда, если тот интернационалист, то этот, так сказать, с обратной стороны – антиинтернационалист. А на самом деле, одна и та же борода. И если их вместе, две бороды мокрых в узел соединить, – конец человечеству!

Что же произошло? Теперь, куда он показал перстом – лжемонаха, лжепатриота, предателя – там ЦРУ начертало схемы и там взлетают американские самолеты, стоят их ракеты. Так давайте подумаем, что, он такой полководец и всё это предвидел?! Нет, он не Суворов. А всего-навсего старый, седой, измученный “солдат ЦРУ”.

– Валентин Васильевич, Вам присудили премию общественно-патриотического движения “Танкоград”. В числе других лауреатов президент России Владимир Путин и челябинский композитор Олег Кульдяев. Как вы оцениваете этот факт?

– Идет перегруппировка не только сил, но и совести и я надеюсь, что это общественно-патриотическое движение не будет таким односторонним, его лидеры не будут орать: взрывай храмы! Хочется верить, что возглавляют его люди умные, национально мыслящие, братские люди любому народу, в том числе моему родному, русскому.

“Танкоград” присудил премию президенту, композитору, поэту. Этот факт я просто не имею права персонально комментировать. Но вот что я хотел бы сказать. В преамбуле, в аттестации каждого лауреата сказано, что премия присуждена за “любовь, верность и деятельность во имя России”. Я буду очень рад, если это так. Потому что в самом себе я не колеблюсь, и для меня Россия – это до самой смерти моей четкий, точный ход к кресту моей матери. К молодости матери моей, к красоте матери моей. Это я иду на свет русский, во имя России. Но вот упаду – упаду. Но я не упаду, а приду! Это для меня. Но если и для других лауреатов так

же – я счастлив. И в этом плане, видимо, общественно-политическое движение “Танкоград” каждого из нас знает лучше и надежнее, чем я.

В молодости, работая в мартене, я предчувствовал грядущую катастрофу, внимательно изучая кремлёвских ленинцев, и наивно просил защиты у любимцев партии, но, увы, мечтательные стихи мои запрещались и ликвидировались идейной опричной.

Есть такой перестроечный деятель, богатея – Кох. То он блудит в телецентре, начальствует, то он в «Газпроме» рулит, ворует, кажется, то он в Америке интервью раздает, пророча русскому народу нищету, а России – погибель. Мы, русские, предстаем перед миром, если поверить Коху, - глупцами и пьяницами, а наша Россия – помойно-ракетной бездной.

Кох – кот. Усов, правда, пока нет, но будут: с чего же, иначе, он будет вытирать платочком долларовую кровь и грабежное золотое сияние?.. Коха – не Кроха: он знает – что такое хорошо, что такое плохо. Ему и сам Маяковский позавидовал бы, а скорее – пощечину дал бы, ведь поэты великие глубоко презирают вонючее жулье и продажное распутство.

Несуразная эпоха,
То Чубайс, то Греф, то Кох,
Гей поймал в сортире Коха:
«Кох, а ты,
вобщем,
неплох!..»

Изменить Родине, скурвиться ради прибыли – стезя госпота-схух. Но среди евреев, как среди любого другого народа, живут, думают и, не робея, действуют честные люди. Гражданин Израиля Юлий Нудельман в газете «Советского Россия» 20 июня 2002 года заявляет:

«На мой взгляд, особенно опасно для евреев в России то, что все больше и больше русских людей считают, что евреи управляют Россией, что они захватили алюминий, нефть, газ, никель, калий, алмазы, средства массовой информации, банки. Имена

Абрамовича, Мошковича, Могилевича, Голдовского, Гайдамака, братьев Черных, Леваева, Рыболова, Березовского, Гусинского, Рабиновича, Кобзона, Бренштейна, Ходоровского, Фельдмана, Хаита, Фридмана, Смоленского для значительной части русского народа символизируют захват России евреями. По мнению русских людей, приватизацию, распродажу подешевке народного, государственного имущества, руководство экономикой и политикой осуществляют евреи и полукровки – Чубайс, Греф, Клебанов, Браверман, Вольский, Боровой, Кириенко, Немцов, Явлинский, Хакамада, Примаков, Гайдар, Лившиц. Русских людей раздражает, что в адвокатуре властвуют резники, падвы, якубовские, а на эстраде командуют хазановы, жванецкие, шифрины, галкины, якубовичи. «Что же нам, русским людям, делать? – спрашивают себя многие в России. – Смотреть и радоваться за евреев, которые снова живут лучше нас, русских? К тому же эти правители-олигархи ухитряются получать двойные гражданства, что позволяет им уходить от закона».

Юлий Нудельман, спасибо Вам за истину дружескую. Я, русский поэт, еще скажу не раз о Вас доброе слово. Мой русский народ, ограбленный еврейскими и русскими жидами, талантливо мстит негодяям:

У Гайдара нету дара,
Малоумный, гаденький,
Словно вошь из скипидара,
Выползает, гладенький.

Выползает, утомленный,
Отдохнуть надеется,
И такой душок говенный
От премьеры веется.

Изможден ужасной порчью,
На трибуне бычится,
Но теперь он только ночью
По кальсонам тычется.

Народ не прощает грязи, надругательства, жестокости, а русский народ, терпя нищету, обманы и обиды, имеет право на возмущение и суд.

Антирусский Сорос учит наших детей в школах и вузах. Буш, окружив базами Россию, ухмыляется Путину. Итало-американский Берл Лазар избран главным раввином России «голосами 25 из 26 раввинов, 16 из которых не говорят по-русски и являются гражданами США».

Предательство готовит кадры. Предательство назначает на важные должности предателей. Предатели предателей стимулируют предательством и предательство предательство покрывается.

Я хочу заверить Юлия Нудельмана. Юлий, русский народ, полууничтоженный гражданской войною, сумасбродными расстрелами, битвами за идеи Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина, Соловками и Колымою, колхозами и приватизациями, ярлыками и прозвищами, русский народ, до сих пор не отряхнувший со своего горба дармоедствующий сброд, русский православный народ никогда не превратится в антисемита, никогда.

Лозунги «Смерть жидам!» – скорее изобретение дебилов или проворных сионистов: околпачить общественное мнение в пользу бандиту!..

У Сванидзе, дидзе, дидзе,
Голова плешивая,
И притом – от сионидзе
Бороденка вшивая.

Сионидзе, сионидзе,
Не найти плешивее,
Кто, Гайдар или Сванидзе,
На экране вшивее?

Сионидзя и Сванидзя,
Две кинокрасавицы,
Я боюсь, их скоммуниздят
В своей гарем басаевцы!..

И у русских есть русские соросы. И у русских есть русские берлы лазары. Кто сейчас взялся торговать Калининградской областью, разве не русские соросы и берлы лазары? Кто мел пыль на трактах Средней Азии и Кавказа, юля навстречу американским танкам и кораблям, бомбовозам и ракетам, кто? Русские христо-продавцы. Даже предательства Эдуарда Шеварднадзе их не отрезвило. Даже двурушничество Кучмы их не тормознуло.

У палачей и олигархов отечества нет. Их отечество – базар. Их Бог – рынок. Их талант – надувательство. Их дар – валюта; их национальное призвание – громоздкий коттедж и наемные батраки. Какая разница – афганец или китаец на меже у плантатора, какая?!

И еще я хочу сказать Вам, Юлий!

Завтра опять взорвут в Чечне наших ребят русских, юных и красивых милиционеров, но дети олигархов, дети палачей, дети банкиров, дети мерзких политиков не попадут под взрывы, не погибнут в Чечне от пушки и от винтовки боевика. Они, дети преуспевающих негодяев, сидят в театрах, вяляют животики на пляжах, покровительственно щурясь на преподавателей, сдают на отлично зачеты в университетах...

А нищий народ – хоронит нищих сыновей, теряя их в Таджикистане и в Чечне, в Грузии и в Приднестровье, в Донбассе и в Сибири, да и сам, народ нищий, сам гибнет под мраком и обломками домов и зданий, разрушенных гексогенными снарядами. А у вас, Юлий, в Израиле, не так ли?

Я содрогаюсь, когда детишки и взрослые, совершенно ни в чем не виноватые, простые работающие семьи еврейские атакуются огнем и железом со стороны камикадзе, не успевающих образумить себя размышлением: а кого, кого я уничтожаю и за что, за что? Не Шарон же – перед боевиком. И у нас имеются сеятели раздора, и народ мстит им – хотя бы частушками.

Здравствуй, Гриша, милый Гриша,
Ты – Явлинский, говорят,
И тебя за это мыши
День и ночь благодарят.

Я страданье не осилю,
Что за тварь, не разберешь:
Те – пшено, а ты – Россию
Десять лет уже грызешь.

Хамовит, но важен с виду,
Где возникнешь – там урон,
Почему «Звезду Давида»
Не вручил тебе Шарон?

Гриша Явлинский часто визжит на трибуне Госдумы, как Алла Пугачева на сцене: «Антисемиты, фашисты, шовинисты!..» Хронический лозунгист.

Кох:

«Россия никому не нужна, не нужна никому Россия, поймите (смеется)... Какие гигантские ресурсы имеет Россия? Этот миф я хочу развенчать, наконец. Нефть? Существенно теплее и дешевле добывать ее в Персидском заливе. Никель в Канаде добывают, алюминий – в Америке, уголь – в Австралии. Лес – в Бразилии. Я не понимаю, что такого особенного в России?..»

Далее:

«Я, откровенно говоря, не понимаю, почему хаос в России может стать угрозой всему миру. Только лишь потому, что у нее есть атомное оружие? Я думаю, что для того, чтобы у нее отобрать атомное оружие, достаточно десантной дивизии. Однажды высадится и забрать эти ракеты к чертовой матери... армия не в состоянии оказать никакого сопротивления»...

«Бард и бардиха» – на сцене:

Бард:

– Ты такая страшная!
Ты такая страшная!
Не накрашенная, не накрашенная,
А накрашенная, еще более страшная! –

Поседели и сникли отцы,
И плюя им в лицо из-за парты,
Оккупируют наши дворцы
Торгаши, диссиденты и барды.

Будто вышла земля из орбит -
Интеллект плесневеющий выпер,
Что в них больше сегодня хрипит,
Одиночество или же триппер?

Я любимую нес, а пурга
На пути раскидала кудели,
Я ее нарядил в жемчуга,
А глумливыцы невесту раздели.

Вы убили царят и царя,
Жизнь мечтали наладить красивой,
Но свободы и счастья заря
Не простерла крыло над Россией.

Баррикадное пламя и клич
Остывают, грустя у порога,
И разрушивший храмы Ильич
Не заменит нам Господа Бога.

Ты матерый вожак, а не гость
В беспощадных штабах ревсовета,
Так шагни
 по салонам насквозь
В гимнастёрке защитного цвета!..

февраль 2002

**«ВСЁ ПРОРОЧИТ, ЧТО БУДУ
Я БЕССТРАШНЫМ
ПЕВЦОМ...»**

Во имя любви и жизни

Доброта и мужественность, красота и честность. Тысячелетиями природа и общество гранили в человеке эти качества. Суровые мастера – войны за существование и выживание, борьба с голодом и болезнями – выковывали в народах «опорные конструкции», позволяющие сохранять энергию и жизнестойкость. И – постоянный труд – тяжелый, повседневный – в семье, в государстве – чтобы поддерживать огонь жизни, создавать задел будущим поколениям, оправдывать звание человека.

Настоящие поэты, художники, музыканты – драгоценные кристаллы, выращенные временем, камни, ограненные трудом многих поколений народа. Естествознание рассматривает даже неживую природу как результат длительного эволюционного пути, что же говорить о человеке, о тайнах его сознания, о его пути к истине, о «предшественниках» этих озарений и открытий?! Поэт (и художник вообще) принадлежит народу, и горе «зазнавшимся», оторвавшимся от почвы певцам, беда тем, кто уцелел, а народ его пал на поле истории, а трагическая «невстреча» народа со своим поэтом во времени равнозначна наивности дикарей-аборигенов, променявших на стекляшки колонизаторов родовые драгоценности...

Так думаю я, размышляя о судьбе поэта Валентина Сорокина. Талант его – уральская горная река, стремительно мчащаяся по камням жизни, осыпающая холодом прозрачных искр, то шумящая водопадом, то вдруг стихающая на равнине, но всегда наполненная целебной водой живого слова. Талант его – обжигающий, ревущий огонь мартена, и спокойный, прирученный огонь

деревенской печи, и – костер в лесу, ласково согревающий влюблённых, искавших уединения и уюта в одинокости жизни. Талант его – ветер странствий, беспокойства, ветер беды и горя, славно погулявший над Русью XX века, ветер, летящий от древних славянских курганов до заброшенных русских обелисков в опустелых деревнях «неперспективной России»...

Березы, желтые березы,
Тоска обветренных полей!
Едва я сдерживаю слёзы,
Следя за стаей журавлей.

Вон машут крыльями печально
Сквозь ночи длинные и дни,
О как тревожно,
 как прощально
Кричат над сёлами они!

Написал это молодой, двадцатидвухлетний парень, в других стихах чуть бравирующий своей, тяжело добытой самостоятельностью («мы – простые парни, работяги, дышим вечным пламенем отваги»), конечно же, знающий Маяковского, но влюблённый в полузапрещенного Есенина... «Я последний поэт деревни», – рязанский пророк оказался прав, пусть даже родное его Константиново уцелело. А вот казачий хутор Ивашла (и еще около 70 других из одного только Зилаирского района Башкирии, откуда родом Валентин Сорокин) сгинул, растворился после Великой войны. Журавли потеряли ориентиры – вырублены леса, пропали болота – некуда им возвращаться. Да и не нужны они теперь – на всякую перелетную птаху «цивилизованный человек» смотрит сейчас взглядом даже не охотника – ветеринара... Но кто же угодней Богу – ни в чем не повинные птицы, или так называемый «царь природы», променявший доброту на жадность, мужественность на бесполость, красоту на «стильность», а честность выкорчевавший у себя из души с корнем?!..

* * *

Что есть поэт? Как должен жить писатель? И для чего человеку дано слово? – простые, повседневные вопросы, и, кажется, что ответы на них давно известны, но почему же человечество так заблудилось, сбилось с пути, устраивая жизнь на планете Земля? И почему народы, достигшие высот в искусствах, так быстро покидали «историческую сцену» – словно бы они выговаривали, выбалтывали главную тайну своей жизнестойкости?

Вечер теплый, вечер снежный,
Вечер лунный и большой.
Как мне быть с такою нежной,
Непослушною душой.

То поёт она, то плачет,
То звенит во тьме густой.
По равнине
 тройкой скачет,
В небесах горит звездой.

В московском метро взгляд мой упал на иллюстрированный журнал в руках немолодой, скромно одетой женщины. На фотографиях – свадьба в Кремле – дочь олигарха выходит замуж за сына бизнесмена. Четыре фургона подарков, загородный дом, квартира в два уровня в центре Москвы, друзья «скинулись» и купили дорогой автомобиль... Наверное, молодожены, задаренные роскошной недвижимостью, не менее счастливы, чем поэт, который написал такие стихи. Но богатый жених, увидев, что назойливые журналисты пытаются фотографировать свадебный кортеж, остановил машину и слегка «помял» оператора с телекамерой. А поэт богатство своей души нерасчетливо тратит на всех: состоятельных и бедных, святых и грешных, завистливых и щедрых.

Молодые, но уже не юные, жених и невеста вряд ли задумываются – по труду ли им почести. Как же, папы «заработали»... А я вспоминала село Рассказово в Тамбовской области. Сельский

клуб. В зале – местные жители, интеллигенция. Был литературный праздник, посвященный юбилею Сергеева-Ценского – писатель родом из этих мест. И как бы не пытались люди принарядиться к торжеству, придать своим лицам соответствующий «вид», печать тяжелого, неизбывного труда лежала на них. И в этой, сильно про-реженной войнами и реформами, местности основная тяжесть удержания государства покоилась на их плечах – надо было растить детей, содержать семьи, ходить на выборы и обеспечивать «явку», и просто составлять часть усталого, но всё ещё большого народа, который называется «русские». Но на этих, с рыночной точки зрения, мало удачливых людей можно было положиться в любой беде, в любом деле. А на тех, кто гуляет свадьбы в Кремле?! Нет, они не на что не годны – люди для сериалов, для глянцевого журналов. Бабочки-однодневки.

Подайте саблю!..

Вот – рука моя:

Да здравствуют мятежные края,
От Красной Пресни до твердынь Китая!
Встань ты, Русь, единая, святая,
И мы придем голодный люд утешить -
Прорабов перестройки в сейфах вешать
С банкирами, а из политбюро
Ловить просионистских проститутток,
Кормить одной идеей десять суток
И кока-колой сполоснуть нутро!

Русские терпеливые люди – не быдло. Быдло – поэтики и писателишки, завернувшиеся в простыни «мифа», спрятавшиеся в нишу «вне политики», пригревшиеся под рясами церковных иерархов (глядишь, и в рай въедешь!), разливающие сладкие моря «патриотического еля» и ядовитые реки «либеральных свобод». Но – кто как живет, тот так и пишет, – говорит нам Валентин Сорокин. И я лично преклоняюсь перед его мужеством и отвагой – в самые суровые и безотрадные годы для России он не дипломатничал

перед врагами, не кланялся державному вору, не прогибался перед «победителями», не искал приюта у сомнительных батюшек, а всегда воевал за истину, за то, что ему дорого в слове. Зачастую оставаясь почти в полном одиночестве. Ну и что же?!

В миг, когда и я теряю силы,
Если рядом нету никого,
Я касаюсь мысленно могилы
Прадеда и деда моего.

Разве я не пил страданий чашу,
Завтра снова ей не пустовать, -
Кто-то должен за Россию нашу
Под прицелом недруга вставать.

Пахнет в мире порохом и кровью,
И не зря твержу я наизусть:
“Я клянусь терпением и любовью,
Вечным светом Родины клянусь!”

Травами клянусь и небесами,
Как бы доля не была горька,
И еще – огромными глазами
Той, что ждет меня издалека.

* * *

Есть уникальный талант – слышать даже не слово, а его зов, и идти ему навстречу, может быть, даже пренебрегая гибелью. Как это непохоже на словосочетания «профессиональный литератор», «писательский труд» и т.п.! Зов слова – это такой же голос, который манит альпиниста на вершину, а первопроходца в неоткрытые земли. Он, наверное, обманчивый, этот зов. Но он добавляет столько красок в самую серую и беспросветную действительность! Этот

зов похож на зов правды, совести. Но какое это имеет отношение к «литературоведению», «жанру» и «форме» произведения?!

Язык, слово – своего рода кровеносная система народа. А поэзия – «концентрат», ступок энергии и смысла, может быть, главная составляющая этой крови.

У Валентина Сорокина есть книга очерков «Крест поэта», посвященная погибшим певцам русского слова. Отнятому на долгие годы у русского народа Есенину. Расстрелянным Павлу Васильеву и Борису Корнилову. Безвременно погибшим Николаю Рубцову и Вячеславу Богданову. Отдавшему лучшие годы жизни колымскому заточению Борису Ручьеву. И – многим, многим другим – Павлу Шубину, Дмитрию Кедрину, Дмитрию Блыньскому, Николаю Анциферову... Национальные поэты умирали вместе со своим народом. А по кровеносной системе, внедряясь в сердце и мозг, плескалось чужое слово. Оно переставало способ жизни, систему восприятия, целеполагание. Известный специалист в области квантовой генетики П. Гаряев доказал: слово имеет геномодифицирующую роль. Чужое слово сродни наркотику. Мертвое, лишенное эмоциональности, оно – яд, разрушающий душу тоской бессмысленности. Расчетливое слово, построенное на продуманных образах, – информационное оружие, с помощью которого берут в плен народы и государства.

Перерождение слова – высшей генетической структуры – ведет к перерождению и вырождению народа. И только возвращение русского слова – в книгу, в газету, на радио, телеэкран может дать нам надежду на возрождение страны.

Изрядная доля марксизма и космополитизма, цинизма и бездумного оптимизма, влитая в жилы русского, да и других народов, безродной, лишенной почвы, еврейской интеллигенцией (самой «интеллектуальной» частью нашего общества), крайне пагубным образом сказалась на самосознании, самоощущении и жизнестойкости русского народа. Лев Гумилев по этому поводу высказался прямо: «Существует принципиальная некомплементарность отдельных суперэтнов между собой». И впрямь: русские перестают быть русскими, стремительно превращаясь в русскоязычный,

рыхлый народ, готовый к любым манипуляциям, неспособный к защите исторических святынь и собственных детей. Русские перестают узнавать русских, радостно «угадывая» в Высоцком нового Есенина и принимая брэнчание Окуджавы за голос «совести нации». И напротив, чужеродной и раздражающей кажется ослабленному народу удаль Павла Васильева, основательность и четкость Василия Федорова, романтичность Владимира Луговского. Точно так же больного, угасающего человека раздражают здоровая бодрость и сила, энергия и красота. И, напротив, увечность, ущербность кажутся нормальными, «своими» качествами.

И вот уже русские девочки радостно изображают в обмен на известность «нетрадиционную любовь», а русские мальчики покорно суют голову в пивное ярмо, оплачивая своим здоровьем и временем новые олигархические утехы... Жертвы истории, «отработанный материал». А молоденькая журналистка, вчерашняя медалистка, студентка МГУ, собранная, нацеленная на успех, работу и карьеру, приносит заметку с молодежной художественной выставки: «У входа в один из залов нас встречали двухметрового роста шахидки с хлебом и солью на подносах. Это любопытно...».

Но разве эти дети виноваты?! Их папы и мамы – компьютеры и телевизоры, их дяди и тети – тусовки и дискотеки. Они живут вторичными эмоциями, произведенными гигантскими «фабриками грез». Они, может быть, даже и не подозревают, что совсем недавно у нас были другие девушки и юноши, другие радости и горести:

Ах, любовь, багряная душа,
Солнышко над рощею заречной,
Знаю, оттого ты хороша,
Что всегда, как сонь, недолговечна.

Я печаль-кручину разобью,
В доме окна все поотворяю,
Если спросят, почему пою,
Я отвечу: – Милую теряю!..

Ливневую прозолоть волос,
Родинку под белым вздохом тканей,
Ту, что мне приметить довелось
В вихревом кружении свиданий.

Пусть она встречается с другим,
Я, пожалуй, с горя не повешусь.
Завтра вновь по далям дорогим
Над своим пророчеством потешусь.

Я пока не очень знаменит,
Верю свято в девичьи поруки,
Но не зря село моё звонит
В крутолунный колокол разлуки.

И в слепом сочувствии права,
Под горой, за омутною чашей
Старая и добрая сова
Молодость оплакивает нашу.

Неужели «патлатые твари» победят красоту?!

* * *

«Его характеристики настолько резки и смелы, что порой даже страшно становится за автора. Как же сильно наболело у него на душе, как же обидно ему за свой народ, так безвольно отдавший себя в руки предателей!», – удивлялся Максим Замшев, главный редактор журнала «Российский колокол», рецензируя двухтомник публицистики Валентина Сорокина («Обида и боль», «Отстаньте от нас!..»), где поэт достаточно много места уделил «патлатым тварям». Да, мужество поэта – поразительно. Мужество – фундамент доброты и честности, красоты и отваги. В слове. В жизни. В судьбе.

«Ну, русские, не стыдно ли нам терпеть грязь, изрыгаемую на нас чахоточными казнителями красоты русской?! Ну, русские, не холуями ли мы прослыть в мире надумали? Не рабами ли выгнули спины мы, потомки Евпатия Коловрата и Дмитрия Донского, мы, современники по веку Зои Космодемьянской и Александра Матросова, мы, чьи бескрайние равнины и холмы освещены серебристыми крестами и обелисками?! Мертвые не выдерживают – восстают!»

Кричи не кричи, зови не зови – в ответ тишина. Ну, разве что баба какая в романе Валентина Распутина пальнёт в кавказца... Но пусть кавказцы торгуют нашей «марковкай», а татары строят мечети хоть на каждом московском углу – они не лезут в наши выставочные залы и в наше слово, они берегут своё, и пренебрежительно относятся к нам (наиболее умные – сочувственно), к русским, растерявшим своих мужчин, не сберегших своих мудрецов, поэтов и воинов:

Я верных жду, за мною нет погони:
Рабы вздохнуть свободно не хотят,
И потому расседланные кони
Без нас в туман погибельный летят!..

На либеральной радиостанции «Эхо Москвы» Алексей Венедиктов вместе с коллегой женского пола обсуждает проблему: полмиллиона девушек вывезено за годы реформ из стран СНГ в мировые бордели. Венедиктов не верит в эти ужасы: «Какая-то жуткая цифра! Торговля людьми, дикость, быть этого не может!» Его собеседница пытается спорить: «Девушек обманывают, приглашают за рубеж в качестве горничных, официанток, воспитательниц, а там отбирают паспорта и принуждают к совсем иным занятиям». «Ну, я всё равно не верю. Пусть хоть один радиослушатель позвонит, которому известны такие случаи из своего ближайшего окружения».

Телефонный звонок. Мужской голос с кавказским акцентом рассказывает, что ему во множестве встречались такие девушки в Турции, но они, мол, местной полиции говорят, что жертвы

обмана, а двинулись в данный «бизнес» добровольно... «Вот видите!» – ликует Венедиктов. Дело разрешилось просто и в рамках демократического выбора – порочные славянки сами устремились в бордели, ни власть тут ни при чём, ни мужчины, ни уж, тем более, либеральная пресса...

Трудно представить более омерзительный и оскорбительный «диалог», чем этот. О, нет сегодня ни в литературе, ни в политике, ни в науке, ни в культуре больше дефицита, чем русская мужественность, ставящая глумливых подонков на место!.. Нет мужчин – и самые красивые женщины вместе с нефтью, газом, золотом и алмазами отданы для удовлетворения сиюминутных потребностей похотливых тварей. Нет мужчин – и невинных русских детишек продают «на органы». Нет мужчин – и мы терпим наш СПИД-носный теле- и радиоэфир. Нет мужчин – и новых, увы, родить не от кого. И некому – деградация мужчин приводит к «омужичиванию» женщин – вся страна одета в турецко-китайские штаны, вся держава одинаково курит, матерится, а в дни коротких радостей отчаянно пляшет под залихватские песни Верки Сердючки...

Русский публицист Михаил Меньшиков в 1918-м году, незадолго до своей трагической гибели (расстрелян ЧК на глазах у своих детей), писал в дневниках: «Общая причина слабости и упадка народов – женственность, преобладание женских душ, трусость – социальная и нравственная». Имам Хомейни, лидер Иранской революции, высказывал сходные мысли в «Персидских письмах»: «Народ, численность которого падает ниже известного уровня, прозябает потом в том же положении, а если паче чаяния и возродится, то для этого нужны века». Наш современник, ученый Владимир Базарный, предупреждает: «Беда ожидает тот народ, ту цивилизацию, которая перестанет воспитывать мужество у своих мальчиков. В среде этого народа поселяется страх, парализуется воля, растёт хаос в духовной сфере. Без мужчин – нет народа...»

Валентин Сорокин – и своим творчеством, и своим поведением, и своей судьбой утверждает не показную, а настоящую мужественность. Кто герои его поэм? Евпатий Коловрат, Дмитрий Донской, Емельян Пугачев, Степан Разин, Георгий Жуков, Игорь

Курчатов. Кто герой его стихов? Человек самостоятельный, ищущий, думающий, собранный, целеустремленный, внимательно вглядывающийся в жизнь. Нет, его не надо «подпирать» сравнениями с великими и славословьями именитых критиков, он сам о себе всё скажет:

Я славянин, и стать моя крепка,
И вижу мир я добрыми очами,
За мной летят сказанья сквозь века
И затихают рядом, за плечами.

В 24 года написано! А многие ли из современных литераторов (ах, это информационное общество! ах, приобщенность к мировым колодцам знания!) могут похвастать такой уверенностью самоощущения, такой прочностью мировоззрения, такой убежденностью и мужественностью! А чувство исторического времени?! Будто и не было предыдущих веков! Киев – наш. И Белая Русь – наша. И всё славянство – с нами!

Да, имея рядом такой образец для подражания, как-то по-другому видишь и жизнь, и её ценности, и, так сказать, «конечную остановку». На Минской международной книжной ярмарке один из поэтических вечеров проходил в магазине «Светоч». В толпе зрителей я услышала: «Русский тут один, – пожилой человек показал своему товарищу на Валентина Сорокина. – Его и со спины видно...».

Радоваться ли этому одиночеству?! Нет, грустить! К творчеству Николая Рубцова, чей 70-летний юбилей громко был отмечен, я отношусь уважительно, но спокойно. К трагической гибели его – сочувственно. К хору многочисленных хвалителей поэта – настороженно. Мол, народный поэт, столько музеев ему открыли, и не случайно своей судьбой он как бы предвосхитил судьбу русского народа... Точно – предвосхитил – баба задушила мужика. Все прилавки завалены книгами, написанными «авторами детективного жанра». Преимущественно женщинами, повествующими о маньяках, убийцах, садистах и удачливых, ироничных сыщиках...

Допустим, за этих дам пишут «литературные рабы». Но «первые номера» либеральной прозы – Улицкая, Петрушевская, Токарева, Толстая – я уверена, творят сами. И совершенно неженский, непосильный для «слабого пола» роман «5/4 накануне тишины», опубликованный в журнале «Москва», Вера Галактионова, гордость современной русской литературы, тоже написала без мужского участия. И высота этого творения, честно скажу, для меня пугающа – и своей масштабностью, и мощностью разрушительной силы. Уверена: не упади в нашей жизни и в литературе мужская отвага ниже критического уровня, женщины создавали бы совсем иные произведения. Колыбельные песни, например...

* * *

Пил или не пил Есенин? Пил или не пил Рубцов? Гражданское поведение поэта – частность... В русской литературной среде пьянство считается за лихость, за невинную шалость. Более того, это наиболее проторенный путь в классики! Безалаберность жизни выдается за свободу, безответственность – за «творческое самовыражение». Норма существования – нищета, «острые ощущения» (иногда наркотические, чаще – алкогольные), желательны любовная беспорядочность и полная неустроенность быта, суицид или хотя бы его попытка... А высший подвиг поэта – смерть в безвестности под забором.

И мы не замечаем, что эту «программу» жизни русского творческого человека давным-давно навязывают и диктуют нам антирусские манипуляторы. Им выгодны «тихие поэты», «нищие поэты», а самое главное, мёртвые поэты! Но они никогда не признают человека не только талантливого, но и устойчивого, самостоятельного, национально грамотного и бесстрашного. В 1963 году Валентин Сорокин писал в стихотворении Льву Троцкому:

Это ты, в революциях скорый,

Потерявший родительский кров,
В золоченые наши соборы
Лошадей загонял и коров.

Никто ведь за язык не тянул! Была же конъюнктура – один-разъединственный несчастный народ, воспетый Евтушенко двумя годами раньше в «Бабьем Яре», причем же тут золоченые соборы и скорые революции?!

Любопытно, что «программу» для «своих» художников и поэтов хозяева современной информационной жизни рисуют совсем другую: блестящее образование и окружение, долгое, благополучное, обеспеченное существование (возможны, правда, гонения от власти или от режима), слава обильная и прижизненная, путешествия по странам и континентам (тот же Евтушенко – типичный образец «либеральной карьеры»). Но дело даже не в этом. Во-первых, русских стало слишком мало, чтобы позволять себе роскошь быть беспечными пьяными дурачками, во-вторых, всегда, во все времена, кроме истины юродивых была истина народных вождей. А в-третьих, трава никогда не заменит дерево, хотя и без травы жить невозможно.

Россия! Голову я поднял!
И слово выгранил, как меч.
Убереги меня сегодня,
Ведь завтра – некого беречь...

Вот и Лев Гумилёв, читая современную ему литературу про «амбивалентных» рефлексирующих героев, холящих своё эго, говорил: люди даже не подозревают, что лет сорок-пятьдесят тому назад в чести были совсем другие качества – отвага, удаля, мужественность... Легко плыть по течению, оправдывая свою слабость обстоятельствами несчастной жизни (а у кого она счастливая?), легко не отвечать даже за себя (не говоря уж о других), легко быть невесомым опавшим листом, летящим по воле ветра. Трудно быть в жизни работником и защитником, опорой и надежей, кремнистым

дубом, у корней которого так недальновидно и увлеченно копаются крыловские свиньи: Сорокин де, не наш, отказывается сражаться на баррикадах недвижимости! Но еще 4 года назад, поэт, отвечая на вопрос журналиста: «Недавно был опубликован “Манифест” – призыв к объединению известных литераторов. Ваше отношение к этой идее?», заметил, что «что процесс объединения надо вести державной рукою, негрубо, но властно и красиво».

И далее: «Надо начинать не с этих похлебок недосоленных – какой-то “Манифест”, написанный со скрипом, нужный только лицам, его подписавшим. А если бы в этом манифесте было так: столько-то издательств отобрано, столько-то разрушено, столько-то домов творчества разворовано, столько-то продано. В чьих руках эта собственность? Надо сначала опубликовать список, кто где сидит, кто чем распоряжается и кто что ворует. А потом речь вести о манифесте. А то может быть так: воры объединятся, а нам будет еще хуже. Потому что физиономия литолигарха очень часто похожа на физиономию Березовского».

Пророчество? А может быть, просто честность? «И полдень взлетит, голубея, / К зениту на крыльях тугих. / ...Нет, я не сильней, не слабее, / Я – только стыдливей других».

* * *

Высоту и величие эпохи мы будем измерять её вершинами. А что скажут о нашем времени?!.. Да и будет ли оно – время – после нас?!

В метро на стене вагона реклама: производители зубной пасты изменили внешний вид тюбика (теперь это не тюбик, а баночка). «Еще более удобно и красиво», – заывают они покупателя. Вдумаемся: неужели человек должен был много лет учиться (высшее образование обязательно!), расти, думать, страдать, чтобы его профессиональной деятельностью стал дизайн тюбиков (кефирных флаконов, конфетных оберток, рекламных слоганов и т.п.)?! Неужели всё остальное человечество должно было проделать столь

тяжелый исторический путь, чтобы оказаться перед тяжелым выбором: зубная паста в тюбике или в баночке? Баночка синего цвета или белого? Маленькая или большая?

Мне кажется, что именно «гуманитарная культура» (культура слова, духа, идеи) завела человечество в тупик, а не производители ядерных бомб, любознательные биологи-клонисты и разработчики генетически-модифицированных кур. Любимая идея либералов превратить землю в большую обжираловку (две трети населения работают в сфере обслуживания) сделала ненужной дальнейшее существование человека мыслящего и любящего. Действительно, зачем мысли охраннику (у нас, наверное, нет ларька, где не было бы охраны), продавцу газет, гамбургеров, зубной пасты (и других модификаций тюбика), да и множества других современных профессий, где нет не только творчества (это еще куда ни шло, у солдата не посту тоже нет «творчества», зато есть сопричастность, долг, честь), но, по большому счету, и смысла?! Ведь не может же быть смыслом обмен времени твоей жизни на некоторое количество денег, которые будут обменены на пустые, на 90 % ненужные вещи и услуги? Трагедия в том, что труд – осмысленный, творческий – больше не нужен ни тем, кто правит Россией, ни тем, кто «рулит» Западной цивилизаций. И люди не нужны – если их будет меньше, другим будет только вольготней (писатель Геннадий Старостенко как-то заметил, что все мы, земляне, богатые и бедные, давно уже бомжи – живем на планете-свалке). И зачем тут какая-то «поэзия»?!. Кстати говоря, «успешность» литератора (по новобуржуазной мерке) ныне первый признак глубокой бесполезности создаваемой им продукции.

Наша современная культура – это постоянная рассосредоточенность, отсутствие отбора, вседозволенность. Выросла новая генерация людей в условиях массовой культуры, где всё разрешено.

Слово моего поколения – иссякающий родник. При виде свежего ручья все мы приободряемся: радостно, есть таланты, не погибла Россия! Но всё это до времени. Все мы присутствуем при какой-то величайшей трагедии уничтожения человечества, тихой, невидимой, при схватке синтетических и настоящих начал

(последние – невинно-бесхитростны), и, кажется, спасения нам не видать.

Перед молохом обесчувствленной цивилизации живое, выстраданное слово кажется голосом кукушки в далеком летнем лесу. Кукушка пока еще щедро отсчитывает года, но в аду мегаполисов слышен только гул и сирены машин. И все мы – чуть-чуть машины, в любую минуту готовые оказаться на свалке истории, мы, утратившие ощущение времени, потерявшие чувство пространства, а зачастую, и родства. Вместо «призвания» мы говорим «карьеру», вместо «известности» – «пиар», вместо «любви» – «отношения». Большинство современных произведений демонстрируют разруху души автора, и часто не делается даже попыток для ее собирания. И это не духовная лень, а начало паралича.

Но еще предвоенное поколение – наши сегодняшние старшие современники – отличала величайшая сосредоточенность, собранность и воля. И разве эти качества, помноженные на доброту и совесть, не придавали слову настоящих писателей истинную религиозность (вне зависимости от официального атеизма)?!

В 1967 году Валентин Сорокин пишет стихотворение «Ты пришел»:

Ты пришел из долин
Золотой,
 как огонь,
 Палестины,
Большелобый и добрый,
Наивный Христос:
«Все мы братья во чреве
И все перед смертью едины!»...
И тебя
 с благодарностью мир
Над собой превознес.

В этой балладе оказались удивительно пророческие для нашего времени строки:

Дух нечистый везде
Одинаково ловок,
И тесня бедноту
У крамольной черты,
Он твоим же, господь,
Врачевательным, искренним словом
Затыкает несчастным
Голодные рты.

О, разве количеством открытых храмов измеряется вера народа?! Разве мученически погибшая за родину комсомолка Зоя Космодемьянская – не святая? И многие ли из ныне усердно молящихся, кладущих поклоны, кающихся и лукаво исповедующихся, готовы повторить её подвиг? И почему же обворованные четырьмя созывами Федерального Собрания (и многими составами послеперестроечных правительств) старушки должны находить себе утешение только в долгих церковных службах?! Разве одним смирением и коленопреклоненной покорностью русский народ завоевал себе родину от моря до моря?! Неужели Союз писателей должен быть благодетельней, собранием юридивых, каликов переходящих, занятых ловлей меценатов?! Разве Бог послал нас в этот мир для нравственного и телесного самоуничтожения, а не для поиска истины и справедливости?! Разве, в конце концов, самой нашей Церкви не нужен сильный и крепкий Мир?! И разве Церковь (армия, тюрьма) не равна, как правило, самому Миру?! Писатель может и должен верить в Бога, но в этом жестоком мире не Церковь ему помощница, а он – ей. Никто нашу работу за нас не сделает. И, может быть, одно из самых больших жизненных наказаний – не написать то, что должно, не успеть выразить себя, сдипломатничать, схитрить, разменять свой талант на жизненную мелочь.

В 1977 году Валентин Сорокин, коммунист и номенклатурный работник (главный редактор издательства «Современник»), опубликовал в одном из журналов драматическую поэму «Дмитрий Донской». Это произведение – жемчужина в поэтической короне

России, одно из совершенных эпических творений. Во времена обязательного и навязчивого атеизма в поэме перед читателем предстал Сергей Радонежский, благословляющий русского князя на битву:

Благословляю, ты иди,
Вперед, а не назад гляди,
Иди, Мамаю победи:
С тобой сам Бог,
С тобой народ
Да не иссякнет русский род!
Не время жить, не время тешить
Себя враждой,
Нас будут вешать,
Нас будут жечь,
Нас будут сечь,
Себя сберечь – нас не сберечь!

И что же? Тогда – грозили служебными и партийными репрессиями, а наиболее рьяные аппаратчики отслеживали походы поэта в Троице-Сергиеву Лавру – чтобы сильно к святым мощам не приближался. А теперь? Церковные иерархи наградили орденом Дмитрия Донского казнителя русского народа Бориса Ельцина.

Как говорится, Бог им судья...

* * *

В insultном отделении 1-й Градской больницы умирают нищие старики. В палатах и коридорах – на всех не хватает мест. Вновь прибывшие лежат даже на стульях – пока скорбная каталка «ногами вперед» не освободит больничную постель.

С этим можно смириться – смерть есть смерть. Но нужно ли смиряться с теми, кто сумел «устроиться» в нашем подлом времени

за счет этих нищих, проработавших всю свою жизнь на иностранные спортклубы и гоночные яхты, на роскошные виллы и прочие атрибуты «красивой жизни» олигархов?!

В России в прошлом году полмиллиона человек умерли от кровоизлияний в мозг (инсульты), еще 600 тысяч – от ишемической болезни сердца. Академик Чазов говорит, что во всём виновата артериальная гипертония – сосуды не выдерживают нагрузки. Даже подростки стали мучиться давлением. Не удивительно: «Дети сидят у телевизоров и компьютеров...»

Прав ли академик? Прав. Но дети и взрослые, сидящие у телевизоров и компьютеров, едущие в метро и поглощающие информацию о «баночках с зубной пастой», читающие книги и газеты, слушающие радио, повествующее о порочных славянках, идущие по улице в окружении рекламных щитов, разве не соединены все они единой кровеносной системой – языком, словом? И разве не перерождение слова, омертвление его, вливание изрядной доли циничного, отравляющего яда в сосуды единого организма – народа – приводит к инсультной и сердечной смерти многих и многих?! Нигде в мире нет подобного! А ведь государству мы платим налоги, в том числе и для того, чтобы оно нас защищало от культурного мусора, от растлительной информации.

В России, как в зоне взрыва ядерного реактора, спасутся те, у кого есть очищающие «фильтры». В мире уцелеют те народы, у которых достаёт мужества и честности беречь сокровенные слова и смыслы родных языков. Но во имя чего нам дана жизнь? Во имя красоты, помноженной на доброту – то есть любви. Чувства, которому поэт Валентин Сорокин подарил, может быть, самые свои вдохновенные строки.

В творчестве большого поэта есть всё. Духовная жизнь, выраженная в слове, почти совершенна. Большие поэты – это сгусток, «концентрат» национальной энергии «здесь и сегодня». Пушкин пишет «Я помню чудное мгновенье...» и «Полтаву», «Сказку о попе и работнике его Балде» и «Бориса Годунова». Лермонтов: «Выхожу один я на дорогу...» и «Мцыри», «Герой нашего времени» и «Маскарад». Женщинам хватило бы у Есенина для чтения «Руки

милой, пара лебедей...», а у него – «Анна Снегина», «Пугачёв», «Черный человек»... Слияние мощных эпических и лирических начал всегда было свойственно большим русским поэтам – эта особенность рождена великими русскими пространствами, которые нужно было охватить, соединить в слове.

Еще молодым Валентин Сорокин писал, что «Поэт без поэмы – царь без короны». И дар его получил прекрасное воплощение в эпических произведениях: «Красный волгарь», «Обелиски», «Бессмертный маршал», «Евпатий Коловрат», «Золотая» и др. Он всегда ощущал себя воином, «правнуком Бояна», всегда знал о своём высоком предназначении:

В звуках вешнего гуда
То ручьем, то птенцом –
Всё пророчит, что буду
Я бесстрашным певцом.

А позднее, уже будучи седым, много пережившим поэтом, он напишет: «Мы воины отрядов неподвластных, / Мы лжецарям обиды не простим: / И отомстим за матерей несчастных, / И за невест пленённых отомстим!»

И словно бы «уравновешивая» эту мужественность, смелость, отвагу, бесстрашие, лирические стихи Валентина Сорокина отличаются удивительной добротой, нежностью, щедростью, доверчивостью. Признания его потрясают своей искренностью:

Я тебя так любил,
Я тебя так берёт,
Свет очей твоих пил,
Целовал твой порог.

Все его книги – в любые времена – начинались лирическими циклами. И что за женщина, чудо-славянка, восходит с этих страниц! «Ты танцуешь – цветастая шаль. / Крылья птицы, движения птицы. / И во взоре горит, и струится, / И звенит украинская даль».

И даже в ссоре, когда «не к месту кокетство твоё», поэт красив и благороден:

...Ты перестала быть моей царицей,
Я запретил тебе повелевать.

Валентин Сорокин всегда много работал, и книг, которые он написал (стихотворных, прозаических и публицистических) с лихвой хватило бы на 5-6 хороших поэтов. Щедрость дара!.. «Могучее восхождение Валентина Сорокина» назвал свой очерк Александр Байгушев, задавшись в нем вопросом: «Умеем ли мы по-настоящему оценить свое национальное достояние, своих корифеев?» И, вспоминая о конце 60-х, когда поэт появился на заседаниях «русского клуба», критик пишет: «Видно было, что такой стену прошибет головой, а молчать да на паперти милостыню просить не будет». Так и вышло...

Соединяя в своем творчестве доброту и мужественность, красоту и честность поэт восполняет дефицит этих качеств в современном мире. Повседневный духовный труд результат которого – слово, может быть, самый тяжелый из всех возможных... Книгу «Крест поэта», где собраны очень глубокие, зрелые размышления о настоящем и будущем России, Валентин Сорокин посвятил Сергею Есенину. Удивительны слова посвящения: «Сергей Есенин – воюющий поэт! Он стоит на рубежах великой русской культуры. Через его слово не проползет ни один нарушитель, ни один предатель. Трепетным светом он обнажит и покажет их лживое обличье своему народу».

Эти слова можно отнести и к самому Валентину Сорокину. Он – воюющий поэт, и слово его – светлое. Врачующее, лечащее душу, возвышающее человека. Слово его – одна из тех тайн, которая всегда будет давать нам надежду: ни одна наша «концепция», ни одна интеллектуальная «постройка» никогда не сможет объяснить чудо рождения истинной поэзии. И если русский народ соберется, сосредоточится, вернет былую мужественность новым поколениям своих защитников, то слово Валентина Сорокина будет словом поэта-победителя... Да будет так!

Пусть главное останется в сердце

Литературному институту – 75 лет!

...Вспоминаются мелочи и курьезы. Ну, например: творческий семинар – на третьем или четвёртом курсе. Нас – жалкая кучечка. Кто-то не приехал, кто-то проспал, а кто и рукой махнул: «Что мне там делать!...» «Дневники», которых Киреев обычно соединял с нами, к этому времени окончательно потеряли интерес к писаниям заочников (верховодил среди них Данила Давыдов), и не тратили время на бесплодные дискуссии – было ясно, что наши литературные дороги разошлись навсегда. Мастер задумчиво обводит аудиторию взглядом, потом погружается в список. Наконец говорит мне (я была старостой семинара):

– Лида, я вижу, у нас сегодня гости?

– Какие? – на всякий случай оглядываюсь. Нет, все наши.

– Да вот же, – настаивает Киреев, – молодой человек к нам присоединился.

Народ начинает хохотать: «неопознанный объект» – Игорь Зайцев. К сессии он выкрасил волосы в ярко-золотистый цвет.

– Руслан Тимофеевич, – говорю я, – это наш Зайцев из Нижнего Новгорода. Наш, родной. Он никакой не гость, а законный участник учебного процесса.

Зайцев мрачно кивает головой.

Киреев прищуривается, поправляет очки и устремляет внимательный взор на «гостя». Размышляет:

– Игорь, Вы так изменили свой имидж, я Вас даже не узнал... Скажите, – мастер оживляется, лицо его озарено улыбкой

надежды, – эти внешние перемены как-то повлияли на Ваше творчество?!

Весёлые у нас были семинары, что и говорить. Света Руденко, жительница города Луганска, в самый последний момент, вместе с преподавателем, вбегает на лекцию. Запыхалась, шепчет: «Ребята, я прямо с поезда, даже в общежитие на заходила... Как Москва, как жизнь? Вы меня извините, но я не поняла: Пушкин на месте? А то у вас тут столько перемен!» «Что ты имеешь в виду?» «Памятник Пушкину стоит ещё? Выскочила из метро – верчу головой туда-туда – ничего не вижу. Ну, думаю всё – и до Пушкина добрались!..»

Той же Свете надо было досрочно сдать экзамен преподавателю К. Она осталась после лекции, договорилась с ним о времени и месте. Света хорошо училась – помогало то, что Луганский филфак она окончила с красным дипломом. Рассказывает: «Стою, караулю К. у главного корпуса. Выходит. Я к нему: экзамен Вам сегодня досрочно сдаю, помните? Он на меня дико глянул, и как кинулся в кусты, которые возле памятника Герцену растут! Я – за ним, по грязи, по лужам. Кричу: куда же Вы? А он через кусты как лось продрался, шмыгнул в калитку, прыгнул в троллейбус и был таков! Что бы это значило?!» – недоумевала Света. «Наверно, он твоих знаний боится», – подкалывал её уфимец Юра Горюхин.

Была на курсе тройца – «гиганты мысли». Ольга Тузова, Людмила Вязьмитинова и Андрей Шашков – эти гении интеллекта знали, казалось, всё. Они и на лекциях вместе сидели, и разговоры вели недоступные для массового студенческого сознания. Мы, простые смертные, относились к ним с глубочайшим уважением – в безвыходной ситуации наши знайки и списать дадут, и милосердно подскажут.

Но встречались и другие крайности. Как-то в один день поставили нам два экзамена. Философию профессору Зимину сдавали мы на первом этаже, а экзамен по русской критике С.М. Казначеев принимал наверху, в зале. Студентка В. прибежала в самый разгар процесса – часов в 12. Видит – внизу толпа. «Как принимает?»

«Нормально, в настроении сегодня». «Я иду, пустите, мне побыстрей надо!» Влетает в аудиторию, тащит билет. Ей достались позитивисты – Конт и Спенсер. «Меня, честно скажу, вопрос насторожил, – рассказывала нам потом В. – Странные фамилии для экзамена по русской критике. Ну, думаю, нельзя же объять необъятного – наверное, не дочитала, что-то пропустила. Села, чувствую – в голове полный вакуум. Прошу наших: дайте списать! И мне Рома пихает под столом огромную книженцию – страниц в семьсот – «Справочник по философии». Я говорю: зачем мне это? А он: другой нету. И тут до меня начинает доходить... Ужас... Сердце даже в пятки упало... Я у Ромы спрашиваю: это какой экзамен? Он: что? Экзамен, говорю, по какому предмету? Рома глаза выпучил и говорит: по философии.

Что делать? Я, как честный человек, встаю, подхожу к преподавателю и признаюсь: извините, но я перепутала аудитории, мне нужно на экзамен по русской критике... А он стал хвататься за сердце и кричать, что таких случаев в его жизни ещё не было! И, что, мол, как я могла перепутать экзамены, если их принимают разные люди. Ну не могла же я ему сказать: я Вас первый раз в жизни вижу! Стала мямлить – нашло затмение, знаете, когда много учишься, бывает такое... И он вроде успокоился, но «неуд» всё равно поставил».

Прогуливали мы, конечно, по разным причинам. Однажды месяц занятий в институте совпал у меня с напряженным периодом на работе, и многими лекциями пришлось пожертвовать. Русскую литературу первой половины XIX века читал у нас Александр Павлович Чудаков. Преподавателя в лицо я впервые увидела на экзамене, и ничего хорошего подобное небрежение не сулило. Но против ожидания, Чудаков отнёсся ко мне весьма сердечно: «Ставлю «автоматом» пятерку – очень понравилась Ваша контрольная работа по Гоголю. Израильского литературоведа, исследователя «Мертвых душ», Вы раскритиковали по делу, аргументировано. Молодец!»

Из аудитории я вывалилась, не веря своему счастью. «Сколько?»

«Пять» поставил за контрольную, устно вообще ничего не спросил...» «Везёт же людям!» «Сама не ожидала!» «Давай работу, я письменно ничего не сдала, сейчас титульный лист поменяем и – вперед!» «Да он меня запомнил, наверное, и контрольную – тоже». «Давай-давай, перепишем, добавим, что он, всех читает, думаешь?!» Ну, пожалуйста, берите, не жалко (это сейчас интересно: кого критиковала? о чём писала?!).

Через несколько лет принес мне товарищ роман «Ложится мгла на старые ступени». С горячими рекомендациями – хорошая, добрая книга. Я читала Чудакова-писателя, и думала о Чудакове-преподавателе. Интересный, в общем-то, был человек, трагическая фигура.

...Вот так: от смешного – к грустному. Мы учились, менялись на доске расписания занятий и экзаменов, и здесь же, рядом, появлялись некрологи. Скорбные извещения о тех, кого мы знали живыми. Умер Николай Стефанович Буханцов – он вёл у нашей группы семинары по современной литературе. Говорил: «Есть такое пророчество, что скоро, в начале XXI века, в России появится мощный писатель. Скорее всего, это будет женщина». Девичья половина группы начинала хихикать, мужики хмурились. «Да-да, – вздыхал Буханцов. – Вот вы не верите, думаете: что это он придумывает?! А вдруг этот писатель выйдет из нашего семинара? Учитесь, ребята, набирайтесь ума».

Он был корректен, тактичен в оценках, я слушала его, и мне чудилось, что у него большое сердце, которое напоминает о себе каждый миг, каждую минуту.

Умер Владимир Иванович Славецкий. Многие его лекции женская половина курса посещала не для прослушивания, а для просмотра – так он был красив, артистичен. Умер студент-дневник из семинара Киреева – хороший, добрый мальчик, который почему-то писал мрачную прозу про тюрьмы и отсидки. Его звали Саша, Саша Костюк. Однажды я его увидела за прилавком в небольшом магазинчике возле Литинститута. «Ты чего тут?» «Устроился подрабатывать». «О, здорово! Успехов!» «Пока!» – он улыбнулся так

чисто, доверчиво, и я вдруг поняла – я же его совсем не знаю, какой парень светлый... Больше мы не встретились.

Саша Костюк приехал учиться из Казахстана, Света Руденко – с Украины, Игорь Трохачевский – из Риги. Здесь, в Литинституте, все ещё сохранялся Советский Союз – ребят из бывших республик учили бесплатно. А они рассказывали нам про прелести «самостийности», и про то, как в Прибалтике «прессуют» русских. Красивый у нас был, курс, талантливый. Только подниматься нам было тяжело – на писателей в середине 90-х «общественное мнение» смотрело, как на придурков. То ли дело – бандит-бизнесмен, юрист-экономист...

На лекциях мы часто сидели вместе с Натальей Александриной, прозаиком из Питера. В моей тетради сохранилась запись, сделанная её рукой: «До чего дошла русская литература! До 1917 года нормальные писатели ездили по заграницам, набирались ума. А сейчас? Литинститут – все наши заграницы».

Мы учились на втором курсе, когда у руководства института возникла идея – провести поэтический вечер, на котором могли бы выступить слушатели ВЛК и мы, заочники. Простое, вроде бы, дело – поэты поднимаются на сцену, читают одно-два стихотворения. Но лиинститутские стены «намоленные», не дают лгать – сразу видно, кто есть кто. Из влкашников запомнился мне Евгений Семичев – стихи его были «разинские», раздольные, и выступал он, кстати, в красной рубашке. А из наших ребят лучше всех читал Михаил Бондарев, калужанин. В стихах его чувствовалась сила, основательность. Будто он вышел на поединок и от произнесенных слов зависит – выживет ли он, погибнет...

У всех руководителей творческих семинаров была своя методика. Миша Бондарев учился у Николая Старшинова, который, по моему, никого никогда не ругал (мы были пару раз на у занятиях поэтов). Читает студент стихи, Николай Константинович слушает, благодушно кивает. Замечания – краткие, несколько слов. Всё

спокойно, тихо, народ весёлый, жизнерадостный, позанимались, как на солнечной поляне посидели.

Зато придёшь в дружественный нашему семинар прозаиков, который вел Николай Семенович Евдокимов, там – страсти кипят. У кого пятна по лицу от волнения, кто – бледен, как полотно. Принципиальный Аркадий Лыгин обличает будущих классиков за орфографическую безграмотность, интеллигентный Кирилл Куталов разворачивает литературоведческие концепции, а рядом – Коля Малышев, «писатель из народа» в байковой рубашке с цветочками, загадочно улыбается волоокая Настя Дробина, работающая в жанре «цыганского» романа. Строг и справедлив был Николай Семёнович. Даже мы, гости, чувствовали себя как на экзамене. Мастер требовал тщательности отделки, серьезного подхода к делу. «Что же вы берётесь покрывать крышу ржавым железом?» – вопрошал он, бывало, указывая на неточное слово. Однажды на семинар заглянул выпускник Евдокимова Олег Павлов. Уже в ту пору он был известным писателем.

Лекции по русской истории я прогуливала с чистой совестью – всё-таки у меня за плечами истфак, учёного учить – только портить. Очень меня манили к себе ВЛК – тамошние ребята казались серьезней, да и по возрасту слушатели курсов были мне ближе. С огромным душевным трепетом постучала я однажды в дверь с табличкой «В.В. Сорокин». Руководитель ВЛК сурово выслушал мой лепет и велел принести «...что Вы там пишете – стихи, прозу?»

Пройдут годы, и я напишу книгу «Тайна поэта» – о жизни и творчестве человека, который так радикально повлиял на мою судьбу. В ней буду удивляться прошлому: «Я помню: Тверской бульвар осенью, золотой, как есенинские кудри; и Гоголевский бульвар в сверкучих снежинах зимой, и червленое серебро тающего снега... У каждого из нас – только оглянуться – позади есть день, минута или час, когда жизнь переломилась. Однажды на моих глазах в кринице забил новый ключ – подземная сила земли. Так и во мне – вопреки и запоздало – переломилось время. И я

видела землю за горизонтом, звёзды из другого полушария и красивую неизбежность листопада. Прошлое свято! Его не отнять...»

Да, вот так: от обыденного – к возвышенному! Здесь, на литинститутской земле, открылся мне иной мир – красивый, дотоле неизвестный. Сердце пело. Навсегда я запомнила слова Валентина Васильевича: «Поэзия – божье дело, звездное состояние души. Со стихами ты никогда не будешь бедной или униженной».

В кабинете руководителя ВЛК познакомилась я с людьми, чьи имена уже навсегда теперь в истории русской литературы. Владимир Цыбин, Юрий Кузнецов, Евгений Чернов, Эдуард Хлысталов, Юрий Прокушев... Они тоже вошли в мою жизнь, стали её частью.

Теперь в ходе наших бесед я иногда дерзала спорить с руководителем ВЛК: «Валентин Васильевич, мне кажется, Вы слишком щедры в оценках, бывает, что хвалите писателей, особенно молодых, не по чину!..» «Ты что же, думаешь, я не понимаю людей?! Но мне хочется поддержать человека в хорошем, в творчестве, в отваге, в гражданской доблести. Вдруг это ему поможет?! И я говорю: «Лети, орёл!..» Хотя я знаю – он рухнет за ближайшим углом...»

Ночью и днём, летом и зимой, каждый день, пока я училась в Литинституте, я чувствовала своё счастье, оно было страстным и сильным; счастье – заниматься своим делом, быть окруженной людьми, для которых творчество – главное, счастье – выйти к своему признанию и предназначению... Теперь я немного завидую себе тогдашней – во мне было больше силы, доверчивости и красоты.

А страна жила трудно – матери рыдали над убитыми и покалеченными на Кавказе, бюджетники месяцами не получали зарплату, из-за отключения электричества умирали в больницах и госпиталях люди. Зато жировали телевизионщики, лихо богатели «новые русские», поднималась и крепла «семибанкирщина», кроваво чудил «царь Борис».

Наше голодное, бедное счастье тех, кто однажды ступил на

литинститутскую землю, рождало энергию преобразования, вступающую в бой за добро и любовь. Время, пока еще робко, начинало говорить нашими голосами – они звучали в «Чеченских рассказах» Владимира Бондаря и в «Школьных очерках» Ольги Решняк, в страстных эссе Натальи Алексютиной и в «мучительной» прозе Юрия Горюхина.

Нам, друзьям-студентам, было так хорошо вместе, что естественным казалось желание продлить это время радостного и плодотворного общения. Потому в ста метрах от Кремля, в Ветошном переулке 13/15, и появилась «могучая кучка» молодых литераторов. Когда-то в этом здании находилось издательство «Советское Россия», длинные его коридоры описаны в повести Константина Воробьева «Вот пришел великан». Теперь здесь располагалась «Учительская газета», и в середине 90-х, она, наверное, была самым творческим изданием в стране. На работу в любимую газету спешили через Красную площадь Ольга Решняк и Аркадий Лыгин, Наталья Алексютина и Михаил Бондарев, Мария Козлова и Виктор Боченков, Юрий Горюхин и Светлана Руденко. Печатались: Владимир Бондарь, Александр Преображенский, Алексей Рафиев, Алиса Мизрахи (Екатерина Кобякова), Ольга Старостина, Николай Чепурных, Александр Павлов, Айана Акпашева, Елена Полторецкая... Кто-то задержался здесь на годы, кто-то – на месяцы. Знали эти коридоры и литинститутовцев других времен – например, Алина Балкарова (он учился на курс младше). А однажды в нашей «УГ» появился и мой земляк, писатель Вячеслав Дёгтев... Газета была «продолжением» Литинститута. Объединяла нас не богемность, а общее дело. Это была попытка творческого самоспасения и для многих она оказалась успешной.

Диплом я защищала в марте 2000-го года. После официальной части последовала неформальная. Руководитель, Руслан Тимофеевич Киреев, открылся мне на банкете с неожиданной стороны – оказалось, что наш взвешенный и сдержанный мастер способен на неординарные поступки и поистине русский размах. Это воспоминание – забавное, радостное.

Поздней ночью после защиты я улетала в командировку в Челябинск. Что значит молодость – сил хватало на всё: и на гулянки, и на работу.

Прошли, пролетели годы и в тех же аудиториях мы присутствовали на защитах кандидатских диссертаций наших друзей-однокурсников – Виктора Боченкова и Ольги Старостиной (Боченковой). Литинститут их не только «защитил», но и поженил. И, кстати, не их одних. Виктор – серьезный учёный, исследователь старообрядчества, Ольга души не чает в «интеллектуальной» поэзии. И, ничего, уживаются. На Рождество позвонила я Вите в Калугу: «Напиши воспоминания о Литинституте». Он начал хихикать в трубку. «Витя, я понимаю, что тебе вспоминается одно непечатное...»

Мы любим наш «Лит», и в официальных воспоминаниях о нём, действительно, много не напишешь. Да и не надо – пусть главное останется в сердце.

февраль 2008

Звёздный путь

*Заметки на полях книги
Валентина Сорокина «Биллы и дебилы»*

С каждым днем и месяцем тоски по ленивой сытости становится больше, чем светлой печали по красоте.

Какое общество, какую Россию мы сегодня строим? Спросите добропорядочных граждан, и в лучшем случае вам скажут, что наш идеал – демократическая, процветающая, сильная держава. Правда, пока мы строим колониальную олигархическую страну. «Но подождите, уже Путин и ФСБ возьмутся за обидчиков народа и расхитителей природных богатств...»

Всё не так. Совсем не так. Телеобман. Виртуальное обольщение.

Мы приобщились к цивилизованному (американо-европейскому) миру, пусть и в качестве «шестерки» или «восьмерки», и активно строим общество потребления. Мы питаем своим трудом и своим бездействием, своей активностью и своей ленью огромного ненасытного змия-искусителя. Аппетиты его – безмерны: сожрать нефть и газ, вычерпать природные ископаемые, отравить воду и воздух, умертвить чувства и человека. Энергия змия – деньги, лживый американский доллар.

Змий-искуситель – на обложке книги поэта Валентина Сорокина «Биллы и дебилы». Книге, духовно необходимой многим.

Последняя крупная добыча змея-чудища – Советский Союз. Скушал супердержаву и не поморщился. А «цивилизованный мир» с крушением СССР потерял мечту-грёзу – жить не только ради счастливого пищеварения, но и ради установления справедливости на земле. Конечно, это попытка была во многом неуклюжей,

методы построения коммунизма – варварскими, а высшее управление – бездарным. Иначе СССР не стал бы такой легкой добычей мирового молоха-пожирателя. Автор пишет: «В Политбюро вместо ответственных тружеников ринулись кровавые подлецы, карьеристы и стяжатели, в поколениях накапливали аферный капитал, передавали и, выбрав момент, привели к рулю государства Иуду Горбачева. За Горбачевым, как сель, как грязь, как саранча, нагрянула мафия: убийцы, торгаши и ловчилы – простор им дал он, кавказский расхититель и предатель...»

Мировые войны в XX веке, крушение СССР, разграбление России, техногенные катастрофы, терроризм – все эти великие беды обнажили перед нами измененного человека, живущего в мире измененной природы. У московских уток орнитологи обнаружили генетическое нарушение – у них нет инстинкта перелета. А как изуродован человек, в том числе и русский?! Доктор медицинских наук, ученый из Сергиева Посада Владимир Базарный, считает, что «если человек теряет крылья мечты и фантазии, то он возвращается в той или иной мере к животному состоянию». А разве крушение СССР – это не потеря «крыльев мечты и фантазии» для миллионов людей во всем мире? За служение дьявольскому чудищу-пожирателю – никто не ответил. А после этого преступления – всё разрешено. Югославия, Ирак. Кто следующий? Те, кто рукоплескал насилию в надежде перехватить объедки после трапезы змия-искусителя. Они – обречены. Гипотеза о том, что нынешние обезьяны – это когда-то одичавшие люди, вполне может получить современное подтверждение...

Но дело не только в них. Безумцы тащат в тартарары за собой весь мир. Владимир Базарный, используя метод последовательных образов, установил, что «у каждого, сменяющего друг друга поколения, нейрофизиологический механизм творческого воображения “демонтировался” на 1/3». То есть треть души – долой. Утки без желания летать, люди без возможности творить. И тогда – даешь общество потребления! Причем, «человек животный» в отличие от обыкновенного поросенка, не ограничивается простым насыщением, ему с каждым днем подавай новое духовное или

пищевое извращение. Вот и получается, что мир наш всё стремительнее поляризуется: с одной стороны правящие «Биллы» с долларом вместо совести, с другой – управляемые «дебилы», по своей или чужой воле заменившие душу животом. А люди думающие, страдающие, размышляющие, творящие, они, как и в первые века христианства, между двух жерновов – власти и толпы. «Мы, живущие днем нынешним, от прошлого отделились, и как теперь нам грядущее угадать? А грядущее – за тобою... Но грядущее – крылья за плечами или крест впереди...»

Всегда, во все времена, и даже в нынешние, сильно убыстрившиеся – велик соблазн скорее дохрумкать планетарные природные богатства – находились люди, говорящие своему народу правду. Пророки и поэты. И говорят они её не потому, что рассчитывают на раскрутку своего «бренда» или хотя бы на усвоение их идей обществом, а потому, что рождены для произнесения слова истинного и страстного. Лев Толстой сформулировал это качество в известной формуле – «не могу молчать»! И действительно, раньше у людей представление о писателях было как о недостижимых людях духа (пусть чудаковатых иногда в быту): Пушкин, Лермонтов, Гоголь. Даже Есенин с его земными дебошами в стихах представлял перед читателем волшебником и титаном, совершенно непостижимым обыденному сознанию.

Мне кажется, что поэт Валентин Сорокин, написавший на этот раз «роман в ярких документальных новеллах» (так определило жанр «Биллов и дебилов» московское издательство «Алгоритм»), как раз один из тех людей, чью сущность можно определить словами «высокий духовный строй». Этот человек вырос не на московских асфальтах, где в грязных прудах маются несчастные утки, жертвы больших городов. «Зимой наш хутор тонул в белых горах, опущенных у подножий зеленой оторочкой сосен и лиственниц, елей, копыями торчащих у гранитных скал. Черные скалы, как витязи, выныривали из-под снега, наметенного вьюгами, и сверкали стальными шлемами».

Валентин Сорокин – «последний из могикан». Он ещё успел ощутить силу уральских гор, прозрачность бурливых рек, тепло

родного дома – сильно, сильно разоренного войной, но все же не выстуженного и не отравленного нынешней телезаразой. Главный герой (лирический, автобиографический) редкий нынче человек – дерзкий и решительный, стремительный и волевой, нежный с любимой и беспощадный к врагам Отечества. Пройдут не столетия, десятилетия, и мы, боюсь, таких людей будем воспринимать как былинных полусказочных героев. Потому что уродство окружающего мира всё чаще приводит к тому, что высокие чувства, посещающие нас, мы уже не в силах выразить достойными словами.

Изменился человек, изменился и писатель. И теперь «массы» смотрят на литераторов без ожидания от них духовных высот. Писательство становится возрастным ремеслом – вроде балета. Молодые литераторы гнутся под ветрами экономической конъюнктуры, старшее поколение (кое-кто) еще пытается отстоять «заповедники души». Но всё чаще писатель – это ловкач, овладевший ремеслом плетения криминальных баек. Человек литературы – обладатель экзотической профессии, помогающей зачастую выразить темные стороны человеческого сознания. И люди удивляются не недостижимости «духовных вождей», а (неосознанно) наглости, с коей они вываливают на читателя своё бесстыдство. С другой стороны, тип современного городского человека настолько мутирован, что ему нужна не книга, а чтиво, убаюкивающее последние импульсы в «демонтированном механизме творческого воображения», т. е. в душе. Востребовано не слово (естественное, природное, живое), а некий его суррогат, замена, вроде «синтетической курицы». Пища «духовная»!.. И она уже – часть техносферы, мертвой, неприродной среды. Строим общество потребления. Что же будет?

Да, исчезновение (убывание) серьезной литературы – признак ослабления человека. Синтетические жанры – кино, сериалы, телевидение создают образ с помощью «подпорок». Телештучки – костыли, без которых человеческому сознанию уже «дискомфортно». Телевидение дает готовые образы – они компенсируют раннее разрушение творческого воображения. Пока что остаются люди, способные ощутить гений Толстого, но вскоре они могут и

исчезнуть. Неужели наших детей и внуков ждет судьба городских птиц с умерщвленными инстинктами?

«Не надо нам богатств чужих. Не надо нам краев нерусских. Не надо нам величия незаконного. Богатство наше – Россия. Край наш – Россия. Величие наше – Россия. Оставьте нас в покое. Но кто нас в покое оставит?» Нет, никто нас в покое не оставит! Нету у нас Великой китайской стены. Нет миллиардного населения, как в Индии. Нет энергии для защиты своей веры, как у мусульман. А есть родное слово, которое может очень многое, если ты убежден, уверен в себе и в нём. «Что же меня волнует, что держит на земле? Отвечаю с предельной откровенностью: красота, верность, Россия, призвание мое – плакать и восторгаться!»

Чувства – это краски, которыми мы расцвечиваем мир. Я читаю Валентина Сорокина, и думаю: как богата его палитра художника, и с какой щедростью он ею распоряжается! «Министры, вице-премьеры, председатели... В облезлом и опасном вагоне – не ездят. Дремлют – в спецмашинах, бронированных, учли нрав и привычки вождей. Развалятся, откинутся, в пророческих мыслях, на спинку – скорость свистит, шофер не спасует. Самолеты обожают. Серебристые, президентские. Мошकारа». Чудо – язык, чудо – честность художника, чудо – изобразительная сила. И я думаю, неужели у нас настали времена, когда люди будут готовы пить из бензиновой лужи, а не из чистого родника?! Хотя... Чистых красок сейчас становится все меньше, как меньше становится чистого воздуха и воды, чистых помыслов у политиков и чистых денег у экономистов. Растить чистоту чувства в себе при всеобщей грязи – задача непростая и длительная, очень трудная. И, пожалуй, если молодому человеку с помощью ТВ будут внушать, что бензиновая лужа это и есть горный ручей, что ж, наклонится и зачерпнет. Поколение «Пепси».

Но культура – это, прежде всего, чистота. Не религиозная святость – нам, простым смертным, это недоступно, но хотя бы мирская чистота – честность, в слове и поступке, в отношении к книге, к матери, к бытию. А воспитание чувств – основная, как мне кажется, задача литературы. Человек чувствующий ужаснется

чужой нищете, не оставит в беде ближнего. Он всегда думает больше, чем о благополучии своего желудка. Разве чувствующий человек согласится с отравлением рек и океанов, с уничтожением народов и языков, с циничным унижением России и всего русского в самой же России? «Почему же предатели русского народа отнимают у русского народа память? А потому, потому – дабы князь Александр Невский не окликал нас во дни беды русской, не звал нас подняться и перевернуть космополитическую ордынскую набежь».

Патриотизм – это, прежде всего, чувство. Много нынче говорят о том, что русскому человеку свойственна широта, что он никогда не обращает внимания на национальность, что он всегда «выше» этих вопросов и т.п. Всё это так. И всё это относится ко времени естественного доминирования русских практически во всех сферах жизни – экономической, политической, культурной, демографической. Ныне, когда ситуация абсолютно противоположная, нечего ждать от русских прежних качеств. Более того, «карнавальная демонстрация» «всемирной отзывчивости» ставит русских в смешное, чаще в глупое положение. Пародирование и насмешки над русской «широтой» и «доверчивостью» – ныне не случайно любимый сюжет «телесатириков». Сейчас стыдно быть русским и быть национально безграмотным. Знание дает силу. Умноженное на веру, на физическую силу, на чувство исторического времени, оно и дает русского человека. Николай Данилевский писал: «...Русский, перестающий быть русским, обращается в ничто – в негодную тряпку, чему, каждый, без сомнения, видел столько примеров...». И тот, кто отпал от нравственности – в слове ли, в экономике, политике – обязательно будет наказан. Богом, природой, ходом событий – это уж кто как трактует. Но наказание – неминуемо.

А всё идет к тому, что русская национальная культура будет оттеснена на периферию (вроде бардовской песни в советские времена), и эта периферийность сама же станет теснить и дробить захваченную «нишу» – произведения начнут мельчать качественно и количественно. «Верх» же будет захвачен чудовищным

космополитическим коктейлем, противным внешне, внутренне, по форме и содержанию всему русскому. Это вызовет огромное отвержение русских людей от искусств, от красоты, заключенной в искусстве. «Низам» же бросят, как кость, массовую культуру, эстраду и литературу, основанную на угасающих инстинктах, «телесном низе» и бытовой пошлятине. Потому борьба за души людей – самая беспощадная из всех незримых сражений. Валентин Сорокин говорит нам:

То не снег беловойною грустью
Все берёзы осыпал подряд.
Это души лебяжки над Русью
С тихим стоном летят и летят.

Новолунная и негустая
Хмарь одеда продрогший простор.
До свиданья, свободная стая,
Звёздный путь твой

высок, да не скор.

Мне кажется, что каждый человек, независимо от времени, в котором он живет, независимо от своих внешних “достижений”, рано или поздно осознает: самая большая ценность, которая ему дана – его душа. Она, душа, почти не слышна в нашей обыденной, суетливой жизни, голос её заглушен гулом техносферы. И душа, кажется, вроде бы уже и не просит “есть и пить”, но как она ранима, отзывчива и на беды жизни, и на неброскую вселенскую красоту! Душа оживает, когда соединяется с красотой – чистым снегом, журавлиной песней, березой под окном, с тем, бесконечно родным и неизъяснимым, что рассеяно в природе и в том, что рождено нашими писателями, музыкантами, художниками не только умом и ремеслом, но, прежде всего – душой.

И я думаю: неужели душа человека, полупридавленного катком потребительской цивилизации, будет мечтать о стихах, рожденных компьютером, или о любви к синтетической женщине?! Трава

пробивает старый асфальт – природа непобедима. А для человека, если он, конечно, не из «Биллов» или «дебилов», нет большего счастья, чем слышать голос своей души. И потому жизнь людей должна быть устроена так, чтобы ни один из нас не был лишен этой красоты – видеть и чувствовать родную землю. Об этом мечтается. А пока: «Звездный путь!.. Где он? У русского народа его отобрали, а у России – взорвали под ее пятою. А нам, грешным, звездного пути даже в небе не указали, на вселенском океане и то побоялись взгляд наш повернуть к тому звездному пути...»

декабрь 2004

Возвращение великой книги

Переиздание этой книги – огромное событие в духовной жизни России. (И в моей собственной жизни – тоже.) Пусть тираж – 1000 экземпляров, пусть молчат о ней «заводилы» громких литературных премий (им можно посочувствовать: они лишены великого счастья – причастности к яркой, значимой, сильной прозе), пусть автор пребывает в тщете и забвении, а всё же дело сделано – книга вернулась, её прочтут многие и многие, и это слово обязательно отзовется в наших сердцах – иначе и быть не может!

Назову имена тех, кто прямо или косвенно способствовал переизданию книги, её возвращению к читателю. Это Валентин Сорокин, Геннадий Старостенко, Вячеслав Румянцев, Капитолина Кокшенева, Алексей Любомудров, Ирина Репьева, Юрий Галкин. И, конечно же, многие челябинские литераторы, прежде всего, Анатолий Белозерцев, Рустам Валеев и Сергей Алабжин, а также администрация Челябинской области, которая профинансировала издание. Вместе мы сделали хорошее дело, которым можно гордиться – вернули народу гениальный роман, эпос, который стоит в одном ряду с творениями наших самых выдающихся писателей. Русские люди, эта книга – для вас! Читайте, думайте, смейтесь, плачьте и не забывайте – за плечами у нас великая история, великая война, великая беда, великие предки! И всё это нам подарила Зоя Егоровна Прокопьева – писатель огромного изобразительного и провидческого дара.

Нет смысла передавать сюжет романа «Своим чередом». Поэтому что, допустим, беглый пересказ «Илиады» Гомера тоже не даст представления о великой поэме. Содержание «Слова о полку

Игоре...» можно передать в нескольких предложениях, но как это будет далеко от истины! Так вот: «Своим чередом» надо читать! Это как раз тот редкий случай, когда читать нужно всем! Роман Зои Прокопьевой – истинно народное, «родовое» произведение, он особенно много скажет сердцам «родственников», близких и дальних, потомкам индоевропейцев-ариев-праславян; и, наверное, эта книга оставит глубоко равнодушными (или даже вызовет раздражение) «чужаков», тех, для кого «родина там, где меньше налоги».

Не у каждого, даже талантливого, литературно-одаренного писателя есть чувство исторического времени. Особенно тяжело молодым – с детства им «подрезали» крылья творческого воображения, и часто их мир – это мир городского колодца, асфальтовых джунглей мегаполиса, наркотических ночных клубов, мир теле-СМИ, отравляющих смердящими миазмами душу и тело. Как мал становится человек – с оборванными родовыми связями, искаженным сознанием, с изломанными социальными ролями; человек, дышащий бензиновыми испарениями и пьющий отравленную воду! Человек, перестающий искать истину, человек, сумевший когда-то пережить голод, а теперь капитулирующий перед мнимой сытостью синтетической еды! Человек без будущего и без прошлого, мучающийся в своем маленьком, тюремном мирке, куда заточили его «лукавые». Писатель, выражающий голос этих «заблудших», живущий с ними одной жизнью, и, вероятно, страдающий не меньше своих героев, наверное, любопытен с точки зрения текущей социологии. А всё же опираемся мы на сильного духом, а не на больного и слабого. И книга Зои Прокопьевой, её герои, дают нам эту опору. Это особенно важно сегодня, когда наше духовное пространство «заболоченно», когда видимые «кочки» и «островки» твёрдой почвы можно пересчитать по пальцам. Размах крыльев творческого воображения Зои Прокопьевой поражает – это высокий, свободный, счастливый и гордый полёт; нет, это не самолюбование, это горькое счастье – служить своему народу, верить в него, воспевать его подвиги, горевать над его бедами, а главное – не предавать его – нигде, никогда!

И тогда приходит это чувство – святое чувство сопричастности. Как, откуда у автора, деревенской девчонки без систематического образования (в юности – вечерняя средняя школа, и уже много позже – учеба на Высших литературных курсах), это главное, коренное знание жизни и людей, воплощенное в слове?! Жизни не обыденной, не бытовой, а жизни в её историческом движении, на протяжении нескольких десятков поколений?! Удивительное дело: первый вариант романа «Своим чередом» был создан в 1977 году, в тайге, при керосиновой лампе, за два зимних месяца. Потом книга долго кочевала по издательствам и была издана в Челябинске в 1986 году. И – внимание! – только через год, в 1987 году учёными под руководством Геннадия Здановича в Брединском районе Челябинской области был открыт Аркаим – укреплённое поселение эпохи бронзы.

Сейчас вокруг Аркаима много шума, домыслов, толкователей, «расшифровщиков». А когда-то Зоя Прокопьева первой описала народ эпохи бронзы, который жил в «аркаимовских» местах! Некоторым этот эпизод в романе казался странным, выпадающим: как это, роман про советскую эпоху, и вдруг – историческая фантастика! Но автор оказался умнее своих критиков: мы живем на древней земле с великой, и во многом неизвестной нам историей. Не случайно сведущие люди говорят, что «индоевропеистика – фундаментальная наука, ничуть не уступающая по своей значимости атомной энергетике. Кто контролирует эту науку, тот и владеет миром». И – добавлю еще одну цитату человека, который занимается индоевропеистикой: «Для современного россиянина ничего не знать об арийцах, о древних индоевропейцах, о происхождении славян – это самое лучшее, что он может сделать. Ибо только так он сможет безболезненно войти в то состояние, которое уготовано современной России другими державами, а именно – рабское».

Но в романе «Своим чередом» властвует иной дух – дух свободы. Книга, созданная в самые благополучные годы советской власти, совершенно лишена признаков духовного «застоя», она вся – движение, вся – чувство, вся – чуткое познание мира (и в «ширину», и в «глубину»), она наполнена масштабными человеческими

характерами, исключительными по своей цельности и жизнестойкости. Читая роман, думаешь: Боже мой, неужели мы были такими всего лишь 60-70 лет назад?! И как автору при господстве жесткой идеологии, удалось легко, кажется, что без всяких усилий, соединить языческую индоевропейскую древность, цветущий сад православия и красные знамена обновляющегося мира?! Откуда это сокровенное и безусловное знание, это естественное чувство исторического времени?!

Многие публицисты, у которых «есть мысли» и любовь к искусственным метафорам, устремляются в литературу, чтобы в художественной форме, через «размышления героев», рассказать читателям о том, какая у нас должна быть «национальная идея», как «спасти Отечество», какая возможна «антиутопия» в случае того или иного развития событий и проч. Так вот, в романе «Своим чередом» никаких таких размышлений нет вообще! Но зато в нём есть то, чего нет в подавляющем большинстве современных прозаических произведений – живая жизнь! Силой своего огромного изобразительного таланта, действиями героев Зоя Прокопьева показывает нам, что есть власть и какова её тайная, мистическая и священная природа; что есть народ и как им нужно управлять; какова роль прекрасного и материального в жизни людей; что есть христианство на русской земле, и почему так важно для народа знать и хранить свою родовую историю.

В русской литературе, богатой большими талантами и мощными произведениями, всё-таки не так уж много безусловно ярких, сильных, цельных эпических героев, рождённых самой жизнью и шагнувших на страницы книг. У Зои Прокопьевой такой герой есть. Это Нил Краюхин, сначала деревенский кузнец, а потом крупный организатор производства на Урале. Создание этого образа, центрального в романе «Своим чередом», и есть образ власти от Бога, власти духовной и человеческой. Точно знаю (мы обсуждали этот вопрос с Зоей Егоровной), что одним из главных прототипов Краюхина, его прообразом не по житейской биографии, а по духовной сути, характеру, поступкам, по удали и дерзости, стал поэт Валентин Сорокин. Да-да, не надо удивляться! Скажу

больше: о Валентине Васильевиче, его творчестве написано много (вот и Александр Байгушев недавно издал книгу «Культовый поэт русских клубов Валентин Сорокин»), а всё же настоящий его портрет, пусть и в романной, художественной форме, удался только одному человеку – Зое Прокопьевой. И это тоже – огромная удача. Потому что обычно «лицом к лицу лицо не увидеть»: когда-то и Сорокин, и Прокопьева работали вместе на Челябинском металлургическом заводе, вместе занимались в литобъединении «Металлург», дружили... Но Зоя Прокопьева давным-давно поняла и оценила то, что до сих пор не могут понять большинство наших сильно закомплексованных и испуганных «лукавыми» ещё до рождения критиков и литературоведов: подлинная эпическая поэзия – это не забава, не досуг, не «хобби», не самовыражение. Это величайшее напряжение духа, это воля, это долг, это ответственность перед народом, голос которого ты выражаешь. И всё это под силу только поэтам-вождям, поэтам-царям. Конечно, государству «Поэзия» нужны разные подданные, и без любого из них «народ не полон». Но Зоя Прокопьева выбрала для себя самую трудную задачу: оставить в литературе портрет цезаря, а не легионера, вождя, а не юродивого. И ей это удалось.

«Поразительный дар слова, чувство меры словесной, попадание в самую суть слова-знака, – истинный врожденный лаконизм. Проникновение в подлинность человеческого бытия и назначения», – так пишет о романе «Своим чередом» Геннадий Старостенко – сам прекрасный прозаик и отличный публицист. И дальше: «Пройдет еще как минимум... [четверть века] прежде чем кто-либо из писателей в России напишет что-нибудь близкое по уровню». Уважаемые номинанты «большой книги», «нацбеста», «букеров» и проч., прислушайтесь к этому весьма и весьма справедливому мнению! Старостенко – прав. Никто ничего подобного пока не написал. Более того, и любимые мной «деревенщики» перед Прокопьевой меркнут. И мастера лирической прозы. И даже лучшие военные романы, как бы это поточнее сказать, немножко «подвигаются», освобождая место этому истинно народному, эпическому произведению.

Несколько раз я перечитывала книгу, вовсе не собираясь этого делать: переставляя на книжной полке, случайно открывала роман и уже не могла от него оторваться – столько здесь любви и жизни, красоты и страдания!.. Казалось бы, что хорошего в страдании? Да ничего, конечно. Особенно, когда страдание так неравномерно распределено в мире. На недавней церемонии вручения ВООПИиКом Всероссийской премии «Хранители наследия» в качестве приглашенных были человек пятнадцать-двадцать из нашей «государственной элиты». Они не выделялись из общей массы гостей ни одеждой, ни возрастом, ни поведением. А всё же по пластмассово-безвольному выражению лиц было видно, что это люди из другого, сытого и лживого мира. Не знаю, почему так сыграло мое воображение, но я вдруг представила их в ватниках, в арестантских робах, после тяжелого трудового дня. И, о чудо! Как преобразились, одухотворились эти лица, сколько в них появилось индивидуальности, своеобразия!..

Но будем реалистами – роману Зои Прокопьевой при нынешней государственной, идеологической и культурной погоде ничего не светит. Потому что голос правды, звучащий в книге, совершенно не совместим с нынешним положением вещей в стране, которое можно охарактеризовать одной фразой из куплетов Мефистофеля: «Сатана там правит бал!» Поэтому не будет достойных тиражей, премий, шума в прессе и проч. Потому что, и здесь я солидарна с мнением писательницы из Санкт-Петербурга Ирины Дудиной: «Государства у нас нет, правительства нет, нет тех структур, которые выполняли бы Конституцию и защищали бы права народа, живущего на своей земле». То есть всё это формально есть, но фактически ничего этого нет. И трезвомыслящие русские люди должны это понимать и помнить, что надеяться они могут только на себя и на Господа Бога (да и то в отдалённой перспективе...).

Итак, роман Зои Прокопьевой – это один из тех «вечный камень», которые следует заложить в фундамент русского самознания. Слабому эта книга станет утешением, сильному – руководством к действию. А закончить свои размышления я хочу отрывком из стихотворения Валентина Сорокина. Потому что эти

четыре строфы, в общем-то, и являются кратким «конспектом» романа «Своим чередом», а также той сверхзадачей, которую ставит перед собой каждый достойный русский человек:

В миг, когда и я теряю силы,
Если рядом нету никого,
Я касаюсь мысленно могилы
Прадеда и деда моего.

Разве я не пил страданий чашу,
Завтра снова ей не пустовать, -
Кто-то должен за Россию нашу
Под прицелом недруга вставать.

Пахнет в мире порохом и кровью,
И не зря твержу я наизусть:
“Я клянусь терпением и любовью,
Вечным светом Родины клянусь!”

Травами клянусь и небесами,
Как бы доля не была горька,
И еще – огромными глазами
Той, что ждет меня издалека.

апрель 2009

Кто как живёт, тот так и пишет

Коллега-журналистка рассказывала мне:

– В день рождения я тщательно оделась, долго сидела перед зеркалом – в праздник хотелось выглядеть особенно красивой. Наконец вышла на улицу – надо было ехать на работу. День стоял замечательный – яркий, осенний, клёны – в огне. Тротуар пустой, по проезжей части изредка пролетают авто. И вдруг... Я даже не сразу поняла, что случилась: поток грязной воды окатил меня с ног до головы. Пока я с ужасом оглядывала себя, дорожно-моечная машина благополучно умчалась. Водитель, приблизившись ко мне, специально включил подачу воды, а сделав своё грязное дело, тотчас выключил. Может, он женоненавистник, или перепутал меня с какой-то знакомой, а, скорее всего, это просто негодяй. Своего он добился: я не смогла сдержать слёз. Мне не жаль было испорченной одежды, забрызганного грязью лица. Этот пустяковый, в общем-то, жизненный «удар» (никто не умер, на заболел) больно ранил меня, потому что показал: ни с того, ни с сего тебя могут в любой момент публично унижить, оскорбить, и ты ничем не сможешь ответить. Вот такое общество мы построили...

Я вспомнила этот случай, когда открыла 1-й номер «Литературной России» за 2011 год и прочитала в газете материал Вячеслава Огрызко «В банке с пауками». Было такое чувство, что меня окатили грязью. Виртуальной, с ног до головы. В этой статье речь шла, в том числе, и о моём литературном учителе, бесконечно уважаемом мной человеке, поэте Валентине Сорокине. Какое же чувство должен был пережить он по прочтении этого материала?!

Был канун Нового года по старому календарю, начиналась лёгкая метель, московские ёлки всё ещё красовались на площадях.

Что ж, замечательный «подарок» от газеты, которую я когда-то на её же страницах призывала выписывать. Не уверена, что смогу повторить эту рекомендацию. Есть вещи, не прощаемые ни в человеческих отношениях, ни в литературной полемике.

Материал В. Огрызко продолжает серию публикаций о жизни и творчестве Юрия Кузнецова. Замечательная, благородная цель: запечатлеть свидетельства о безвременно ушедшем поэте, составить подробное и объективное жизнеописание. Это тем более важно сегодня, когда стихотворные сборники Юрия Кузнецова даже в его родном городе, Тихорецке, «списываются» из библиотек под предлогом их «устарелости» (эта информация прозвучала на конференции, посвященной памяти Вадима Кожинова; форум проходил в октябре 2010 года в Армавире). У меня у самой есть опыт создания книги о поэте (мой герой – Валентин Сорокин), и я знаю, что точная передача даже духовно близкого художественного мира – задача вовсе не простая.

Но никакие творческие трудности не могут оправдать «художественный метод», избранный В. Огрызко. Главенствующий приём подачи материала – возвышение своего героя за счёт принижения, унижения и даже оскорбления других литераторов. Хорошо живым, они могут ответить. А что делать мёртвым? Юрию Прокушеву, например. Вот характеристики, которые автор статьи лихо раздаёт известному литературоведу: «После его убогих статей о Маяковском... Так же ужасно он писал и о Есенине... Он всегда боялся затрагивать острые вопросы в есениноведении...» То есть свои литературные изыскания В. Огрызко считает, видимо, не убогими, а талантливыми, не ужасными, а прекрасными, а сам он – бесстрашный супергерой, не боящийся ни «ига иудейского», ни суда Божьего. Но отчего же тогда храбрец вырубил из очерка Валентина Сорокина «Без друга» (опубликован в том же номере «ЛР») текст следующего содержания:

«Чувствуя приближение смерти, Акулов упрекал меня в трусости, требуя беспощаднейшего текста телеграммы к архитектору перестройки, и текст отшлифовался к полудню 18 декабря 1988 года:

Москва, Кремль, Верховный Совет СССР

До каких пор вы намерены терпеть у руля государства и партии Горбачева, болтливое человека или предателя, подчиненного полностью разрушительной идее ненавистника русского народа Яковлева, энергичного и агрессивного агента ЦРУ?

Гнездо сионизма не в Тель-Авиве, а в Москве, под главным куполом Кремля. Мы, русские писатели, требуем суда над изменниками Родины!

Иван Акулов
Валентин Сорокин

Не вякнула опричнь ЦК КПСС... Письма и телеграммы отправили мы всем, всем, даже Бирюковой и Лукьянову...»

У нас ведь нет сейчас цензуры, не правда ли? Чего бояться? Был такой литературный факт, зачем его замалчивать? То есть назвать честнейшего русского писателя Ивана Акулова – пьяницей (в одном из номеров «ЛР») можно, а предать огласке его мужественный гражданский поступок – нельзя. И это – объективность? И это – честность? Настоящая храбрость – не грязью поливать достойных русских людей, а служить истине. Правду говорить о сильных мира сего. Вот где храбрость нужна!

Я неоднократно встречалась с Юрием Прокушевым при его жизни, сделала с ним большое интервью для журнала «Слово». Свидетельствую: это был глубокий, неординарный и благородный человек. Со своими особенностями, конечно (был он уже немолод в годы нашего общения). Но: если бы не его самоотверженная деятельность, не было бы в Москве памятника Есенину на Тверском бульваре (В. Огрызко любит собирать «показания», пусть спрашивает у Сергея Филатова, руководителя президентской администрации в 90-е годы). Не было бы и академического собрания сочинений поэта. Не было бы многих хороших книг, изданных в «Современнике» в пору директорства там Прокушева.

Но, впрочем, кто такой Есенин? Пьяница. А Маяковский? Бабник. Твардовский? Алкоголик. И т.д. и т.п. – нет, наверное, в русской литературе человека (кроме меня, пожалуй, да Юрия Кузнецова), которого В. Огрызко не отметил бы своей «объективностью». Поэт Сергей Суша? «Что он написал? Какие его строчки остались в поэзии?», – вопрошает автор изысканий. (Да почитайте хотя бы роман «Скарабей», это интереснее сбора и пересказа кухонных сплетен.) Поэт Игорь Ляпин? Он «отдал [Кузнецову] ...грудю своего хлама с просьбой отобрать десяток более-менее пристойных стишат». Вот интересно, В. Огрызко свои собственные книги тоже считает хламом?! Но тогда зачем он их пишет? Творчество Игоря Ляпина мне совершенно не близко, но он, безусловно, поэт, и у него много поклонников. Помню, на Урале местные барды подготовили целый диск с песнями на стихи Ляпина и попросили, чтобы я передала записи родственникам (поэта уже не было в живых).

Главным же «злым гением» Юрия Кузнецова, душеителем его дара и литкарьеры, был, как следует из намёков, разбросанных по всей статье, всё тот же Валентин Сорокин. Последний столь ненавистен автору, что все сведения о нём подаются в изложении третьих лиц. (Как будто Валентин Сорокин не действующий поэт, а, так сказать, «мемориальное лицо», общение с которым невозможно по непреодолимым причинам.) Обвинениям несть числа. Так, руководство «Современника», «под всевозможными предлогами тормозило подлинных творцов». Но известно, что именно в этом издательстве, благодаря личным усилиям главного редактора Валентина Сорокина, вышли книги репрессированных поэтов – Павла Васильева и Бориса Корнилова. В 1990-м году Борис Можжев напишет: «Мой роман «Мужики и бабы» (книга первая) был отвергнут четырьмя журналами, пролежал три года, и только благодаря смелости и настойчивости главного редактора издательства «Современник» Валентина Сорокина был выпущен в свет. Тот же Валентин Сорокин под свою ответственность (письменную) издал и всю мою книгу «Старые истории» в 1978 году...»

У Сергея Семанова мы можем прочесть, за что громили издательство на Комитете Партийного Контроля – за патриотизм

и принадлежность к «русской партии», т.е. за национально-государственническую позицию. «Первыми в 1979—1980 годах подверглись атаке с Лубянки издательство «Современник», директор его Ю. Прокушев и главный редактор В. Сорокин. Опыт т. Ягоды был позабыт, возились долго, не всегда умело. (...) Ну, одолели в конце концов, сняли Прокушева и Сорокина, но с каким шумом! Впрочем, в издательстве с тех пор перестали выходить и боевые книги современных патриотических авторов, и переиздания русской классической мысли».

Читая В. Огрызко, можно подумать, что Юрий Кузнецов тягел к изопрённому мазохизму – не признавая в Валентине Сорокине ни поэта, на гражданина, ни вообще сколь-нибудь значимую личность, он с упорством маньяка стремился попасть в его подчинённые. Сначала почти десять лет Кузнецов проработал под началом «злого гения» в «Современнике», а потом ещё шестнадцать лет на Высших литературных курсах, где Сорокин был проректором.

Я отлично помню Юрия Кузнецова – высокого, чуть грузноватого, с грубыми чертами лица, с горделивой осанкой. И этот орёл, написавший «Звать меня Кузнецов. Я один, Остальные – обман и подделка», – столько лет мирился с тем, чтобы им командовал его «душитель»?! Тут что-то не так: либо Кузнецов не поэт, а имитатор, либо Сорокин не «злой гений», а добрый. Лично я склоняюсь ко второму варианту. И думаю, что вряд ли герою жизнеописаний В. Огрызко, воскресни он вдруг, лёг на душу бы тот «творческий метод», который использует его биограф. Кузнецов был требовательным человеком, каждое своё печатное слово он взвешивал, гранил. Подтверждение тому его проза о времени учёбы в Литературном институте. Мы видим здесь очень уверенную самоапологетику: выбросился, будучи нетрезвым, из окна – вокруг этого события возведен целый мистический «забор». Бил бутылки о потолок в общежитии (вряд ли он в тот момент сочинял шедевры!), это, оказывается, эстетическое действие. Но в этой самоапологетике всё-таки нет ничего оскорбительного по отношению к другим, зато есть стремление к красоте, жажда проникнуть в глубину явления, пусть даже и самого ничтожного.

Каждый поэт в глубине души знает цену своим стихам и самому себе, и этим он отличается от обычных людей. С 1995 по 2000 год я училась в Литературном институте. Мучительно осознавая свой запоздалый старт, в свободную минуту я бежала на ВЛК: именно Валентин Сорокин, ко всему прочему выдающийся педагог, оказал на моё становление решающее влияние. В кабинете проректора ВЛК я стала свидетелем нескольких бесед двух поэтов: Сорокина и Кузнецова. Утверждаю ответственно: никакого высокомерия ни один из них друг к другу не выказывал. Впрочем, гордыня Валентину Сорокину никогда и не была свойственна, что же касается Кузнецова, то меня удивляла разница его отношения к студентам и слушателям и к своему начальнику по курсам. Несколько раз я видела, как девушки с высших курсов подходили к нему с рукописями или с книгами. Поэт с ними, жаждущими общения, был, скажем так, весьма малоприветлив. Но никакой заносчивости или грубости в отношениях с Сорокиным он себе не позволял. Почему? Боялся начальства? Это просто оскорбительное предположение: у настоящего поэта один начальник – Господь Бог. Прикидывался? Ну, это вообще глупость.

Кузнецов не мог не признавать за Валентином Сорокиным очевидных достоинств, которыми сам он не обладал. Во-первых, буйный общественный темперамент – Валентин Сорокин не только поэт, но и замечательный организатор – литературных вечеров, общественных акций и пр. Во-вторых, гражданская смелость и честность Сорокина известны. В начале «нулевых» я помогала своему учителю в издании двухтомника публицистики. Так вот, три наборщика, один за другим, отказывались набирать рукопись – боялись, что их засудят, как «пособников», выступающих против «либеральной диктатуры»...

И, наконец, о том, что Кузнецов якобы сказал о Сорокине «я такого поэта не знаю». Приписывать ему теперь можно всё, что угодно – на тот свет телеграмму не пошлешь. Но я хорошо помню эпизод, когда Валентин Сорокин и Юрий Кузнецов встретились впервые после публикации в «Московском литераторе» (2003, № 1) статьи «Путь в одиночество». Цитирую: *«Кожиновская еврейская*

проницательная практичность, прозаическая пристальность его очков неприятно процедила и оклассичела многие стихи Юрия Кузнецова: сковывала и вроде приостанавливала крылатость и высоту поэта, приземлило его слово и страсти, отравила бесцветьем. А Юрий Кузнецов – знаменитый поэт». И ещё: «И Юрий Кузнецов – молодец. В партию вступил с моей рекомендацией, а переводами занялся один. Много перевёл. Даже за «Библию» зацепился, переклад на современный язык Иисуса Христа. Но Вадиму Валериановичу Кожинуву дюжины и дюжину стихотворений преподнёс. Ишь, суровый и независимый какой: классик – классик, орла по размаху крыльев видать. Не жадничает – на посвящениях Иисусу Христу и Вадиму Кожинуву?..» (Цитируя статью, я так увлеклась, что перечитала её всю. До чего же всё-таки Валентин Сорокин – человек красивый! Ну, да, критикует он своих литературных собратьев – но ведь не рождают его слова чувства злобы или разрушения. Потому что за ним стоит красота, и она – главный герой лучших стихов, статей, очерков – сколько же он всего создал!..) Так вот, Юрий Кузнецов, нахохлившись, в тёмном пальто, сидел в кресле на лестничной площадке второго этажа (флигель ВЛК). «Здравствуй, Юра!» – Валентин Васильевич подошел, протянул руку. Кузнецов тяжело встал, руку пожал. Был он чернее тучи. «Не обижайся, Юра. Я – прав».

Насколько я знаю, больше к этой теме поэты не возвращались, отношения их не ухудшились. Кузнецов мог бы ответить своему критику в печати, но – не стал. Почему? Потому что, на мой взгляд, в глубине души он признавал правоту Сорокина. С другой стороны, соперничество между большими поэтами – вещь неизбежная и совершенно естественная, нормальная, потому что «...Ведь я ищу не просто голубую, А самую бессмертную звезду». Каждый настоящий стихотворец обречен на пристрастность – строки его оплачены слишком дорогой ценой. В декабре 2010-го, в Петрозаводске, я стала свидетельницей настоящей «поэтической битвы» между питерцем Владимиром Шемшученко и мурманчанином Николаем Кольчевым. До поздней ночи в гостиничном номере звучали стихи, песни, переводы – два поэта, выступая по очереди,

доставили нам, слушателям, величайшее духовное наслаждение. Кто из них лучше, кто победил? В этот вечер они оба были на высоте, а их открытое творческое соперничество стало для меня незабываемым литературным впечатлением.

Одним из поводов к появлению статьи «Путь в одиночество» стала антология «Свет двуединый: Евреи и Россия в современной поэзии» с послесловием В. Кожина. Это издание Валентину Сорокину принесла я. Заодно уж расскажу и о том, как я в первый и в последний раз увидела Кожина. Дело было в ИМЛИ, рабочая группа обсуждала создание вузовского учебника по литературе второй половины XX века. Кожин выступал со своими предложениями в раздел поэзии. Его позиция была вполне традиционной: Евтушенко, Вознесенский, Ахмадулина... Эти три имени прозвучали точно, первыми, остальных я не запомнила. Следом выступал Валентин Сорокин: «А как же Василий Фёдоров, Борис Ручьёв, Людмила Татьяничева?..» Вёл заседание Виктор Петелин. Чем дело закончилось, не знаю – вскоре мне надо было уходить. Кожин запомнился мне человеком спокойным, уверенным, чуть рассудочным – «интеллигентным». *«Прозаическая пристальность его очков»* – это очень точный образ.

Недавно, готовя для выкладки на интернет-портал «Хронос» сборник литературно-критических статей Валентина Сорокина «Благодарение», я невольно перечитала очерки, посвященные Василию Фёдорову, Борису Ручьёву, Людмиле Татьяничевой, а после и всю книгу (в ней около двадцати персоналий). Я была поражена гармоническим единством, которое открылось мне: рассказывая о сильных сторонах творчества своих героев, автор в то же время нигде не преувеличивает их достоинств. Что удивляет? Все эти поэты поразительны своей независимостью. По технике они несравнимо выше многих нынешних «звёзд», по глубине выражения – выше намного, по форме – разнообразны, а главное, всех их отмечает цельность мировосприятия. Это художники в подлинном смысле этого слова (особенно меня поразили Борис Ручьёв).

Нет, это не плакатная советская поэзия (Безыменский,

Межиров). Это не ядовитость диссидентства, не пустозвонное подражание «модам», не больной андеграунд, не надуманный «миф», чтобы казаться загадочным, умнее, чем есть. Это русские люди в лучшем своём выражении. Талантливые, отборные. Самобытные и самодостаточные. Целый пласт первоклассных поэтов, заслонённых, впрочем, более крикливыми и модными «поводырями», которые потом и подвели страну к пропасти.

Но Россия всё ещё держится на остатках самобытности: да, «моднее» быть в конъюнктурном искусстве, это принесёт больше славы, а всё же, как привлекательна самобытность, самостоятельность и самостояние на земле! «Никогда не победят красоту патлатые твари!», т.е. черти. Юрию Кузнецову было доступно это чувство – чувство красоты. Это видно по таким его стихам, как «Раздумье» (1967), «Отсутствии» (1967), «Я любил её чисто и строго» (1967), «Диван» (1969), «Муравей» (1969), «Не сжалится идущий день над нами...» (1969), «Водолей» (1970), «За сияние севера я не отдам...» (1970), «Авось» (1971), «Ночь уходит. Равнина пуста...» (1974), «Распутье» (1977). Он был поэтом: «Эти ласки на грани смешения / Человека, огня воды». Но почему же естественное, как мне кажется, для любого человека чувство красоты, оказывается не доступным биографу Кузнецова?! Это что, порок рождения? Болезнь? Вирус?

Но так недолго заразить и всю газету – превратив её в собрание недостоверных слухов, писательских склок, скандалов и прочей грязи. Разве такое «удобрение» пойдёт на пользу нашей словесности?! Давно ли Юрий Горюхин призывал (по моей просьбе) подписываться на «ЛР», и вдруг, он же назван «г-ном Гостюхиным», гонителем свобод, душителем литпроцесса в Башкирии. Я-то Юру знаю 15 лет, мы вместе с ним учились, ходили на семинары к «деду» (Николаю Семёновичу Евдокимову, Царствие ему Небесное, хороший был писатель), создавали журнал «МОЛОКО»... Горюхин, автор тонкой ироничной прозы, главный редактор «Бельских просторов», классический интеллигент-очкарик – гонитель?!.. (Ну тогда я не знаю, как назвать самого В. Огрызко. Великий Инквизитор, что ли?!..) Но разве возня вокруг «г-на Гостюхина» добавила газете

авторитета?! А история с журналом «Север», с публикацией юбилейного интервью Елены Пиетилияйнен?! И тут «дорожно-мочная машина» проехала мимо – правильно, у людей праздник, самое время их вспрыснуть, «освежить отношения»... И что, «слово истины», увеличило «ЛР» число подписчиков в Карелии?! Или дело не в людях, а в собственных амбициях: у меня в руках газета, что хочу, то и ворочу?.. Борьба за читателя – обитателя цэдээловского буфета? Тогда тираж – 4800 – это ещё не «дно», падать можно и дальше.

Я пишу эти строки не только с болью, но и с горечью, и с недоумением. С горечью потому, что в трудный момент жизни именно «ЛР» поддержала меня. Здесь в неискаженном виде вышло несколько моих рассказов – «На Белорусской площади», «Тополь серебристый», статей – «Возвращение великой книги», «Наш современник доктор Чехов», интервью. Газета наградила меня солидной премией – я тоже это помню. А недоумение моё связано с тем, что я думаю: что же находит во мне главный редактор «ЛР», чей «художественный метод» мне столь чужд? Неужели он видит во мне начатки дурных нравственных качеств, которые, как он считает, могут во мне бурно развиваться?!

Грустно, что литературная жизнь в нашей стране складывается так убого. Есть «островки» уходящего в небытие великого архипелага, а «точек сборки» – до обидного мало. Не склоками нужно заниматься «ЛР», а важнейшей задачей – формированием русского национального самосознания (страна-то в пропасть катится!). Не грязью обливать достойных людей, заслуженных седых поэтов, великих граждан нашей страны, а давать им трибуну, показывать людям в их лице нравственный идеал – писателей таких остались единицы!.. Да, впрочем, бесполезный труд всё это говорить. Лучше дело делать...

Ну а теперь стихи Валентина Сорокина. Одни из его любимых, и моих тоже. Потому что должно быть в этой статье что-то не просто хорошее, а очень красивое. Поэтов надо любить при жизни и по-настоящему. За стихи, а не по заказу. Так я думаю.

ЛЮБОВЬ МОЯ

Я по орбите прожитой вращаюсь,
Тоску обид напрасных затая.
Вот скоро я с тобою попрощаюсь,
Любовь моя, поэзия моя.

Звезда моя над перелеском дремным,
Мучение внезапное и страсть,
Ты в океане, грозном и огромном,
Вела меня и не дала пропасть.

Я нищим был, но богател тобою,
Бессильным был, но побеждал тобой,
Глухим, но слышал рокоты прибоя,
Слепым, но видел край свой голубой.

Жена моя и вечная невеста,
Мгновенное бессмертие моё,
И потому напротив солнца место
Не чьё-то, а действительно твоё.

Тропа до Богородицы торима
Тобой
и путь к распятию торим,
И не судьба моя неповторима,
А свет очей твоих неповторим.

Во времени, чужом и мракобесном,
Я ветер зла перечеркнул крестом,
Я осенен твоим крылом небесным,
Твоим спасен от гибели перстом.

январь 2011

Время Бояна

Поэзия Валентина Сорокина похожа на утренний летний луг, наполненный цветением, росой, пением птиц, солнцем и радостной силой молодости:

В этих белых рощах соловьиных
Бродит лось, доверчивостью смел,
Я в стихах, как в золотых былинах,
Всю тебя, глазастая, воспел...

Давным-давно, в свои 16 лет, в провинциальном городке Калач, что в Воронежской области, купила я, сэкономив деньги на нескольких школьных завтраках, томик стихов «Посвящение». Сразу, с первого прочтения, запомнились строки:

Полюби меня крепко,
Чтоб единой судьбой,
Словно дерево с веткой,
Был я связан с тобой.

Я училась в Воронеже, уехала работать в Москву, и везде возила с собой два мешка книг – личную библиотеку, составленную преимущественно из классики. Скажу честно, я не знала ровным счётом ничего о поэте Валентине Сорокине – его не показывали по телевизору, не рекламировали в СМИ. И потому я решила, что он из плеяды поэтов, рано ушедших из жизни:

Над головою вскинув руки
Стою один среди полей.
Как человеческие муки,
Я слышу
крики журавлей.

В августе 1995-го абитуриенты во дворе Литинститута шумно обсуждали перспективы поступления – экзамены позади, осталось только собеседование. Я отвлеклась от разговора – мимо шёл человек – стремительная походка, тёмно-синий костюм, посеребрённые волосы, благородное лицо. Он мельком взглянул в нашу сторону, и меня поразили его глаза – в них было столько доброты, силы и страдания! Я совершенно точно поняла, угадала, почувствовала: это – необычный человек, доселе такие люди мне никогда не встречались! В его глазах было что-то отрешённое от сует повседневной жизни и в то же время невероятно, непостижимо красивое. В эти же секунды я твёрдо решила: я буду учиться только у этого преподавателя! Волна радостного предчувствия захлестнула меня: какое счастье, что здесь, в Литературном институте, есть такие люди!

1-го сентября на традиционном студенческом митинге я узнала, что человек, так поразивший моё воображение – «ушедший из жизни» поэт Валентин Сорокин...

С ужасом думаю я теперь: что было бы со мной (и с десятками, сотнями молодых литераторов), если бы не было в нашей судьбе этого красивого и сильного русского поэта?! Валентин Сорокин – духовный человек, и он разительно отличается от большинства людей, в том числе и творческих. В его стихах нет ханжества, назидательности или мнимого смирения. Нет притворства и сконструированного модернизма. Он – настоящий, самобытный и очень яркий поэт, с потрясающим темпераментом и не заёмным гражданским мужеством:

Разве я в мартене, на Урале,
Мог подумать, укрощая сталь,
Что кремлёвцы острова продали,
Синеву славянскую и даль.

Будто бы в мистическом тумане
Вместо белокрылых лебедей
Обезьяны пляшут на экране,
И трясут хвостами средь людей.

Слово Валентина Сорокина – подлинное, в нём чувствуется мощь поколения, которое отправляло в космос Юрия Гагарина, возводило новые города, плавило сталь и читало умные книги. Это теперь на шлеме первого космонавта «замазана» аббревиатура «СССР», металлургические заводы проданы иностранцам, а книжный магазин на центральной площади Калача закрыт. Подлинность тоже не в чести: вместо реальной государственной работы – разговоры о «модернизации», да имитация бурной деятельности:

«Я, например, не вижу ничего скверного в том, что президент России Владимир Владимирович Путин через каждый час на экране встречается с министрами:

— Как дела у нас в автосервисах?

— Лучшие, чем в прошлом году. Багажники чистим!..

— Спасибо.

Или:

— Как дела у нас в капустном хозяйстве?

— Лучшие, чем в прошлом году. А этот год — год свиньи, хряков!..

— Спасибо.

Или:

— Как дела у нас в Чечне?

— Вчера обнаружили новый оружейный схрон басаевцев.

— Спасибо. Хорошо».

Это из очерка «Макаки в полумраке», написанного поэтом аж в 2005 году. И что изменилось с тех пор в государстве нашем?!

Мы, простые смертные люди, страдаем от грязи и несправедливости жизни, от повседневного бесправия, от державной лжи, которая льётся с телеэкранов вперемешку с пошлостью и обжорством «правлящего класса». А что же должен чувствовать поэт?! Каково ему, живущему болями своего народа? И как сохранить дар красоты, дар слова в цифровую эпоху, когда уроки поэзии в школах заменяют занятиями по информатике, когда кажется, будто уходит, истончается само чувство любви, а «покорённая» природа мстит человеку за его хапужество остановкой Гольфстрима и разрушительными землетрясениями, таянием арктических льдов и массовой гибелью птиц?!

Валентин Сорокин – действующий поэт. Удивителен его диапазон, палитра возможностей: от романтической лирики до эпических поэм «Дмитрий Донской» и «Бессмертный маршал» (о Георгии Жукове), от политической сатиры и эпиграмм (книга «Сувенир», 2008 год) до остро-злободневной прозы (сборник рассказов «Первая леди», 2007). А ещё собрание стихов и поэм «Здравствуй, время!» (2010) и вышедшая в том же году книга очерков «Макаки в полумраке»... Валентин Сорокин всегда идёт в «огонь», в «бой», но это его качество – не от природной задиристости или вкуса к скандалу, а от стремления к справедливости, к отставанию художественной правды. С каким непревзойдённым мастерством он запечатлел образ телевизионной «питерской блудницы»:

Экраннопошлая двурюшница,
Враги твой подвиг будут длить:
Так может только цэрэушница
В родной народ распутство лить,
Хапужеством отца увенчана,
И ты на питерском коне...
Но и тебе ведь обеспечено
Проклятие в моей стране!

Отрывки из книг Валентина Сорокина «Крест поэта», «Обида и боль», «Отстаньте от нас!..» первыми в интернет выложил Мичиганский университет. В одном из ведущих учебных и научных центров США по достоинству оценили страстность и красоту русского слова: *«Настоящий литератор никогда не теряет свой душевный свет, даже в самые страшные моменты в судьбе, и не только потому не теряет, что этот свет помогает ему избежать крушения, а прежде всего потому, что свет этот – материнский свет в нем, данный ему с рождения: мать одарила его, поэт или прозаик, критик или драматург, одарила возможностью соединять людей в окружающем нас мире, роднить их светоподобными чувствами: свет сердца, свет разума, свет слова, Боже мой, чем заменить такое действующее чудо?»*

Читая эти строки, невозможно не восхититься даром поэта – ритмическим разнообразием, образностью, естественностью и невероятной правдивостью слова!..

Мир поэта Валентина Сорокина необычайно самобытен – кажется, что в нём нет границ, при том, что «правила» – эстетические, нравственные, творческие здесь очень строги. Крепкая, надёжная рифма, традиционные, «корневые» темы, устойчивое, без метаний, творческое поведение – всё это позволяет поэту быть современным, быть выше литературных «мод».

Время Валентина Сорокина пришло. Это пока незаметно, точно так же, как незаметен на телеэкранах питерский актёр Игорь Растеряев, имевший сумасшедший успех в интернете с песней «Комбайнёры», посвященной деревенским парням-хлеборобам, или неизвестен массовой публике блогер Алексей Навальный, окрестивший «руководящую и направляющую силу» партией воров и жуликов. Народ стосковался по правде – ему больше не нужна демагогия. Время Валентина Сорокина – это мир, рождённый им в стихах, поэмах, очерках, рассказах, это его ученики (к которым я посмею отнести и себя, хотя и не пишу стихов), это десятки

литераторов, получивших от него доброе напутствие в жизни, это преданные его читатели, это – сама Россия, о которой поэт сказал так:

Плачу, голову клоня,
Счастья ль, бога ль милость:
Ты под сердцем у меня
Нежно уместилась.

Очень скоро человечеством будут востребованы самые простые сущности – вода, хлеб, земля, слово, родные люди, семья, правда... Значит, настаёт время воинов и боянов, время коренных ценностей, время нравственной определённости и, увы, горьких слёз – народ наш, прошедший три стадии промывки мозгов – алкоголизацию, наркотизацию и дебилизацию – сильно обескровлен, слаб, а значит, Россию ждут новые беды и потрясения. Будем же мужественны:

Слышу гул грядущей непогоды,
Встаньте,
 встаньте у ворот страны,
Иоанна Грозного народы,
Века двадцать первого сыны!

Потому что:

Лучше встать у расстрельной стены,
Лучше в братской могиле забыться,
Но склониться к ногам сатаны
Только раб,
 только раб согласится!

Размышляя о цельности и красоте поэтического мира Валентина Сорокина, я всегда удивляюсь его преданности ушедшим поэтам XX века: Сергею Есенину, Павлу Васильеву, Борису Корнилову,

Борису Ручьёву, Павлу Шубину, Дмитрию Кедрину, Вячеславу Богданову. В этом же ряду Людмила Татьяничева, Николай Рубцов, Татьяна Глушкова, Александр Прокофьев, Михаил Львов. Всем им Валентин Сорокин посвятил большие очерки, как, впрочем, и Юрию Прокушеву, Ивану Акулову, Василию Фёдорову и многим другим русским литераторам. С удивительной щедростью поэт отдаёт нравственный долг благодарения своим предшественникам и современникам. Как это не похоже на нынешние литературные нравы, когда писатели сбиваются в «стаи» и в кланы, в поколенческие «мафии», чтобы «пробиться», завладеть вниманием критиков и издателей!.. Не будем судить их строго – каждый поступает в соответствии с уровнем своего таланта, но отдадим должное щедрому дару Валентина Сорокина – поэта требовательного к себе и великодушного к другим; снисходительного к человеческим слабостям и не прощающего оскорблений ни в свой адрес, ни по отношению к своему народу.

Скорбит земля деревнями пустыми
И долларовым давится дождём...
Но мы придём пророками седыми
И витязями жданными придём.
Мы воины отрядов неподвластных,
Мы лжецарям обиды не простим:
И отомстим за матерей несчастных,
И за невест пленённых отомстим!

Но чего только не выслушивал Валентин Сорокин за последние годы о себе!.. Он и «фашист», и «антисоветчик», и «душитель талантов». Кто же это говорит-пишет? Злобные либералы? Коварные инородцы? Вовсе нет, «комплименты» поэт получает от «своих». Но где газета «Патриот», в которой были опубликованы десятки пасквилей? Она больше не выходит. Что случилось с «Дуэлью», на чьих страницах на Сорокина были вылиты ушаты грязи? Газета закрыта. Почему стремительно падает тираж «Литературной России», несмотря на старания редакции подогреть интерес

читателя «жареными» темами?!.. Логика жизни неумолима – рано или поздно издания, подрывающие свой авторитет ложью и клеветой, уходят из пространства русского слова. Что же касается «Лит. России», то на свою статью «Кто как живёт, тот так и пишет» в защиту Валентина Сорокина, я получила больше десятка письменных откликов, в том числе и от совершенно незнакомых мне людей. Привожу некоторые из них, чтобы показать: слово правды – не напрасно. Оно обязательно будет услышано:

«Отдельное спасибо Вам за добрые слова в адрес Валентина Сорокина. Это сильнейший современный поэт и не понимающим что к чему, нужно напоминать об очевидном».

«Здравствуйте, Лидия Андреевна. Не без интереса прочитал Вашу статью в «ЛР». Благодарю за гражданскую смелость, твердое собственное мнение. Хочу посоветоваться с Вами. Возможно ли опубликовать стихи Валентина Сорокина? Какие лучше? Из какого надежного источника можно скопировать электронный вариант его стихов? Будет ли публикация в нашем провинциальном издании поддержкой ему?»

«Всегда вас уважал, а за статью «Кто как живет, тот так и пишет» зауважал ещё больше. Жму вашу руку».

«...А еще очень хотела высказаться по поводу Вашей статьи в защиту Валентина Сорокина. Я знаю, какой Вы боец (вот ведь никак не скажешь в женском роде, даже нет такого слова, и значит, вроде бы не женское это дело – бороться с подлостью и защищать мужскую честь), но тут – хоть руками разводи. Я поняла бы, что можно выйти на баррикады вместе с мужчинами, поддержать их, помочь. Но когда отважно, бесстрашно и в одиночку Вы выходите против «мужчин» на защиту Учителя, друга, поэта, на защиту чести и справедливости – да что же это такое? Где все? Лида, я Вами восхищаюсь бес-ко-неч-но!»

«Лида, прочитала твою статью. Ну ты просто Белинский и Герцен в одном лице...»

Мне легко писать о Валентине Сорокине – я хорошо знаю его творчество, и – трудно, всегда в его личности, в его лучших стихах остаётся тайна, что-то неуловимо-непередаваемое, непостижимое, и потому – недосказанность неизбежна. Прошли годы и годы со времени нашего знакомства в Литературном институте, и я благодарю судьбу за то, что она дала мне эту возможность – прикоснуться к миру неординарного, очень оригинального человека, доброго, ранимого и сильного.

Иногда я не ленюсь записывать афоризмы Валентина Сорокина. Его реакция мгновенна, образность – неожиданна. Вот наш диалог о будущем России:

Я:

– Ну и как нам быть?

Сорокин:

– А как века были? Возродить русские деревни, снять с баб штаны и заставить их рожать.

А вот он говорит священнику, бывшему секретарю райкома партии:

– Ради Бога, не зови поэтов к Богу, они сами найдут дорогу!..

Валентин Сорокин размышляет о некоторых наших «богомольных» литераторах (задумчиво): «Не знаю, чего они так молятся демонстративно. Может, нагрелись сильно?»

О положении дел в России: «Страна наша похожа на разобранный свинарник». И далее, о парламенте: «У меня такое ощущение, что все наши депутаты и сенаторы рождены бабами после девятого аборта».

И, наконец, диалог о странностях любви. Я: «Женщины украшают вашу жизнь...» Поэт, продолжая: «...после сильных разрушений»...

У красивых людей больше прав на то, чтобы их слушали, чтобы они были известны своему народу. Валентин Сорокин – красивый поэт. Его стихи невозможно присвоить или приписать кому-то другому – они оригинальны и узнаваемы. Поэт не культивирует

в себе самобытность, не играет в неё – таким он рождён. Уралец, он принадлежит всей России, он – наше национальное достояние, о чём пора говорить определённо и громко. Его любовную лирику, написанную сорок лет назад, сегодня открывают для себя композиторы и вокалисты (как, например, талантливый музыкант из Санкт-Петербурга Дмитрий Данилов), его поэма «Ляхи» предвосхитила общественное внимание к эпохе «Смутного времени», его публицистика и политическая сатира – всегда на острие самых жгущих болей современности.

Позволю себе завершить эти заметки одним из стихотворений Валентина Сорокина. Да продлятся дни поэта – во вдохновении, творчестве и здравии! Да здравствуют красота и русское слово! Да здравствует жизнь!

ТОСКА ПО КРЫЛЬЯМ

Чего судьба мне только не давала,
А жизнь моя, как прежде, нелегка.
...Оплаканные синью перевалы,
Наполненные солнцем облака.

Красавицу уже не покорю я,
В дому Кашея не взломаю дверь...
Вот сяду под скалой да погорюю,
Подумаю, что делать мне теперь.

И, подсмотрев, как снова я не плачу,
Седой Урал, по-стариковски прост,
За молодость, не знавшую удачи,
Преподнесет озёрный ковшик звёзд.

Он скажет громко: – Выбирай любую! –
Но я устало руку отведу.
Ведь я ищу не просто голубую,
А самую бессмертную звезду.

В полночный час над луговым простором,
В горах дремучих, где шумит река,
Её, наверно, видел только ворон
Да ветер, пролетевший сквозь века...

май 2011

ПРИЛОЖЕНИЯ

СТАТЬЯ ИЗ БИОБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

(Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: био-библ. словарь: в 3 т. / Под редакцией Н. Н. Скатова. — М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. — Т. 3. П – Я. – 830 с., ил.)

СОРОКИН Валентин Васильевич [25.7.1936, хутор Ивашла Башкирской АССР] – поэт.

С. происходит из известного уральского казачьего рода. Фамилия Сорокины первоначально произносилась с ударением на последнем слоге – так звали ратников, командовавших сорока воинами. Предки поэта сражались на Куликовом поле, а проживали в Мосальском княжестве. Позднее мосали были переселены Иваном Грозным на Южный Урал. Здесь они основали множество поселений, в числе которых был и хутор Ивашла (ныне не существует), где в многодетной семье (четыре сестры и четыре брата, двое из которых умерли в младенчестве) рос будущий поэт. Мать С. – крестьянка, знала множество стихов, пословиц и поговорок. Отец – лесник, участник Великой Отечественной войны, был ранен шесть раз, домой вернулся инвалидом. Большим потрясением для С. стала трагическая смерть его старшего брата Анатолия (погиб в 1945-м году в глиняном карьере). С этого момента будущий поэт ощущал себя совершенно взрослым, ответственным человеком.

В 14 лет, чтобы помочь семье, С. уходит из родительского дома. В это время он уже автор нескольких прозаических и поэтических публикаций в районной прессе (первая из них, по свидетельству самого С., рассказ «Поэт»). Окончив семилетку, С. поступает в челябинское ФЗО № 5, по окончании которого десять лет работает оператором электрокрана в 1-м мартене Челябинского металлургического завода. Параллельно оканчивает вечернюю школу, учится в горно-металлургическом техникуме, посещает литобъединение «Металлург», много печатается в областной прессе.

Одаренного поэта поддерживают земляки: писатель Н. Воронов публикует его в альм. «Уральская новь», а поэтесса Л. Татьяничева редактирует первую книгу «Мечта» (Челябинск, 1960), стихи из которой «Мы простые парни, работяги, / Дышим вечным пламенем отваги...» позволяют впоследствии ряду критиков причислить С. к продолжателям «рабочей темы». Но в следующих сб. «Мне Россия сердце подарила» (1962) и «Я не знаю покоя» (1962) вырисовывается иной лирический герой, который ставит более масштабные задачи, чем воспевание рабочего класса: «Век поэта – грозное мерило, / Всё, что есть в душе, / Не утаю. / Мне Россия сердце подарила, / Я его России отдаю!».

В 1962 по рекомендации Л. Соболева, Б. Ручьева и В. Федорова С. вступает в СП СССР. В следующем году по настоянию В. Федорова он приезжает в Москву для учебы на Высших лит. курсах, где занимается в поэтическом семинаре, руководимом критиком А. Макаровым. В Литинституте и на ВЛК дружит с И. Акуловым, братьями Э. и В. Сафоновыми, Н. Рубцовым, Б. Примеровым, С. Кузнецовой, В. Машковцевым, А. Жигулиным и др. За неопубликованное стих. «Льву Троцкому» («Для тебя и ракета, и книга, / И такси, и гремучий состав, / Ты страшнее монгольского ига, / Ядовитый сионский удав!») и ряд др. произведений С. подвергается многолетнему прессингу со стороны КГБ.

После окончания ВЛК в 1965-67 С. заведует отделом поэзии в саратовском журнале «Волга». В книге «Лирика» (1966) он выступает как яркий и самобытный поэт любовной темы: «Я люблю тебя очень и очень, / Так, что всюду – куда ни пойдешь, / Не глаза, а иконные очи, / Светят мне бесконечно в пути».

В 1968-69 С. ведет отдел очерка и публицистики в ж. «Молодая гвардия», отстаивавшего в те годы ценности русской культуры. В это время окончательно формируются художественно-эстетические, философские и гражданские принципы С. В 1970-80 возглавляемое С. из-во «Современник» становится ведущим изд-вом почвеннического, национально-гос. направления, а сам поэт создает несколько произведений, вошедших в «золотой фонд» русской лит-ры XX века: поэмы «Евпатий Коловрат», «Пролетарий»,

«Дмитрий Донской», «Сейитназар», «Красный волгарь», «Две совы», «Золотая», опубликованные в книгах С. «Огонь» (1973), «Признание» (1974), «Плывущий Марс» (1977), «Лирика» (1979). Критики усматривали в поэтике С. тех лет близость «к поэтической стихии Корнилова и Павла Васильева. Те же широта, размах, удаль, яркие живописные мазки, народный язык... Сорокин – поэт ярко выраженного национального чувства. Он – поэт громкий и громко говорит о своей любви к Родине» (Львов М. [Предисл.] // Признание. С. 4-5).

Характеризуя значимость жанра поэмы, С. писал, что «поэт без поэмы – царь без короны», и его творческий метод отчасти раскрывает признание, сделанное им в критической книге «Благодарение»: «Поэма требует иногда целого пласта жизни. Поэма – карьер, где надо работать долго и умело, терпеливо и безответно». Примером такого труда можно считать поэму «Дмитрий Донской». Это драматическое повествование (в пяти картинах) густо населено действующими лицами. Дух победительности, торжества властвует в поэме, но не менее сильно выражено в ней ощущение беды и тревоги. Явление Сергия Радонежского в прологе в атеистическое время 1970-х было более чем смелым сюжетным ходом. Тема Родины становится ведущей в творчестве поэта: «Бережь Россию не устану, / Она – прозрение моё, / Когда умру, то рядом встану / Я с теми, кто берег её» («Дмитрий Донской», эпилог).

В 1978 году С. подвергается целому ряду нападок со стороны партийных органов; вместе с др. руководителями «Современника» он проходит через позорную и несправедливую процедуру партийного суда – Комитета партийного контроля; М. Шолохов, лично не знакомый с С., шлёт в Политбюро телеграммы с требованием снять с должности «хамоватого парня Сорокина». Эти внешние обстоятельства существенным образом повлияли на жизнерадостную и темпераментную поэзию С. В. Кочетков писал: «...на долю поколения, к которому принадлежит Валентин Сорокин, выпали вроде бы самые “тихие”, самые бескровные годы. Но на дне этих лет таилась такая горечь, которая в особый цвет окрасила не один лирический сборник, не одну прозаическую книгу.

Лирика Валентина Сорокина соединила в себе и драму прошлого, и сумятицу настоящего, и надежду будущего” (Сычева Л. – С. 118). В наиболее явном виде трагедия «тихого времени» отразилась в сборнике «Посреди холма» (1983), где возникает образ одинокого и сильного человека, ощущающего грядущую катастрофу русского народа и государства: «...Но не летят знакомо журавли. / Я видел сон: они крестов коснулись, / И в заревой растаяли пыли, / И никогда уж больше не вернулись».

С 1983-го С. руководит Высшими лит. курсами. В 1986-м году за книгу лирики (преимущественно любовной) «Хочу быть ветром» (1982) поэт удостоен Гос. премии РСФСР. В 1980-е С. борется за опубликование большой эпической поэмы «Бессмертный маршал» (о Георгии Жукове), завершённой ещё в 1978-м. Цензурные и партийные преследования были таковы, что в отдельные годы из нее вымарывали до 1500 строк – власти обвиняли автора в «антисоветчине», требуя убрать образы Берии, Сталина, да и сам Жуков казался ЦК КПСС «недостаточно коммунистом». Полностью поэма была опубликована только в 1989.

Распад СССР, национальные войны на окраинах некогда единой державы поэт переживает очень тяжело. Именно в эти годы в периодике появляются очерки С. о погибших русских поэтах – Сергее Есенине, Борисе Корнилове, Павле Васильеве, Николае Рубцове и др., составившие впоследствии документально-публицистическую книгу «Крест поэта» (1995). Кровавые события 1993 года легли в основу поэмы «Батый в Кремле». В этом произведении кроме характерных для С. горько-обличительных, гневных интонаций много народной лексики и сатирических приемов: «А Батый на «ЗИЛе» мчится / И кобенится, мурло: / «Не успел я помочиться / Вертолету на крыло!...»

В 1996 году в книге «Будь со мной» С. возвращается к любовной лирике. Для поэта характерно слияние любимой женщины, России, матери в едином образе лирической героини: «Глаза твои, глаза её / И колокольный звон, / Все это – вечное, моё, / Протяжное, как стон!». Любовная лирика С. отличается глубокой интимностью и чувственностью: «Нам тоской разлуки не согреться.

/ Белые деревья. / Лунный чад. / И тебе под маленькое сердце /
Кровь и свет страстей моих стучат».

Параллельно поэт работает над циклом политических басен («Басни и сказы про ельцинские проказы», 1997) и очерками новейшего «смутного времени» («Обида и боль», «Отстаньте от нас!..», 2002). Очерки В. Сорокина отличаются большой страстностью, бескомпромиссностью, ярко выраженным национальным чувством. Документальный роман в новеллах «Биллы и дебилы» (2003), где С. касается, в основном, своей работы в «Современнике», – образец прозы поэта, импульсивной, ироничной, точной в оценках, с многочисленными лирическими отступлениями. В поэтическую книгу «Голос любви» (2003) вошли стих., написанные в последние годы, а так же те, что не были опубликованы в советское время из-за цензурных препятствий.

После распада СССР в качестве сопредседателя СП России С. способствует восстановлению лит. процесса в национальных республиках, с 2002 года работает заместителем председателя исполкома Международного сообщества писательских союзов. В 2000-м за поэму «Бессмертный маршал» ему присуждена Международная премия им. М.А. Шолохова. С. также удостоен лит. премий имени А. Твардовского, В. Федорова, В. Третьяковского и др.

В последние годы в стихах С. все яснее звучат христианские мотивы. Поэт осознает свое творчество как мессианское служение: «К Родине склоняясь головою, / Знаю, Бог мне указал перстом / Стать землей, молитвою, травой, / Эхом стать в моем краю пустом!..» (Ср. у Пушкина: «И неподкупный голос мой / Был эхом русского народа».)

С. – автор очерков о многих поэтах и писателях, своих современниках: Б. Ручьеве, Л. Татьяничевой, В. Федорове, П. Проскури-не, Ю. Бондареве, Е. Исаеве, В. Семакине, И. Шевцове, Н. Воронове, И. Акулове, М. Львове, Д. Ковалеве, В. Бокове, С. Куняеве, А. Маркове, А. Прокофьеве, С. Богданове, В. Машковцеве, А. Филатове, С. Викулове, С. Поделкове, В. Кочеткове, Ю. Прокушеве, О. Шестинском и др. Стихи С. переведены на мн. европейские языки,

на арабский (у поэта есть большой стихотворный цикл «Древняя песнь Иордана»), японский и хинди.

С о ч.: Мечта: Стихи. Челябинск, 1960; Мне Россия сердце подарила: Стихи. Челябинск, 1962; Я не знаю покоя: Стихи. Челябинск, 1962; Ручное солнце: Стихи. М., 1963; Лирика: Стихи. Челябинск, 1966; Библиотечка избранной лирики. Валентин Сорокин: Стихи. / Вст. ст. Михаила Беляева, М., 1966; Разговор с любимой: Стихи и поэмы. Саратов, 1968; Голубые перевалы: Стихи. М., 1970, Проплывают облака: Стихи. М., 1971; За журавлиным голосом: Стихи и поэмы. М., 1972; Клик. Стихотворения и поэмы. М., 1973; Огонь: Поэмы. М., 1973; Грустят березы; Стихи. М., 1974; Признание: Стихи, поэмы. / Вст. ст. М. Львова. М., 1974; Багряные соловьи: Стихотворения. М., 1976; Озерная сторона: Стихи и поэмы. / Послеслов. Бор. Леонова, М., 1976; Плывущий Марс: Стихотворения и поэмы. М., 1977; Избранное: Стихотворения и поэмы. М., 1978; Я шел к тебе: Стихи. Челябинск, 1979; Лирика: Стихотворения и поэмы. / Вст. ст. Б. Примерова, М., 1979; Первый ветер: Стихи. Уфа, 1981; Хочу быть ветром: Стихотворения и поэмы. М., 1982; Посвящение: Избранное. М., 1982; Посреди холма: Стихотворения и поэмы. М., 1983; Лирика: Стихи и поэмы. М., 1986; Благодарение. Поэт о поэтах: Портреты писателей, очерки, литературная критика. / Вст. ст. Е. Осетрова. М., 1986; Я помню: Стихотворения, баллады, поэма. М., 1987; Обещание: Стихотворения и поэмы. М., 1989; Будь со мной: Стихи о любви. М., 1996; Лицо: Стихи. Оренбург, 1997; Басни и сказы про ельцинские проказы: Басни. М, 1997; Крест поэта: Очерки. М., 1998; Бессмертный маршал: Драматическая поэма. М., 2000; Ратный миг: Стихотворения, баллады, поэмы. М., 2000; «Обида и боль», кн. 1, «Отстаньте от нас!..», кн. 2.: Очерки, М., 2002; Голос любви: Стихи и поэмы. Челябинск, 2003; Биллы и дебилы: Роман в ярких документальных рассказах. М., 2003.

Лит.: Денисова И. Крылатая правда. // Огонек, 1969. № 17; Макаров А. Эстафета поколений (стр. 353 -357). Непокой молодости. – В кн.: Во глубине России. // М., 1973; Поделков Сергей. Читая

жизнь. // Литературная Россия, 4 мая 1973; Цыбин В. Песенная биография времени. // Литературная Россия, 24 мая 1974; Кузин Н. “В просверках огней и соловьев...” – В кн.: Поэзия рабочего Урала. // М., 1974; Макаров А. Критик и писатель. М., 1974; Богданов В. По ступеням зрелости. // Наш современник, 1975. № 12; Калугин В. Не лирикой единой. // Саратов: Волга, 1977. № 7; Муссалитин В. Верность времени. // М.: Книжное обозрение, 1977, 1 июля; Кочетков В. Перепутье. – В кн.: В. Кочетков. Люди и судьбы. // М., 1977; Рымашевский В. Вечное, как солнце, ремесло... // Литературное обозрение, 1977. № 10; Ханбеков Л. Выбираю бой. Штрихи к творческому портрету Валентина Сорокина. // Челябинск, 1980; Филиппов А. Серебряные струны Зилаира. – В кн.: Востребованные временем. // Уфа, 1999; Белозерцев А. Сердце матери. – В кн.: Свет материнских глаз. // Челябинск, 2001; Числов М. Жизнь поэта – крест поэта. // Москва, 2000. № 10; Валеев Р. Первый среди друзей. // Челябинский рабочий, 25 июля 2001; Вилинский О. “Мне Россия сердце подарила...” // Магнитогорский металл, 4 октября 2001; Числов М. Поэзии божественная суть. // Российский писатель, 2002. № 2; Сычева Л. Тайна поэта. Документальная повесть-размышление о жизни и творчестве, // Челябинск, 2002; Голубничий И. Любовь, родина, борьба. // Московский литератор, 2003. № 14; Крупин М. Последняя звезда. // Литературная Россия, 2003. № 47.

Л.А. Сычёва

Портрет Александра Блока.
Художник Константин Сомов, 1907.

Сергей Есин, Валентин Сорокин,
Иван Голубничий.

Лидия Сычева, Валентин Сорокин.

"Могучая кучка" основателей журнала "МОЛОКО".
Во дворе Литинститута, осень 1997 года. В центре - Лидия Сычева.

Юбилейный вечер Литературного института в Центральном доме литераторов.
Валентин Сорокин, Борис Леонов, Евгений Антошкин, Ямилъ Мустафин.

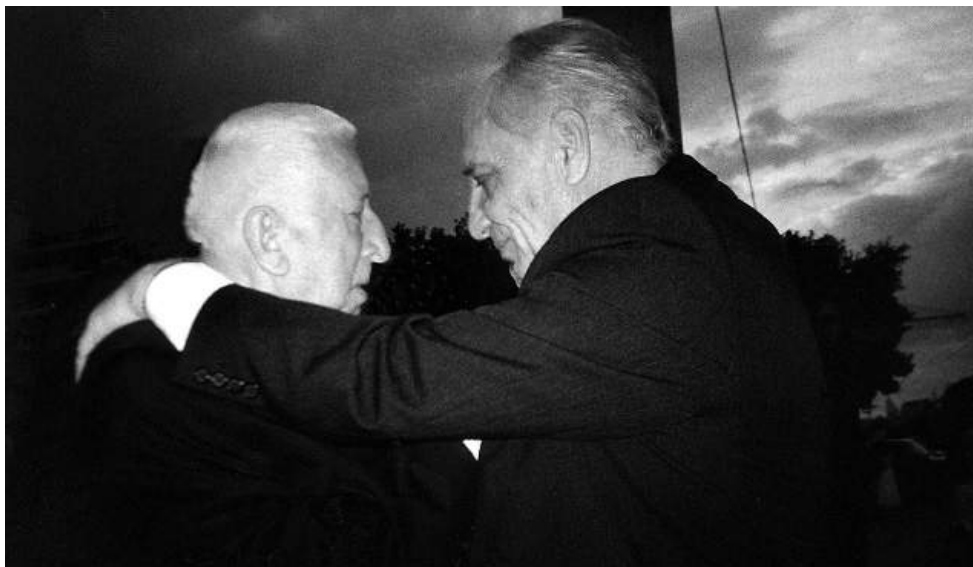
Фото Юрия Паршинцева.

Вместе со слушателями Высших литературных курсов
у памятника Сергею Есенину на Тверском бульваре.

Сергей Есенин. 1921 г.

Расул Гамзатов, Валентин Сорокин. Махачкала, 2003 год.

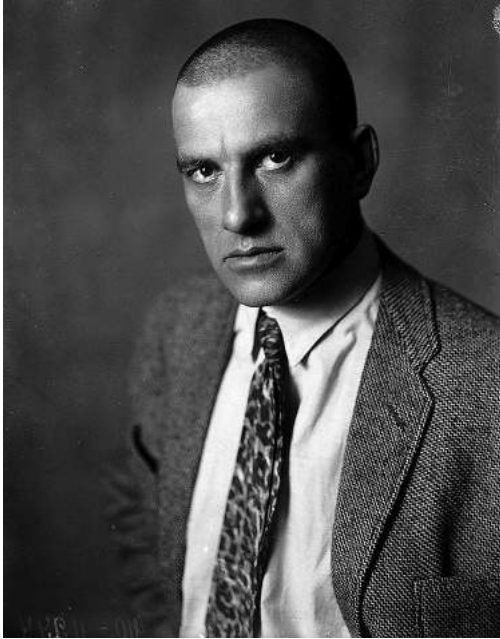
Вопрос Сергею Миронову. Литературный институт, 2009 год. Фото Юрия Паршинцева.

Александр Байгушев,
автор книги о Валентине Сорокине.

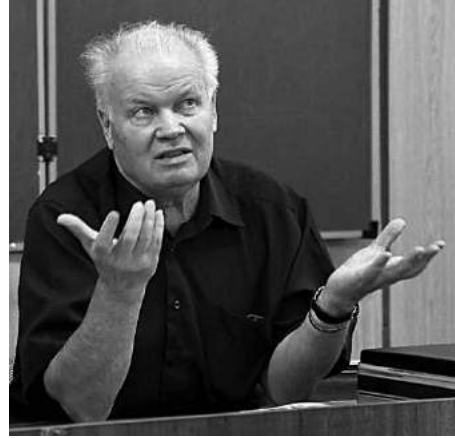
Писатель и журналист Анатолий Белозёрцев.

Владимир Маяковский.

Леонид Ханбеков,
автор книги "Выбираю бой.
Штрихи к творческому портрету
Валентина Сорокина".

Композитор Дмитрий Данилов (Санкт-Петербург),
автор романсов на стихи Валентина Сорокина

Виктор Сошин, двоюродный брат поэта
Вячеслава Богданова, организатор
"Богдановских чтений" на Тамбовщине

Автор книги "Своим чередом" Зоя Прокопьева, Лидия Сычёва, Артём Ермаков, Капитолина Кокшенёва. Челябинск, май 2005 года.

Сергей Алабжин, Валентин Сорокин.

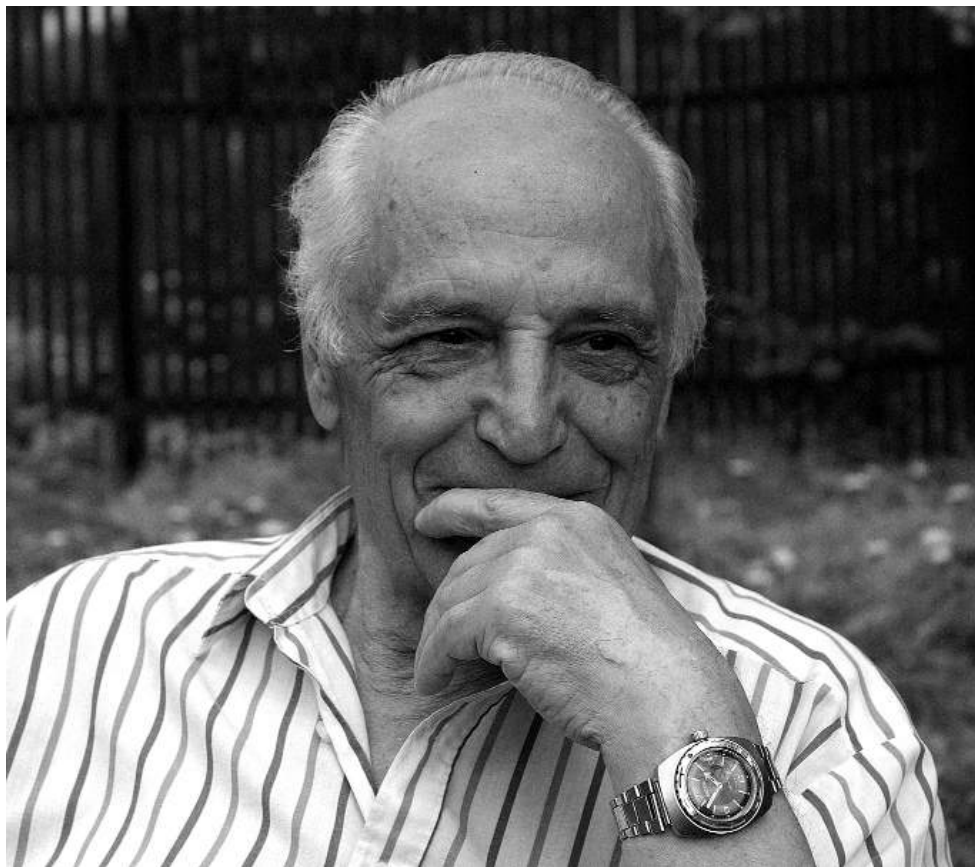

Село Константиново. 3 октября 1975 г. 80-летие со дня рождения Сергея Есенина. Слева направо: Т. Есенина, Ю. Прокушев, В. Вдовин, В. Федоров, С. Наровчатов

Русские поэты в гостях у Сергея Есенина. 8 октября 2006 года, Константиново.
В первом ряду справа налево - Игорь Мухин, Дмитрий Дианов и Василий Попов.
Второй ряд - Антонина Спиридонова и Людмила Снитенко.
В центре Валентин Сорокин, справа от него Ирина Ерёмченко, слева Ольга Юлдашева.

Валентин Сорокин. Лето 2011 года. Фото Владислава Цылёва.

БИБЛИОГРАФИЯ

Книги Валентина Сорокина, изданные после 2003 года

1. Три круга: Проза. Челябинск: «Танкоград», 2004.
2. Восхождение: Собрание сочинений в одном томе. М.: «Советский писатель», 2004.
3. Крест поэта: Очерки. М., 2006.
4. Где твой меч? Стихотворения, поэмы. М., 2006.
5. За одну тебя: Стихотворения, поэмы. М., 2007.
6. Первая леди: Проза. 2007.
7. Сувенир: Басни, эпиграммы. М., 2008.
8. Ты моя: Стихотворения. М., 2008.
9. Один изъян от этих обезьян: Политическая сатира, басни. Челябинск, 2009.
10. Макаки в полумраке: Очерки. М., 2010.
11. Здравствуй, время! Стихотворения, поэмы. М., 2010.
12. Пути свидания: Стихи и поэмы о любви. М., 2011.
13. Русская отвага: Стихотворения, поэмы, баллады. М., 2011.

Книги о творчестве Валентина Сорокина

1. Ханбеков Л. Выбираю бой. Штрихи к творческому портрету Валентина Сорокина. Челябинск, 1980.
2. Филиппов А. Серебряные струны Зилаира // В кн. Востребованные временем. Уфа, 1999.
3. Сычёва Л. А. Тайна поэта. Документальная повесть-размышление о жизни и творчестве. Челябинск, 2002.
4. Прокушев Ю. Л. «Беречь Россию не устану...». Челябинск, 2005.
5. Белозёрцев А. Журавлиная высь // В кн. Священного призвания стихия. О жизни и творчестве поэтов Южного Урала. Челябинск, 2005.

-
6. Захаров Н. Красивая мудрость слова. Исследование литературного творчества. М., 2006.
 7. Байгушев А. Культовый поэт русских клубов Валентин Сорокин. 15 тайн русского сопротивления. М., 2008.

Содержание

БЕСЕДЫ О РУССКОЙ ПОЭЗИИ.....	3
Природа русского образа	5
Украденное богатство	29
Народность и миф	54
Предначертанная высота	80
Стратегия измены	106
«ВСЁ ПРОРОЧИТ, ЧТО БУДУ Я БЕССТРАШНЫМ ПЕВЦОМ...»	127
Во имя любви и жизни	129
Пусть главное останется в сердце	151
Звёздный путь.....	160
Возвращение великой книги	168
Кто как живёт, тот так и пишет	175
Время Бояна	186
ПРИЛОЖЕНИЯ	197

Лидия СЫЧЁВА

ВРЕМЯ БОЯНА

Книга о русской поэзии
и художественном слове

*Редактор Фёдор Кузьмичёв
Технический редактор Дмитрий Скопин
Вёрстка Маргарита Воденина
Корректор Ольга Мишанина
Дизайн обложки Юрий Паршинцев, Вероника Савина*

Отзывы о книге направлять по адресу:
lsycheva@rambler.ru

Подписано в печать 6.07.2011
Формат 60x84 /16.
Усл. печ. л. 12. Тираж 500 экз.
Изд. заказ 172_06_2011. Тип. заказ 55/07-11.

Отпечатано в типографии:
ООО «Ваш полиграфический партнёр»
127238, г. Москва, Ильменский пр, д. 1, стр. 6